

"Нескромные желания"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Тия Дивайн

Нескромные желания

Как всегда, *Джону, Тому и Майку. И с безграничной благодарностью Карин Риттер*

Пролог

Брейдвуд-Мэнор

Стоунборн, Линкольншир, Англия

Июнь 1874 года

Она называла эту комнату запретной. Знала, что в нее нельзя входить. Скрытая от посторонних глаз, она казалась таинственным местом в доме, полном комнат с настежь распахнутыми дверями.

Здесь, в этой прекрасной комнате, отделанной шелком и бархатом, дверь была наглухо закрыта. И никто не мог найти ее.

А она нашла. Но никому не сказала.

Никому, даже Кольму.

- Фрэнсис!.. Фрэн... сис!

Франческа вздрогнула, услышав пронзительный голос тетушки. Он звучал близко, слишком близко, словно тетя Ида уже находилась здесь, в потайной комнате.

Но даже в этом случае она не увидела бы Франческу. Прикроватный полог скрывал ее. Тетя просто не могла знать, что она прячется здесь, а не в библиотеке, как обычно.

Впрочем, тетя Ида знала все.

Тяжелые шаги приближались. Лежавшая под кроватью Франческа в страхе сжалась в комочек. Если только тетушка найдет ее!..

Тогда беды не миновать, страшной беды, даже Кольм не сможет ее спасти. Пробраться в запретную комнату – это страшное преступление. И если тетя Ида когда-нибудь об этом узнает, непременно отправит Франческу в сиротский приют. Потому что только тетя Ида знает о запретной комнате!

- Фрэнсис!

Девочка вздрогнула. Это имя. Это жуткое имя. Минуло всего шесть месяцев с тех пор, как она сюда приехала, но это время показалось ей вечностью, потому что с самого первого дня она только и делала, что перечила тетушке.

Своей опекунше.

Но она не могла ей не перечить. Не могла и все.

И не она одна была в этом виновата. Тетка превратили жизнь девочки в настоящий ад.

Из-за ее имени между ними разгорелась настоящая война, и тетя Ида не собиралась сдаваться.

- Франческа - это чересчур фривольно, - заявила тетя Ида, когда девочка только приехала в Брейдвуд. - Я не допущу, чтобы в моем доме жила какая-то Франческа. Теперь ты станешь Фрэнсис.

- Нет, не хочу, - воскликнула Франческа. - Никогда и ни за что я не буду откликаться на это ужасное имя.

...И вот она снова прячется и надеется, что скоро вернется Кольм и разрядит обстановку.

- Чертова девчонка. Несносное отродье, - пробормотала тетка. - Вот результат божьего воспитания... Фрэнсис!

Сердце девочки бешено колотилось. Она слышала, как тетка нервно расхаживает по библиотеке. Вот она остановилась. Ищет. Двигает мебель. Вот стукнули колени, когда она поползла под стол, где в последний раз пряталась Франческа. Вот заскрипели петли, когда она открыла дверь.

Франческа боялась вздохнуть. Запретная комната была всего на одну ступеньку ниже библиотеки, скрытая древним восточным алтарем, привезенным каким-то родственником с Востока полвека назад и установленным в Брейдвуде.

И она не могла с уверенностью утверждать, что не сдвинула что-нибудь с места, когда решилась зайти в запретную комнату, чего никогда бы не сделала, если бы так отчаянно не пыталась спрятаться. Тетя Ида замечала все до мельчайших деталей. Ее невозможно было перехитрить, и все же Франческа проникла в запретную комнату, рискуя навлечь на себя ее гнев.

- Ну, право же, Ида... - раздался откуда-то сверху голос тети Клариссы.

О, слава Богу! Франческа с шумом выдохнула, когда услышала, как тетя Кларисса впорхнула в комнату, чтобы заступиться, как обычно, за единственного ребенка своей дорогой сестры.

Теперь Франческа была в безопасности. Тетя Кларисса успокоит тетю Иду.

Франческа выползла из-под кровати и вскарабкалась по высоким каменным ступеням к массивной деревянной двери, которую осторожно закрыла за собой, проскользнув в крошечный проход, отгороженный огромным алтарем из резного дерева.

Алтарь занимал всю стену, от пола до потолка, а в узкой исповедальне была вторая потайная дверь, выходившая в скрытый от глаз проход.

Она открыла эту дверь и присела у исповедальни, прислушиваясь к разговору.

- Право же, тебе не кажется, что эта борьба характеров зашла слишком далеко? - сказала тетя Кларисса. - Да пусть у ребенка останется ее имя!

Тетя Ида тут же набросилась на нее:

- Знаешь, моя дорогая преданная сноха, хоть ты и считаешь себя кладезем мудрости, вот что я тебе скажу. Ты и займись ею, научи быть настоящей леди, попробуй выдать замуж создание с

таким невероятным именем. Женщины, носящие это имя, не выходят замуж. Они становятся актрисами и содержанками, а я не могу этого допустить, она дочь твоей сестры.

- Ей всего десять лет, Ида.

- Чем раньше, тем лучше, - возмущенно фыркнула Ида. - Ее необходимо призвать к порядку. Лили наверняка была бы на моей стороне. Несмотря ни на что.

- Этого ты не знаешь. И вообще, к чему такая спешка?

- Пришел учитель, а ее, как всегда, нигде не найдешь. И не стоит попусту тратить на нее деньги, обучать иностранным языкам и хорошим манерам.

- Дорогая, ты же знаешь, что она где-то поблизости, возможно, рисует, а ты волнуешься из-за пустяка.

- Именно. *Возможно, рисует*, - передразнила ее Ида. - Ты только взгляни на это и тогда говори, что я волнуюсь из-за пустяков. Яблоко от яблони недалеко падает, верно?

Зашуршала бумага, и Франческа замерла от страха. Тетя Кларисса пробормотала:

- Да, но ведь признай, Ида, как точно выписаны все черты. Она кажется неземной, мученицей на пороге самопожертвования... Как ты полагаешь, кто она?

Франческа сжалась. О Боже, набросок. Она спрятала его в своей комнате под стопкой бумаги... Как Ида добралась до него?

- Скорее всего, молочница, и не из Брейдвуда, - холодно заметила Ида, - потому что иначе я бы уже дала ей расчет за то, что она транжирит время, позируя неблагодарной девчонке, которая даже не откликается на собственное имя.

- Это не ее имя, - осмелилась мягко возразить Кларисса.

Ида всплеснула руками.

- Я делаю и буду, делать то, что идет на пользу ребенку. Но меня никто не понимает. Никто. Даже ты! Ты же встала на ее сторону в этом вопросе, с первого же дня. Просто невыносимо. А теперь еще и это... бездумная, напрасная трата времени. Люди богемы, Кларисса. Эдмунд Рэй был никчемным человеком. Чего он добился в жизни? Ничего. Только низвел ее мать до своего уровня. Этим представителям богемы нельзя доверять, их невозможно ничему научить. И с какой стати именно я должна пытаться сделать это? Вот ты и ищи ее, Кларисса, и приведи на занятия. Это самое меньшее, что ты можешь сделать после того, как едва не повздорила со мной.

Тетя Ида вышла из комнаты, бормоча что-то себе под нос, и Франческа представила себе, как Кларисса топчется в нерешительности, обдумывая ситуацию, а потом устремляется вслед за Идой.

Наступила тишина.

Франческа не шевелилась, потому что тогда она нарушила бы тишину, а ей так хотелось просто погрузиться в нее и заставить исчезнуть и тетю Иду, и эту новую кошмарную мысль о том, что тетя Ида роется в ее вещах. Она даже не могла до конца осознать этот новый поворот. Но

Кольм наверняка знает. Кольм знает все и посоветует ей, что делать.

А вдруг Кольм прямо сейчас станет разыскивать ее, а она появится прямо из исповедальни? Как она сможет объяснить это – она, у которой, никогда не было секретов от Кольма с того самого дня, как она появилась в Брейдвуде?..

Надо выбраться из исповедальни до того, как кто-нибудь заметит ее. Кольм не должен об этом знать, решила Франческа.

Она прислушалась и, удостоверившись, что в комнате никого нет, тихонько проскользнула через исповедальню, после чего, затаив дыхание, медленно, очень медленно прикрыла дверь.

В комнате никого не было. Она закрыла глаза, почувствовав себя словно шарик, из которого выпустили воздух, и изо всех сил вцепилась руками в письменный стол.

- Пет...

Она резко обернулась.

- Фрэнни... – Это ласкательное имя прозвучало из уст человека, которого она любила больше всех в мире. Он стоял и дверях, такой высокий, красивый.

Она стремительно подбежала к нему, и он заключил ее в объятия.

- О, Кольм, Кольм... – с отчаянием воскликнула она, испугавшись, что он видел ее выходящей из исповедальни, и пытаясь скрыть свой страх. Это тетя Ида во всем виновата, сердито подумала Франческа, потому что именно из-за тетки ей пришлось прятаться.

- Она невыносима, – прошептала девочка, прижавшись головой к его груди. – Она неутомима. Теперь она обыскивает мою комнату, нашла рисунок и показала Клариссе.

- Шшш, шшш... – прошептал Кольм. – Успокойся. Ведь она хочет сделать как лучше. – Ему было всего шестнадцать лет, но он уже стал для девочки утешителем и защитником. Она любила его бесконечно, яростно; это был бурлящий вулкан чувств, вспыхнувший сразу после внезапной кончины ее родителей.

И она молилась, чтобы ей никогда больше не пришлось рассказывать ему о запретной комнате. Никогда.

- Шшш... Не все так плохо. Она старается сделать как лучше.

- Если бы только она не называла меня Фрэнсис...

- Фрэнни... – вздохнул он. – Если ей так нужно, то пусть... А ты не можешь...

- Не могу. Я уже говорила, – упрямо ответила Франческа, не теряя надежды.

Он не видел ее, иначе не позволил бы ей столько жаловаться на тетю Иду. Захотел бы узнать, что она делала в исповедальне, и она не была уверена в том, что ее оправдания сработали бы и на этот раз.

Она теперь уже ни в чем не была уверена.

Помолчав, Кольм сказал:

- Тогда хотя бы иди на урок.

- Я занималась другим, - сообщила она тихо. Он сразу понял, потому что знал. И тетя Ида тоже. И именно это тетя Ида больше всего хотела в ней подавить. - И она узнала, чем я занималась, потому что проникла в мою комнату.

- Ну не делай этого, когда у тебя уроки, и она не будет шарить у тебя в комнате.

- Не понимаю, почему я должна учить этот дурацкий древненемецкий. Я ненавижу его. Я ненавижу все.

- Ш-ш-ш, ш-ш-ш... Ты должна готовиться к школе, Фрэнни. Ты же знаешь, что не можешь теперь жить так, как жила с родителями. Тетя Ида делает то, что сделала бы твоя мама. Это чистая правда.

- Она не моя мама. Моя мама была милой и доброй, а она злая и вредная. Я ненавижу ее. Ненавижу!

- Она никогда не была злой и вредной, - возразил Кольм. - Она заботится о тебе - о нас - с тех пор, как погибли твои родители. Ты должна изменить свое отношение к ней, прекратить войну. Должна заниматься. Тебе придется ходить в школу. Подумай, что будет, когда я уеду?

Она гнала эту мысль.

- Еще не скоро, - сказала она дрожащим голосом.

- Не строй иллюзий, Фрэнни. Я уеду в Фенчерч в сентябре. Осталось меньше трех месяцев.

- Да это целая вечность, - воскликнула она, высвобождаясь из его объятий. Он не понимает. Просто невероятно!

- Надо научиться ладить с тетей Идой.

- Не могу.

- Ты просто не желаешь.

Франческа почувствовала, что ее предали. Кольм никогда не принимал сторону тети Иды. Кольм любит ее, и они были союзниками против тетки с того самого дня, как она приехала в Брейдвуд.

- Ты должна, - решительно заявил Кольм. - Я не могу остаться здесь... может, буду изредка приезжать на уик-энд... но этого будет недостаточно, Фрэнни, если ты не постарайся... Ты должна постараться.

- Она мне все запрещает, - заныла Франческа. - Она вредная.

Кольм снова крепко обнял ее.

- Это не важно, Фрэнни. Ты должна это понять. Это не важно. Она наша опекунша, и у нас нет выбора. Но я обещаю, если ты постарайся, если будешь вести себя как следует... дай мне немного времени, Фрэнни, потерпи, пока я закончу школу. Я буду много заниматься, чтобы закончить ее раньше. И тогда, я обещаю, я клянусь сделать все, чтобы мы были вместе.

Берлин, Германия Лето, 1888 год

Сара Тэва умерла.

Не стало самой знаменитой, самой необычной танцовщицы в мире, выступавшей перед королями и вельможами всей Европы, которая отказалась от всего, чтобы выйти замуж за младшего сына влиятельного графа.

Франческа растерянно склонилась над постелью Сары, где горой возвышались костюмы танцовщицы из сверкающего шелка и атласа, не зная, что со всем этим делать.

Такие яркие вещи, печально думала она. И такая бессмысленная смерть.

Никто не смог бы спасти ее. Ты пыталась. Ты была единственной, кто пытался. Больше никого не было рядом.

Только одна Франческа. Она стала сиделкой, матерью, исповедником Сары после смерти ее молодого мужа, но это ничего не изменило.

Сара тоже умерла. Ее сильное гибкое тело высохло от болезни, превратившись в жалкий скелет, живущий одними воспоминаниями.

Но воспоминаниями нельзя расплатиться за лечение, и доктора отказались помогать Саре, когда у той кончились деньги. У нее не было ни средств, ни семьи. Впрочем, были родственники Уильяма, но они не ответили на ее зов о помощи.

Ничего не осталось, кроме воспоминаний.

- Все деньги, - часто стонала Сара, - все подношения, подарки, бриллианты... все ушло.

- Ш-ш-ш... Не трать силы напрасно.

- Ты такая добрая, - вздыхала Сара, крепко держа руку Франчески. - Такая прекрасная. Ты мне словно сестра... Не оставляй меня...

- Я не покину тебя, - пообещала Франческа. Иначе она и не могла поступить. Но не ради Сары. Ради себя.

Она ждала Кольма. Ее дорогого Кольма, который, хотя и находился далеко, в Шотландии, где учился в медицинской школе, все эти годы продолжал вмешиваться в ее извечную войну с тетей Идой, проследил, чтобы Франческа пошла в школу, чтобы брала столь дорогие ее сердцу уроки рисования и последовала за ним в Фенчерч обучаться живописи. Кольм сделал для нее все это и еще многое, пока заканчивал учебу и завоевывал признание в качестве врача.

Кольм. В марте этого года его вместе с другими врачами вызвали в Берлин, чтобы лечить кайзера от рака горла, а вся страна затаила дыхание и молилась за выздоровление только что коронованного императора.

Кольм. Он потом прислал за ней, около пяти месяцев назад, несмотря на возражения тети Иды. Он поселил ее в этом пансионе, устроил ей заказ на портрет одного чрезвычайно любвеобильного генерала, который щедро заплатил Франческе за то, что она значительно приукрасила его физические достоинства.

Но от Кольма не было никаких известий; видимо, состояние Фридриха ухудшилось, иначе Кольм непременно приехал бы за ней. И Франческе ничего не оставалось, как терпеливо ждать.

- Кто-нибудь появится, - твердила она Саре, стремясь поддержать ее, как, впрочем, и себя. - Родные Уильяма приедут.

- Нет никаких родных, - усмехнулась Сара. - Есть только один Миэр.

- Я знаю. Я помню. Большой и нехороший граф. Тот, что лишил наследства твоего мужа, когда он женился на тебе. Тот, кому нет дела до того, жива ты или мертва...

- У меня так мало времени, - стоически говорила Сара.

Она была реалистом, прагматиком. И в то же время романтиком. До последнего вздоха. Она часто останавливала взгляд на Франческе, и в эти моменты глазам ее представал какой-то иной мир, тот, где сбываются мечты.

- Моя прекрасная сестра, - шептала она. - Ты могла... ты могла быть моей сестрой с этими темными волосами, этими руками, этими загадочными глазами...

Франческа всматривалась в свое отражение в зеркале каждый раз, когда Сара говорила это, пытаясь обнаружить сходство. Она видела фотографии Сары, совсем еще молодой, в невероятных костюмах. Сара не была такой тоненькой и хрупкой, как Франческа. Но некоторое сходство между ними все же существовало.

Длинные густые темные волосы, раскосые глаза, изогнутые брови, чувственный рот. Но излишества и болезнь до неузнаваемости изменили Сару, превратили ее тело в ничто.

- В молодости я действительно была на тебя немного похожа... - шептала Сара, протянув руки к Франческе. - Эти руки. Они завораживали всех, когда я танцевала.

- Да, все это говорят, - утешала ее Франческа. - С тобой никто не мог сравниться, твои танцы были даром богов...

- Да, да... Я родилась рабыней храма, дочерью святого из святых и всю жизнь готовилась стать служанкой богов.

Франческа многое узнала о жизни Сары, когда той стало совсем плохо и она, впадая в забытие, рассказывала о своей жизни, невероятном успехе, своих возлюбленных, богатстве, ярких выступлениях перед королями и кайзерами и, наконец, о своем браке с Уильямом Девени, младшим братом графа Миэра.

«Уходи со сцены, - говорила ей Сара, - Пока твое имя еще у всех на слуху».

Но Сара не ушла, а буквально сбежала со сцены, связав свою жизнь с неуравновешенным молодым человеком, страстно желавшим обладать ее пышным телом.

«Милый мальчик» - так называла его Сара в моменты, когда к ней возвращалось сознание. «Измученный мальчик. Мне пришлось учить его всему. Ты только представь - иметь такого брата, как Миэр. Бесчувственное чудовище... он ведь лишил Уильяма наследства, оставив без единого фартинга, когда тот женился на мне. Есть еще средний брат, ко всему прочему священник. Святее самого Уильяма. Мой бедняжка, А когда он умер таким образом...»

Раненный четырьмя месяцами раньше и брошенный на улице; доставленный, словно нищий, в какую-то богадельню, прежде чем Сара ее разыскала.

Когда Франческа начала принимать горячее участие в делах Сары? Кажется, еще до ее болезни, сразу после смерти Уильяма.

Сара и Уильям жили в пансионе, этажом ниже, Сара все еще выступала перед избранной публикой и пользовалась огромным успехом. Их любовь с Уильямом была шумной, полной драматичных ссор и бурных примирений.

Франческа из окна своей студии часто видела, как они шли рука об руку по Хейдештрассе – Сара в ярких одеждах и более уважаемый и сдержанный Уильям. Видно было, как они обожают друг друга. Как друг о друге заботятся.

Поначалу Сара с Франческой лишь обменивались кивками при встрече, потом стали болтать по-приятельски.

Франческа никак не ожидала, что трагическая смерть Уильяма так сблизит их, и уж тем более не могла предположить, что ей придется ухаживать за Сарой в последние дни ее жизни.

Кольм нашел бы способ спасти ее, думала Франческа. Если бы появился вовремя...

В комнате все еще витал запах Сары, чувствовалось ее присутствие.

- Одежда... – шептала она, с огромным трудом собрав последние силы. – Обещай, что Сара Тэва как личность никогда не умрет. Обещай... – И она закашлялась, пытаясь удержать горячий бульон, единственное, что она могла теперь есть.

- Все, что пожелаешь, – прошептала Франческа, обтирая губкой разгоряченную кожу Сары. – Скажи, что я должна сделать.

- Аббатиса, – выдохнула Сара, тщетно пытаясь приподняться на подушках. – Отправь меня к... Аббатисе... Отправь все... – Это были ее последние слова.

Она умерла в день начала правления кайзера Вильгельма II. Умерла в одиночестве, никто, кроме Франчески, не знал о ее кончине, никто, кроме нее, не скорбел.

А теперь все это – жалкие остатки имущества одной из самых скандально известных женщин Европы, гора сверкающих, ослепительно ярких костюмов на ее смертном одре. Франческа не знала, что с ними делать.

Ей нужен был Кольм.

Сложившаяся ситуация беспокоила Франческу больше, чем ее проблемы в отношениях с тетей Идой. Но о тете Иде она не хотела думать. В ушах звучал ее язвительный голос: «Какая глупость – везти тебя в Германию. Что тебе это дало? И чего тебе это стоило? И чего это стоило мне?»

Все разговоры тети Иды заканчивались ее персоной, словно она была своего рода нравственным ядром, вокруг которого вращались остальные, а тетя Кларисса служила для нее просто фоном.

Что бы Франческа делала без поддержки Клариссы? Ведь так тяжело было жить, когда

пронзительные глаза тети Иды следили за каждым ее шагом, осуждали каждое ее слово.

Когда Кольм все-таки уехал, наступили кошмарные дни. Франческа казалось, будто она ходит по краю пропасти. Один неверный шаг... Тетя Ида не спускала с нее глаз, пытаясь поймать... на чем?

Кольм оказался прав. Переубедить тетю Иду было невозможно. Франческа смирилась с тем, что ее теперь называли Фрэнсис, и больше не возражала.

А вот от рисования не смогла отказаться. Тетя Ида неохотно уступила, и то лишь благодаря Клариссе.

Зато она всячески пыталась подавить остальные творческие порывы девочки.

И Франческа терялась в догадках, почему тетя Ида разрешила ей поехать в Германию и взять заказ на портрет. Возможно, потому, что этого хотел Кольм, любимый племянник, который был для тети Иды светом в окошке. Или же ее уговорила тетя Кларисса, заставив понять, что ее возражения просто нелепы, что это прекрасный шанс для Франчески, а Кольм и защитит ее, и позаботится о ней.

Если бы только тетя Ида знала...

Кольм договорился, чтобы ее встретили на вокзале и доставили в пансион. Он прислал немного денег и записку с каким-то невнятным обещанием появиться, как только состояние здоровья кайзера Фридриха улучшится. А пока об этом не может быть и речи.

Но с тех пор прошло два месяца. Фридрих умер, несмотря на все усилия врачей, а Кольм так и не появился.

А теперь вот не стало Сары...

Внезапно она осталась совершенно одна; все хлопоты по уходу за Сарой были позади, напряжение спало, и сейчас Франческа чувствовала себя так, словно ее лишили корней, словно забота о Саре была единственным смыслом ее жизни, и теперь она никому не нужна.

Да, именно этим она и жила, последние месяцы. И еще сознанием того, что вырвалась от тети Иды. Хотя ее присутствие представляло собой определенную стабильность, ведь Франческа всегда знала, чего от нее ждать.

А сейчас все изменилось. Здесь все было чужим, незнакомым. Лишь извечная уверенность в том, что Кольм придет за ней, давала ей силы жить.

Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как она сюда приехала, с тех пор, как получила первую и единственную записку от него, с тех пор, как заболела Сара.

Неужели она настолько зависела от Сары?

Одна. Это было самое жуткое ощущение – оказаться в незнакомой стране без всяких средств к существованию.

Она не ожидала, что окажется в таком одиночестве. *О Боже, что же мне делать? Если бы только Кольм появился...*

Среди тех, кто знал Александера Девени, не было никого, кто назвал бы его в лучшем случае суровым, а в худшем – непреклонным и неумолимым.

Впрочем, иначе и не может быть, когда, унаследовав титул, вместе с ним получаешь мать, которой невозможно угодить, непредсказуемого брата-священника и вдобавок никчемного младшего брата, умудрившегося жениться на падшей женщине, а потом еще и погибнуть в недостойной потасовке с опустившимся грабителем.

Мужчина не может скорбеть о таких вещах; мужчина просто берется за дело и делает то, что нужно.

- Глупости, – сказала мать, – тебе ничего не нужно делать, просто откупиться от нее. И позаботься, чтобы она не облила грязью имя Девени.

- Как же я могу это сделать, скажи на милость? – поинтересовался Александер. Дело происходило в один из тех бесконечных вечеров, когда после ужина они собирались в гостиной. Мать устраивалась в своем кресле в углу, прямая, словно доска, вышивая очередной узор. Это был способ немного отвлечься для решительной женщины, которая не могла найти выхода своей энергии, охваченная желанием манипулировать всеми, кто ее окружал.

- Дай ей денег. Заставь подписать бумаги. И засуди, если она преступит черту. – Она пододвинула лампу поближе к пальцам, потом взглянула на Александера. – Убей ее, если понадобится.

Эти слова не шокировали его. Джудит Девени всегда отличалась жестокостью, понимая справедливость по-своему, была злобной и ядовитой и говорила что вздумается.

- Мама... Как кровожадно... – Джудит проигнорировала его слова.

- Слава Богу, что не было ребенка...

Александер, в свою очередь, проигнорировал ее реплику.

- Я привезу ее в Миэр.

- Это ты уже говорил. – Джудит склонилась над пальцами, воткнула иголку в шитье. – Я не потерплю эту женщину в доме.

- Это мой дом, – спокойно возразил Александер.

- Да, ты это подчеркиваешь каждый раз, когда я открываю рот.

- Вы сами решили здесь остаться, мадам. А если не нравится, переселяйтесь в ваш вдовый дом, он свободен.

Такая угроза двояко действовала на Джудит – она злилась, но тут же становилась более покладистой, потому что переселение в ее дом было для нее равносильно отправке в монастырь. Она постоянно играла на терпении сына, на его чувстве вины и способности подавлять в себе эмоции.

И у Александера часто возникало ощущение, что любая ее жалоба, любое язвительное замечание продиктованы ее стремлением задеть его за живое. Он достаточно насмотрелся на

отношения отца и Джудит. Джудит требовала от мужа любви, но сама не была ни любящей женой, ни заботливой матерью. Он даже не знал, любит ли ее, скорее Джудит его раздражала.

- Я никуда не собираюсь переезжать, - резко заявила Джудит. - А эту женщину оставь там, где она есть. И пусть Уильям лежит в той могиле, которую сам себе вырыл.

- Да, я мог бы так поступить, - произнес он сдержанным тоном, скрывая, как глубоко возмущен ее черствостью. - Но Уильям вернется в Миэр, как и его жена.

- Ты никогда не слушаешь советов, - упрекнула Джудит.

- Никогда.

- Не понимаю, зачем я пытаюсь тебя вразумить.

- Сам удивляюсь.

Она искоса посмотрела на него.

.- Это будет самый безрассудный из всех твоих поступков, Алекс. Ты собираешься привезти в дом женщину, которую иначе, как блудницей, не назовешь.

- Я собираюсь привезти жену моего брата.

- Боже милостивый, Алекс, опять ты за свое? Опять споришь с матерью? - В этот момент в комнату неторопливо вошел Маркус, брат Алекса, со своей женой Филиппой.

- Я никогда не спорю, - возразил Алекс.

- Нет, ему просто наплевать на чувства окружающих, - пожаловалась Джудит. - Поговори с ним, Маркус.

- Не утруждай себя, - отмахнулся Алекс. - У вас было два месяца, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Я не допущу, чтобы Уильям лежал, словно нищий, на каком-то Богом забытом кладбище в чужой стране. А его жене будут рады в Миэре.

- Жаль, что ты не действовал столь же энергично, когда Уильям женился на ней, - сказал Маркус, подводя Филиппу к креслу, стоящему рядом с креслом матери. - Окончательно порвать с ними... Я говорил тебе, Алекс, чем это закончится...

- Ты же у нас провидец, - пробормотал Алекс. - Как неосмотрительно я поступил, не послушав тебя. - Впрочем, это было не так уж далеко от истины. После неожиданной смерти брата его не переставали мучить сомнения. Он постоянно задавался вопросом: «А что, если бы?» К счастью, это длилось недолго. Алекс обладал способностью не думать о том, чего уже нельзя изменить. Горе, чувство вины и раскаяния ушли на какое-то время в прошлое. Однако он знал, что никогда себе не простит такой трагической и в то же время нелепой гибели Уильяма.

- Мой дорогой Алекс, - примирительно сказал Маркус. - Ну кто, если не священник, может проникнуть в душу человека? Конечно, ты должен привезти тело Уильяма домой. Но стоит ли привозить сюда эту женщину?

- Она больна.

- Пусть умрет, - фыркнула Джудит.

- Не очень-то по-христиански с твоей стороны, мама.
- Ты среди нас самый большой еретик.
- Я горжусь этим.
- Маркус, - взмолилась Джудит.
- Слишком поздно спасти его душу, - сказал Маркус. - Разве я не молился?
- Надеюсь, что нет, - пробормотал Алекс.
- И мы не должны забывать, сколь многим обязаны Алексу, - добавил Маркус. - Мама - крышей над головой, я - средствами к существованию, Уильям - своей бережливостью, которая и ускорила кончину бедного мальчика. Да, мы бесконечно благодарны нашему старшему брату за оказанные нам милости.
- Маркус... - вмешалась в разговор Филиппа, видимо, желая напомнить ему, что его язвительные слова близки к истине. Филиппа была самой прагматичной в этой семейке - холодной, расчетливой, логичной. Алекс просто не мог понять, почему она вышла за Маркуса, тощего, самоуверенного сельского священника. Они были совершенно разные.

Видимо, ее прельстило положение Маркуса в обществе, и она наверняка держала его в ежовых рукавицах, хотя тот виду не подавал.

Она, по крайней мере, понимала, что разговор может закончиться скандалом.

Алекс резко встал. Он был сыт по горло этой компанией, для этого понадобилось менее получаса. Рекорд, можно сказать.

- Вы все вправе покинуть Миэр, если жизнь для вас здесь невыносима. - Его тон был наигранно небрежным, но они уловили в нем нотки раздражения. К тому же они знали, что ему нет дела до того, как они поступят.

Наступило молчание. На этот раз их пики и стрелы достигли цели, чего они никак не ожидали, - и это привело Джудит и Маркуса в еще большую ярость.

Алекс не смел, загонять их в угол. Они не испытывали к нему никакой благодарности. Напротив, жаждали поставить его на колени.

- Никто не бросился к двери? - пробормотал Алекс, прищелкнув языком. - Кто бы мог подумать, что после всего сказанного вы все же не отважитесь уйти? Я в большей степени христианин, чем вы все вместе взятые. - Он шагнул к двери. - А я с радостью уйду.

Он отдал необходимые распоряжения и, как это бывало обычно, занялся делами. Только работа заглушала боль потери. Но эта боль могла вспыхнуть с новой силой в самый неожиданный момент, всколыхнуть чувство вины и раскаяния, острое желание увидеть хоть на мгновение живого Уильяма.

Несбыточные мечты. Сама мысль о том, что Уильям погиб, ввязавшись в какую-то историю, была невыносима.

Главное, чтобы он первым добрался до Сары Тэва, чтобы никто его не опередил. Напрасно он потратил время на пререкания с родственниками. Успокаивало лишь то, что, по мнению его

информаторов, никто, кроме него, не знал, где она находится.

Боже милостивый. А что, если она умерла, пока он разбирался с жалкими тиранами-родственниками?

Хватит. Человек не может прыгнуть выше головы. И если Сары Тэва нет в живых, он разберется с этим, когда приедет в Берлин. Его миссия стала столь неотложной из-за смерти кайзера Фридриха, восхождения на трон милитариста Вильгельма и беспокойства королевы за дальнейшую судьбу жены Фридриха, любимой дочери Викки, которую ее родной сын и его премьер-министр всегда ненавидели, считая своим врагом.

И черный ящик. Таинственный черный ящик, о котором Викки, жена кайзера, писала Виктории...

Но бессмысленно ломать голову и строить догадки.

Бисмарк уже предпринял шаги, чтобы не допустить исчезновения Викки с «государственными», по его выражению, бумагами, и изолировал ее, не дав ей возможности создать двор, оппозиционный Вильгельму. И Бисмарк дал ясно понять, что Вильгельм готов приложить все усилия, вплоть до агрессии против собственной матери, желая продемонстрировать, что не находится под пятой Англии.

А Уильям каким-то образом умудрился впутаться в эту политическую интригу. Нет, умудрился жениться на скандально известной танцовщице Саре Тэва, которую считали агентом неуловимого резидента немецкой разведки, Хейнрикса.

Но все это несколько не волновало Алекса до смерти Уильяма. Он должен был положить конец определенной деятельности союзников в Англии. Королева пришла в ярость оттого, что Вильгельм разработал план захвата власти еще до смерти и деда и отца, задолго до того, как унаследовал трон. Недаром он лишил власти своего тяжелобольного отца, а после его смерти стал преследовать мать.

Маловероятно, чтобы Вильгельм уже имел в Англии своих агентов, готовых действовать по его приказу.

Это Хейнрикс плел свои сети, как в Англии, так и в Германии. Александер был совершенно в этом уверен.

Как и совершенно уверен в том, что у Сары Тэва были ответы на все интересующие его вопросы.

Все до единого.

Она оказалась именно такой, какой он ее себе представлял. Алекс остановился у небольшой жалкой комнатухи, которую они занимали с Уильямом в пансионе на Хейдештрассе. Дверь была приоткрыта, и он увидел Сару, ее стройную, роскошную фигуру, иссиня-черные волосы, заплетенные в толстую косу.

Она прижимала к груди тонкими, длинными пальцами один из самых откровенных своих костюмов, совершенно прозрачный, устремив взор куда-то вдаль.

Сара Тэва знает что делает, с яростью подумал Алекс. Впрочем, ничего другого он и не ожидал.

Она была достаточно красива, чтобы обольстить его брага – любого мужчину, – и достаточно бездушной, чтобы забыть его, как только он умер.

Да у нее наверняка уже есть новый покровитель. Видимо, она то и дело меняет обличье. В зависимости от обстоятельств.

Но его ей не обмануть. Она умоляла его приехать спасти ее, и он не мог этого не сделать в память об Уильяме, пусть даже она нашла себе кого-то другого.

И, возможно, ждет его этим вечером.

Ну что ж... придется ей изменить свои планы.

Он толкнул ногой дверь и вошел.

Глава 2

Франческа резко обернулась на звук.

– О, ты пришел!.. – Голос ее дрогнул, и она замерла, выронив прозрачный костюм, который упал к ее ногам.

Она невольно отступила на шаг, когда незнакомец с решительным видом направился к ней.

– Так, так, так, – пробормотал он, подавляя ярость. Ему хотелось встряхнуть ее, задушить. Лучше бы он ошибся в своих предположениях. Но нет, он не ошибся. Сверкающие черные глаза, полные, чувственные губы, великолепная фигура – немного стройнее, чем он думал, вероятно, из-за болезни, но все еще роскошная.

Само воплощение танцовщицы.

Глядя на нее, можно было предположить, что она родилась где-то в теплых странах; у нее была смуглая кожа, загадочный взгляд, а губы буквально созданы для поцелуев.

Неудивительно, что Уильям не мог устоять против ее чар. Ни один мужчина не смог бы. Даже он сам, не поддающийся женским чарам, чувствовал ее притягательность.

«Где еще найдешь женщину, рожденную то обнажать, то скрывать свое тело, танцевать, поклоняясь богам? Как мог Уильям выносить все это? И как она умудрилась при этом казаться самой утонченной и полной достоинства дамой общества? – думал он. – Женщиной, которая вполне могла стать женой Уильяма».

Эта мысль бесила Алекса. Эта девка пленила его брата, и не его одного. В то же время она казалась чистой и недоступной.

Нет, быть этого не может. Женщины, подобные ей, актрисы почище Сары Бернар. Женщины, подобные ей, ставят на колени мужчин и разрушают империи.

– Ожидали Кольма, не правда ли? – вкрадчиво спросил он и был вознагражден, увидев, как она напряглась и как сверкнули ее глаза. – Конечно же, ждали. И какая досада, что пришел я.

Она, наконец, обрела способность говорить. Ее голос был низким, чувственным, густым, словно мед, – так пчелиная матка заманивает ничего не подозревающего трутня. Но уж он-то знал, кто она такая.

- А вы кто...

- Достаточно того, что я знаю кто вы.

О Боже! Она беспомощно оглянулась, чувствуя себя загнанной в угол. Он безумец, а она такая неосторожная. Открытая дверь – приглашение для любого мужчины. И как только хозяйка пансиона могла впустить этого странного незнакомца? Но откуда он знает о Кольме?

О Господи! Кольм!..

Никогда не показывай страха. Она хорошо усвоила эту истину в Брейдвуде. Вряд ли можно образумить безумца, но попытаться стоит.

- Это не имеет никакого значения, – парировала она с вызовом, так, по крайней мере, ей казалось. – Поэтому можете уходить.

- Уйти? Прюделав такой путь с единственной целью найти вас, Сара?

Франческе стало по-настоящему страшно. Он знал имя Сары...

- Кто вы?

И тут ее осенило. Он был так надменен, так явно привык повелевать. Ужасный граф. Беспощадный монстр. Даже его внешность – чрезвычайно высокий рост, хищное лицо, холодные глаза цвета стали и тонкие, злые губы – все это полностью соответствовало его имени [1].

Он принял ее за Сару.

И что еще хуже, он знает, что она ждет Кольма.

Почувствовав слабость в коленях, она оперлась о стоявший рядом комод. Ни в коем случае нельзя показывать этому незнакомцу свой страх.

Нет, брату Уильяма. Если она станет думать о нем как о брате Уильяма, то сумеет взять себя в руки и попытается понять, почему он решил, что она – Сара, и откуда он знает Кольма.

Ее выразительные Глаза без слов сказали ему, что она узнала его.

- Вы знаете, кто я.

- Миэр. – Собственный голос показался ей скрипучим, как ржавое железо. Она распрямилась, вздернула подбородок. – Вы пришли слишком поздно, – сказала она, как будто этот упрек мог пронять такого, как он.

Ей следовало бы понять, что Миэр не тот человек, который способен признать свою ошибку.

- Я приехал, чтобы забрать его домой, Сара. – Никаких признаков раскаяния.

О Боже, почему он все время называет ее Сарой?

- И вас, – добавил он тоном, не терпящим возражений. Ее? Это слегка взволновало Франческу. Что нужно от нее Миэру?

Ничего, просто он принял ее за Сару. Они были немного похожи кроме того, он застал ее в этой комнате, когда она перебирала вещи танцовщицы...

Ее сердце забилося сильнее. Он не знает, что Сары не стало. Что она ненадолго пережила Уильяма. Ей только нужно сказать ему об этом. Ничего трудного. И ничего страшного. Он, скорее всего, заплатит ей за услуги и отправит восвояси. У него хватит на это наглости.

Но что-то удерживало Франческу. Кольм.

- Вам не стоит утруждать себя, выражая благодарность Саре Тэва теперь, когда Уильяма больше нет, - заявила Франческа. Она ни за что не скажет ему правду. Ради своей покойной подруги. - Уильям все равно не узнает. А Саре это не нужно.

Он прищурил свои ледяные глаза.

- Значит, Кольм появился.

Словно острый нож вонзили Франческе в сердце. Откуда он знает о Кольме? Нужно отвлечь его, пока она не выяснит, какое отношение Кольм имел к Саре.

- Не понимаю, о чем вы говорите. - Он пожал плечами.

- Неужели не понимаете? - Он посмотрел на нее так, словно хотел заглянуть ей в самую душу. Черствая, подумал он, какими бывают только женщины ее профессии. Она будет все отрицать, будет лгать.

Но это тоже не имело значения. Он знал, как обращаться с такими женщинами. Единственной проблемой была нехватка времени. Но он справится с этим, прибегнув к испытанному средству - решительным действиям.

- Как вам будет угодно, - сказал он, наконец. - А теперь, Сара, вы скажете мне, где похоронен Уильям, и завтра мы отвезем его в Миэр.

- Мы? - У нее снова дрогнул голос.

- Вы умоляли меня приехать, и вот я здесь. Мы завтра же покидаем Берлин, так что пакуйте вещи и к полудню будьте готовы. И если Кольм действительно еще не появился, он просто не найдет вас здесь, как рассчитывал. Итак, где покоится мой брат?

Франческа была в шоке.

- Это несколько самонадеянно... - запротестовала, было, она. События развивались слишком быстро, слишком стремительно, и она растерялась. А тут еще эта проблема с Кольмом. Ей нужно время, чтобы подумать, сориентироваться в ситуации. Она не может ехать с Миэром. И в то же время не сможет отказаться.

Из-за Кольма.

- У вас нет выбора, Сара. Вы возвращаетесь со мной в Миэр.

Всю ночь она не спала, голова раскалывалась от боли, но к утру была почти уверена, что сможет выдать себя за Сару. Она много знала о ее жизни.

А теперь должна узнать, какое отношение к ней имел Кольм.

Нет.

Невозможно. Притвориться Сарой? Безумная идея. Немыслимая.

Миэр ошибается. Кольм не имел ничего общего с Сарой, она даже имени его никогда не упоминала.

Голова разболелась еще сильнее. Не упоминала. Ну и что? Это ровно ничего не значит.

Она упаковала жалкие пожитки Сары и ее костюмы, потом собрала свои вещи. Она не оставит здесь ничего, увезет все до последней мелочи.

Это безумие.

Франческа понимала, что у нее нет выбора. Миэр принял ее за Сару, а она не сказала ему правды и поэтому вынуждена ехать.

Отдай все... Обещай мне... Сара Тэва никогда не умрет.

Сара пока не умрет, решила Франческа, прерывисто вздохнув. Потому что она выдаст себя за Сару.

вернуться

1

Миэр - от английского mere - абсолютный, непреклонный. - Здесь и далее примеч. пер.

Неужели? Неужто она обезумела?

А что, если Кольм придет?

Но Миэр сказал, что Кольм уже появился, что он знает Сару. Она должна выяснить, почему он так думает. Просто обязана.

Она оставит хозяйке пансиона записку для Кольма - если он появится. Если уже не появился...

Она металась по убогой комнатухе, прикидывая, что следовало бы оставить здесь. Дорогие краски и кисти. Полотно. Мольберт. Незаконченный портрет генерала фон Абрунгена. Наверное, все это можно оставить у хозяйки. У нее самой не было денег для того, чтобы оплатить такую услугу; ей едва хватит, чтобы расплатиться за свою комнату, но, возможно, Миэр расщедрится, покроет все долги Уильяма, а заодно и ее нужды.

К тому же придется попросить хозяйку солгать...

О Боже! Ей становилось не по себе при мысли о том, что она собиралась сделать.

Миэр неглуп. И очень скоро разгадает ее уловку.

Но, возможно, это уже не будет иметь значение, потому что к тому времени ей удастся узнать о Кольме и о том, как он был связан с Сарой Тэва.

Не исключено, что Миэр убьет ее, когда узнает правду.

Сейчас, когда она решилась действовать, ей оставалось лишь одно. Стать Сарой Тэва. А Сара не была пугливой и дрожащей девственницей. Была опытной и решительной.

Чего никак не скажешь о Франческе.

Нет, она никогда не научится быть яркой и чувственной, как Тэва. А ее голос – низкий, с хрипотцой, с еле уловимым акцентом, – но Миэр ничего этого не заметил...

Она сошла с ума...

Единственным ее преимуществом было то, что Миэр никогда не встречал Сару. Ничего не знал о ней как о личности – лишь о ее репутации, ее скандальной известности.

Так что вполне возможно, ей удастся осуществить свой план... если она отбросит угрызения совести, забудет те двадцать четыре года, на протяжении которых в нее вдальбивали правила приличия и чувство долга...

Если она сможет противостоять Миэру, как смогла бы Сара... Если...

Так рискованно... Но Сара была больна. Она наверняка выглядела бы похудевшей после болезни. Это обстоятельство было в ее пользу. Она сможет сыграть Сару, только более сдержанную, и это ни у кого не вызовет подозрений.

Потом еще тон. Ей нужно научиться высокомерию и уверенности, чтобы не спастись перед Миэром. Это проблема, но, с другой стороны, она много лет успешно противостояла тете Иде.

А это примерно одно и то же.

Она знала, что сможет это сделать, что ради Кольма сможет сделать все, что угодно.

А потом – потом у нее совсем не осталось времени. Франческа не ожидала Миэра так рано, но он ворвался в комнату задолго до полудня, прежде чем она успела сделать распоряжения, прежде чем взвесила все последствия своего поступка, прежде чем успела собраться.

Она обреченно подумала, что, наверное, именно так он действовал в своей жизни, налетая, словно ураган, и увлекая все за собой. Ей же оставалось одно – попытаться ответить этому человеку так, как ответила бы Сара, ненавидевшая его как никого другого.

Это оказалось труднее, чем она предполагала, когда он сверлил ее своими ледяными глазами.

– Вы рано, – резко заметила она. Спокойнее, спокойнее. Не позволяй этим глазам тебя запугать.

В комнате почти не было личных вещей – когда Уильяма не стало, Сара раздала то небольшое, что осталось после него. Франческа упаковала фотографию Уильяма, несколько его книг, миниатюру, изображавшую дом, в котором он вырос, его брегет, запонки и заколки для галстука, пару тяжелых серебряных канделябров, белье, бронзовое пресс-папье, черепаховый набор для туалетного столика.

Кольцо с гербом Миэра, которое Сара носила как обручальное, теперь было на пальце Франчески – слишком большое, слишком массивное и броское, оно притягивало взгляд графа, отвлекая его пристальное внимание от нее самой.

Он расхаживал по комнате, заглядывая в ящики и шкафы.

- Никогда не мешает убедиться, что ничего не забыто. - И никогда не мешает сдерживать свою надменность. Или он совсем не доверяет Саре?

- Все упаковано, - холодно заметила Франческа. - Нет необходимости меня проверять.

Он приподнял бровь.

- Разве?

Высокомерное чудовище! Что бы ответила на это Сара?

- Ваш брат женился на мне, разве нет? - в тон ему ответила она.

- Вы удивительно хладнокровно воспринимаете его смерть.

О Господи, она что, должна была все это время быть вне себя от горя? Почему она не подумала обо всех тонкостях, о том, чего может Миэр ожидать от Сары - и от ее отношений с Уильямом?

Сара скорбела, но, возможно, не так, как хотелось бы Миэру. Она была бы в ярости от его необоснованных суждений. Уж чего-чего, а чувства собственного достоинства у Сары, всегда хватало, и Франческа обязана была сохранить его.

Жаль только, что она не успела все проанализировать.

- Я не выставляю свою скорбь напоказ, - наконец сказала она. - К тому же я долго болела.

- Вы худее, чем я представлял.

Вот именно, подумала Франческа. Его устроила бы толстая и неряшливая Сара, но не стройная и элегантная дама. Она вдруг поняла, что он растерян. Он не знал, как себя вести с ней, потому что она оказалась совсем не такой, какой ему ее описывали. Значит, у нее есть преимущество перед ним, хотя и минимальное.

- Отдых и питание все поправят, - пробормотала она в качестве объяснения.

- Ну, тогда мы готовы отправиться в путь. - Он схватил два чемодана, в которые она умудрилась упаковать все вещи. - У меня здесь карета.

Ей ужасно хотелось спросить его о финансовых распоряжениях - заплатил ли он за комнату и как отреагировала на это хозяйка. Ведь он вполне уже мог узнать, что Сара мертва. Но виду не подал. Видимо, неспроста.

Но зачем это ему?

Кольм. Она и глазом не моргнула, когда он упомянул о Кольме.

Страх снова стал нарастать, когда она, расправив траурную вуаль, последовала за ним вниз по узкой лестнице, и этот страх превратился в настоящий ужас, когда она увидела ожидающую у двери хозяйку пансиона.

Все кончено. Ее обман сейчас будет раскрыт! Она не сможет быть Сарой Тэва, не предупредив хозяйку.

Женщина поклонилась Миэру и посмотрела прямо в глаза Франчески.

- Фрау Девени, - почтительно пробормотала она. Глаза Франчески расширились. Почему? С какой стати фрау Дихтер покрывает ее? Деньги? Неужели Миэр был настолько щедр?

- Благополучного пути, мадам, - добавила фрау Дихтер, многозначительно глядя на нее.

- Благодарю вас, - прошептала Франческа. Конечно, причина в деньгах. Фрау Дихтер не стала бы вредить самой себе, рассказав правду, которая стоила бы ей многочисленных вопросов и подозрений. Хозяйки должны быть практичными, и какой вред фрау Дихтер от того, что Франческу Рэй приняли за Сару Тэва? Миэр наверняка щедро оплатил все ее услуги, мыслимые и немыслимые.

Франческа прикоснулась к руке фрау Дихтер.

- Спасибо...

- Удачи вам. - И Франческа вновь уловила в этом двойной смысл.

Миэр помог ей сесть в роскошную карету и, устроившись рядом, велел кучеру трогать.

- Уильям ожидает нас на станции Анхальт, - сказал он, и его холодный взгляд скользнул по черной вуали на ее лице.

Франческа вздрогнула. Гроб ожидает, хотел он сказать. С явным намерением сделать ей больно. Ужасно, выкапывать тело вот так! Они с Сарой похоронили Уильяма вполне достойно, после того как нашли его в могиле нищего. Что же это за нравы и ритуалы у наследных пэров? Сейчас он проявляет гораздо больше заботы об Уильяме, чем при его жизни.

Уильям мог бы и не погибнуть, вмешайся Миэр раньше.

Франческа с трудом сдерживала возмущение.

- Конечно, - с вызовом ответила она. - Ведь Уильяму вечно приходилось ждать милости от семьи.

А! Это ему не понравилось! Хорошо! Время от времени ему следует напоминать о его бессердечности и о том, что уж ее-то не обманет его нынешняя показная забота.

- Ему? - спокойно переспросил Миэр. - Или вам? - Она возмутилась:

- Я не бросала его.

- Нет. Вы просто унизили его достоинство.

Эти слова больно укололи ее. Она все больше и больше входила в роль Сары.

- А вы лишили его опоры, - парировала Франческа. - Я сделала из него мужчину, а вы относились к нему как к ребенку.

Это только усугубило ситуацию. Она сжалась, увидев, как вытянулся в ниточку его рот, как сузились глаза.

- Последнее слово не за вами, мадам. Мы прибыли на станцию Анхальт.

Их встретил носильщик с тележкой для багажа.

- Все сделано как вы пожелали, милорд. - Миэр кивнул и вручил ему деньги.

- Вы и фрау Девени занимаете предпоследний вагон. - Носильщик указывал путь, а Франческа шла, пораженная привилегиями богатых. Собственный вагон. Личный носильщик. Безупречное обслуживание. Все как он пожелал. И Уильям отказался от такой жизни, чтобы жениться на Саре!

Она вошла в вагон. Дерево. Бархат. Парча. Свет газовых ламп, придававший всем предметам золотистый оттенок. Столы, диваны, фарфор. Копия комнаты в знатном доме.

Его доме.

И два спальных купе, в разных концах вагона.

- Садитесь. - Он указал на стулья у стола, стоявшие под углом к центральному окну. Сам он устроился напротив, и некоторое время они молча наблюдали за суетой на платформе.

Вернее сказать, она наблюдала. А он в это время следил за ней. Его лицо было непроницаемым, взгляд пронизывающим, и она была рада, что вуаль скрывает ее лицо. Хотя и не совсем.

Когда поезд тронулся, Миэр перегнулся через стол и схватил ее руку в перчатке. Она невольно повернулась и посмотрела на него.

Но ему мало было захватить ее врасплох. Он хотел большего. Он жаждал крови.

- Итак, скажите мне, Сара Тэва, - прошептал он опасно вкрадчивым тоном, - скажите, кто вы... на самом деле?

Глава 3

Ловушки, ловушки, сплошные ловушки... с этого момента она будет жить в состоянии постоянного страха. Что ему сказать? Что ему известно о жизни Сары? Он из тех людей, которые непременно разузнали бы все о Саре, как только между ней и Уильямом возникли какие-то отношения. Он, возможно, знает о Саре гораздо больше, чем Франческа. Боже милостивый... на каждый его вопрос она должна отвечать так, словно ему действительно все известно.

- Этот вопрос можно задать любому, - ответила она, подавив страх. - Вот вы, кто вы на самом деле?

- Вам это уже известно, мадам. Я тот, кто наиболее опасен для вас.

- Для меня? - переспросила она, стараясь изобразить удивление, потрясенная тем, что ее голос даже не дрогнул. Этот человек вселял в нее смертельный ужас. - Вам, наверное, приятно так думать. А мне скрывать нечего.

- Разве? А как вы объясните тот факт, что прекрасно говорите по-немецки и ваш английский практически безупречен?

О Саре этого нельзя было сказать. У нее был еле заметный акцент, то европейский, то азиатский, в зависимости от того, какое место она называла своей родиной.

От него это, разумеется, не ускользнуло.

- Результат монастырского образования, - пробормотана она, скрестив пальцы.
- И где же это было? - непринужденно поинтересовался Миэр. - В монастыре при восточных храмах, где якобы танцевала ваша мать?

Франческа отвернулась. Никогда раньше ей не приходилось так рисковать.

- Вы знаете мою историю не хуже меня самой. - Такое утверждение было вполне безопасным.
- И, тем не менее, в ней есть много неясных моментов. - Ей необходимо как-то отвлечь его.
- То же самое можно сказать и о вас, милорд.
- О да, разумеется. Обо мне вообще ничего не известно, ни где я родился, ни кто были мои родители, даже имени моего никто не знает. Вы совершенно правы, мадам.

Его тон был просто убийственным. Ей ни за что не одержать верх в этой словесной перепалке, подумала она в полной растерянности. Это непосильное для нее дело. Уж лучше отмалчиваться, решила она, но он продолжал над ней издеваться, а уж в этом-то он был непревзойденным мастером.

- Конечно, милорд, у вас гораздо больше возможностей, чем у меня, - осторожно заметила она, - но ведь такой человек, как вы, время от времени становится предметом сплетен, а слухи бывают сильно преувеличенными.

- Моя известность не идет ни в какое сравнение с вашей скандальной репутацией, мадам, уверяю вас. В то же время вы кажетесь самой невинностью. Вы великолепная актриса. Впрочем, ничего удивительного. Вы не первый год на сцене и довели свое мастерство до совершенства. Исполнение вами роли безутешной вдовы способно обмануть любого, только не закоренелого скептика, каковым, к несчастью, моя дорогая Сара, являюсь я.

Ах, так он еще к тому же всеведущ. Ну, просто сокровище, а не мужчина. Как только Уильям его терпел? Сара и та удивлялась. Но Сара знала, как вести с ним игру, а вот Франческа Рэй, неопытная девственница, при виде графа испытывает ужас.

- И несмотря ни на что, вы везете меня в Англию, - пробормотала Франческа, парируя замечание, рассчитанное на то, чтобы ее запугать.

- Как вы и просили. Вы - жена Уильяма.

- Вдова, - возразила она. Он ведь не собирается переделывать прошлое? - И я просила только за Уильяма. Лично мне от вас ничего не нужно.

Он зааплодировал.

- Тон выбран очень верно, мадам. Я восхищаюсь вашей способностью притворяться. Но я совершенно уверен в том, что вам от меня что-то нужно.

- Как и вам от меня, - резко ответила она, сама не понимая, откуда вдруг появилась у нее эта мысль. Тем не менее, ее продиктованный интуицией ответ достиг цели. Лицо графа стало непроницаемым, он откинулся в кресле и устремил на нее свой пронзительный, ледяной взгляд.

- Всем нам что-то нужно.

Франческа молчала: чем меньше она будет говорить, тем лучше.

- Почему вы вышли за него замуж? - спросил он с нескрываемой неприязнью.

Он не спросил: почему Уильям женился на вас, Сара? Считал, что инициативу проявила она. Что он знает? Что? Что?! Она ответила ему так, как ответила бы Сара:

- Я любила его.

Она увидела, как вспыхнуло в его глазах раздражение.

- Я обожала его, - добавила она для вящей убедительности.

- Чтоб вас...

- И он обожал меня.

- Мерзавка. Я знал, что вы не замедлите проявить свою истинную сущность.

- Я ничего не скрываю, - сказала Франческа, потрясенная его грубостью и яростью. Миэр ненавидел Сару, в этом не было сомнения. И ему что-то нужно от Франчески.

Что?

- Это уж точно, - насмешливо сказал он. Франческа замерла. Это только начало, подумала она. У Миэра столько оружия против Сары. Она исколесила всю Европу до того, как вышла замуж за Уильяма, и ее скандально известные эротические танцы стали притчей во языцех в каждой столице, при каждом дворе.

Сара без стеснения раздевалась во время своих экзотических танцев, но в то же время исполняла их с такой божественной одухотворенностью, что никому не пришло бы в голову ее осудить, и она стала любимицей и знати, и полусвета.

Сара была поистине редким явлением и обладала достаточным артистизмом, чтобы заставить самого циничного зрителя поверить в то, что она - дитя богов и ее призвание - вселять в души людей святую веру посредством своего искусства.

Но вся слава, все деньги утекли, словно песок сквозь пальцы, и, возможно, Сара вышла замуж за Уильяма, рассчитывая на помощь его семьи, но просчиталась.

Вместо этого Миэр обрек их обоих на гибель.

Франческа кипела от злости, ведь сумма, которая могла бы спасти Уильяма и Сару, сумма ничего не значила для Миэра, но он отвернулся от них.

- Мне нечего вам рассказать, - вспыхнула она.

- О, моя дорогая Сара, вы не рассказали и половины того, что мне хотелось бы знать.

Она смотрела на него с неподдельным ужасом. Но ничего не могла прочесть на его лице. Только взгляд, холодный и острый, словно клинок, говорил о том, что Миэр готов с ней сразиться.

Франческа отвернулась. *Спокойствие, спокойствие, ты должна сохранять спокойствие.*

Именно это он и сказал бы, чтобы спровоцировать Сару.

И как поступила бы Сара? Она выразила бы презрение, вела бы себя как принцесса храма, каковой провозгласила себя, и сохраняла бы ту загадочную отстраненность, от которой мужчины теряли голову.

Франческа глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

Думай, как Сара. Держись, как Сара. Ты достаточно знаешь о ней для того, чтобы заставить семью Уильяма поверить, что ты и есть Сара. У них нет причин не поверить, тем более что они знают о болезни Сары.

Эта мысль придала ей уверенности. Главное, не поддаваться на провокации Миэра. Меньше говорить, больше слушать. Не терять самообладания, не реагировать на его оскорбления. Стараться выставить его дураком.

Она сможет это сделать. Она хочет это сделать и сделает, ради Сары.

Нет - ради Кольма.

Миэршем-Клоуз

Он был такой огромный, этот трехэтажный дом из кремового камня, окруженный акрами тенистых парков. По классической традиции по обе его стороны располагалось два крыла; массивная двойная лестница вела к парадному входу.

Едва карета остановилась, как из арочных дверей под лестницей высыпали слуги: двое занялись багажом, еще один устанавливал ступеньку, чтобы юбки миледи не коснулись земли, а четвертый помогал ей спуститься.

И все это время ястребиный взор Миэра следил за каждым ее движением, ожидая ее ошибки, желая, чтобы она оступилась.

Пожилой джентльмен в ливрее ждал их в тени арки.

- Уоттен, это миссис Уильям.

Уоттен поклонился:

- Добро пожаловать в Миэршем, миссис Уильям. - Миэр взял ее за локоть.

- Прощу вас, Сара, пройдите в арку. Мы установили лифт. Матушка уже не так подвижна, как раньше. Да и Маркус тоже.

Лифт был похож на позолоченную клетку - вьющаяся виноградная лоза и гроздья из кованого металла. Через мгновение они уже были на следующем этаже, в зале для приемов, тянувшемся вдоль всего дома, высотой футов в пятнадцать, а то и больше.

На стенах портреты предков.

На полу роскошный персидский ковер. На отполированных до блеска столах из красного дерева бесценный китайский фарфор.

Сколько вкуса и элегантности! Какая роскошь! Сразу чувствуется, что денег тут не считают.

Тут их снова встретила целая толпа слуг. Просто поразительно, на какие жертвы пошел Уильям, чтобы жениться на Саре. Он мог привезти в этот рай любую невесту, кроме Сары, и жить в свое удовольствие.

Миэр представил ее; женщины подходили, приседали в реверансе и уходили. Вскоре остался один Уоттен.

- А где же матушка?

- Мадам отдыхает, милорд.

- Понятно, - холодно произнес Миэр. - А Маркус, разумеется, пасет свое стадо, в буквальном или переносном смысле этого слова. Он непредсказуем. Впрочем, ничего другого я не ожидал.

- Они переносят господина Уильяма в церковь, милорд. Все будет готово завтра к десяти часам.

- Благодарю вас, Уоттен. Можете проводить миссис Уильям наверх.

Он резко отвернулся, словно не мог выносить даже ее вида, и Уоттен знаком пригласил Франческу следовать за ним.

Взбираться наверх оказалось тяжело - возможно, это было своего рода наказанием, ведь Уоттен мог с таким же успехом поднять ее на лифте, - но Франческе было все равно. Она обессилела как физически, так и эмоционально. Более всего ей сейчас хотелось лечь и уснуть, потому что по пути в Англию она ни разу не вздремнула. Даже в своем купе лежала без сна, зная, что Миэр бродит по вагону, наблюдая, выжидая, надеясь поймать ее на чем-нибудь недостойном.

Стала бы Сара действовать столь опрометчиво или нет?

Что бы она подумала о родовом поместье Уильяма? Она стала бы королевой Миэршема. Сара умела манипулировать людьми.

А вот Франческа не умела.

На уик-энд Сара принимала бы гостей, и все десять спален на втором этаже были бы заняты. Лучшую спальню она, разумеется, оставила бы себе; гардеробная была бы заполнена десятками красивейших платьев, сшитых для нее личной портнихой.

Сара Тэва знала, как жить, подумала Франческа. Как же может она, заняв ее место, ударить лицом в грязь?

Она с облегчением увидела, как Уоттен открывает дверь в угловую комнату на самом верхнем этаже. Из нее открывался вид на восточные и южные лужайки и поля Миэршема. Стены были цвета густого темного вина и контрастировали с массивной светлой мебелью.

Широченная кровать с пологом на четырех столбиках, туалетный столик с зеркалом, комод, массивный письменный стол, стул у окна и еще один с роскошной обивкой у камина с полкой из инкрустированного красного дерева.

Две двери у дальней стены ведут в гардеробную, по одну ее сторону тянутся встроенные

шкафы с ящиками, заполненными мужской одеждой; по другую – сиротливо стоят два ее маленьких чемодана.

Комната Уильяма, с облегчением подумала Франческа. Ну конечно, они поместили ее в комнату Уильяма. Роскошная комната, с прекраснейшим бельем и мебелью. Молодой и неземной Уильям, по-настоящему обожавший Сару.

Если бы только они могли приехать сюда и жить той достойной жизнью, о которой так мечтала Сара...

Франческа прошла по толстому ковру к туалетному столику и посмотрела в зеркало. Сейчас, когда ее лицо скрывала тонкая черная вуаль, она казалась такой же загадочной, неуловимой и отстраненной, как и Сара.

Но, сняв вуаль, она стала самой собой, невероятно усталой, слишком молодой и слишком невинной. Совершенно не похожей на Сару.

Надо отбросить все сомнения, в панике подумала Франческа. Но сама комната Уильяма усиливала ощущение ущербности. Здесь все было чужим. Франческа не знала такой жизни.

Но ведь и Сара ничего о ней не знала, хоть ее и баловали подарками и деньгами богатые и влиятельные поклонники. До последнего дня Сара оставалась самой собой – земной, яркой, практичной и грубоватой в речи.

Такой ее и любил Уильям.

И такой должна стать она, подумала Франческа, разглядывая себя в зеркале, как бы это ни противоречило ее натуре. И какова бы ни была цена.

Она готова на все.

Он всегда находил убежище в библиотеке, среди книг в кожаных переплетах, заполнявших тянувшиеся от пола до потолка полки.

Это было единственное место в доме, где он мог укрыться от пагубного влияния семьи, зная, что никто ему не помешает.

Но сейчас его беспокоила Сара Тэва.

Она оказалась совершенно не такой, как он ожидал.

Сдержанная, умелая, привлекательная, она перевернула все его представления о себе, и теперь Алекс не знал, что ему с ней делать.

Она вовсе не была грубой и вульгарной, как доносили его информаторы, когда Уильям сошелся с ней.

Не была она и наглой, вызывающей. Напротив, обладала изысканными манерами и отличным вкусом, недаром Уильям выбрал ее себе в жены.

Проклятие! Окажись она вульгарной дрянью, все было бы куда проще. По крайней мере, он смог бы понять, почему она танцевала обнаженная перед восхищенными толпами знати и черни.

Впрочем, зачем ему это понимать? Она такая, какая есть. Выставляет напоказ свои прелести, бесстыдно использует свое тело, чтобы получить то, что ей нужно.

Она получила Уильяма, накрепко привязала его к себе, к пульсирующему чувственному ритму своего роскошного тела.

Это невероятно. Эта женщина. Это тело. Ее острый язык, бездонные черные глаза, элегантный, таинственный вид.

Она непостижима. Леди в жизни, распутница на сцене.

Но именно такая противоречивость и привлекает мужчин, подумал Алекс со злостью.

Теперь уже ничего нельзя изменить. Жребий брошен. Он сам этого хотел.

- Она здесь?

Алекс резко обернулся. На пороге стоял Маркус в одеянии священника.

- Боже, Маркус, не подкрадывайся так ко мне! И вообще, что ты здесь делаешь?

- Ну, как выглядит это создание? - спросил Маркус, входя в комнату.

- Невероятно, - коротко ответил Алекс, отвернулся и уставился в окно.

- Она ужасна? Бедный Уильям. Ничего, Алекс, не тревожься. Я лично займусь спасением ее души.

- Она, скорее, развратит твою душу, - пробормотал Алекс. - Держись от нее подальше, Маркус. Сомневаюсь, что она мечтает об искуплении грехов.

- Спасение приходит туда, где его меньше всего ждешь, - напыщенно заявил Маркус. - Но я пришел сообщить тебе, что гроб с телом Уильяма стоит в церкви. Все сделано так, как ты велел.

- Благодарю.

- Она будет на службе?

- Будет.

- Матушка не придет.

- Обязательно придет, Маркус. - У Алекса не было на этот счет никаких сомнений. Что бы ни говорила Джудит, она поступит так, как положено.

Наступило молчание. Маркуса снедало любопытство, и Алекс хорошо понимал.

- Она вульгарна? Она прилично выглядит?

- Ты увидишь ее достаточно скоро, - ответил Алекс, отказываясь удовлетворить любопытство брата. - У тебя все, Маркус?

- Алекс...

- Больше говорить не о чем. Полагаю, тебе нужно написать проповедь, и ты не станешь злоупотреблять моим радушием...

Маркус хотел что-то сказать, но раздумал и отвернулся, потом снова повернулся к брату.

- Ты всегда поступаешь по-своему, не так ли, Алекс?

- Всегда, - ответил Алекс. - И тебе лучше помнить об этом.

- Мой дорогой Алекс, ты никогда никому не даешь этого забыть.

Стук в дверь разбудил Франческу, и она не сразу поняла, где находится.

- Мисс? - Голос был мягким, низким, женским. - Мисс, я пришла распаковать ваши вещи.

Служанка. Одна из многих, с которыми Франческа недавно знакомили.

Она выбралась из постели, открыла дверь.

- Прошу прощения, мисс... меня зовут Агнес.

- Да, конечно. Агнес. - Франческа с трудом соображала, но все же была уверена, что совершенно не хочет, чтобы бойкая Агнес рылась в ее вещах или в вещах Сары.

Глаза Агнес расширились.

- О, я разбудила вас, мисс?

- Да, я дремала. Я позову вас попозже.

- Прекрасно, мисс. - Агнес присела в реверансе. Франческа, захлопнув дверь, прислонилась к ней спиной и закрыла глаза.

О Боже. Теперь она уже полностью проснулась.

Все эти слуги. И все непристойные костюмы Сары. Что же ей с ними делать? А с одеждой Сары? Какая ужасная идея - привезти их с собой. Но еще хуже выдавать себя за Сару. Это просто катастрофа.

Ей не справиться с этим.

Франческа схватилась за голову. «Что бы сделала Сара? - спросила она себя и тут же ответила: - Сара победила бы врага. Взяла бы в свои руки бразды правления в доме, убежденная в том, что рождена для жизни в роскоши и праздности».

Почему, ну почему Уильям не поселился в этом доме наперекор всем? Мизэр не смог бы ему отказать при остальных членах семьи, которые, по идее, должны были принять сторону Уильяма, обедневшего младшего сына, если даже не поддерживали его решения жениться на Саре.

Сара была артисткой. И могла сыграть роль любезной леди не хуже других.

Возможно...

Но не в этой одежде. Нет, надо спрятать эти вещи. Зачем только она привезла их с собой?

Это говорило лишь о ее наивности: не продумала заранее все до мельчайших деталей, с которыми ей придется столкнуться, коль уж решила выдать себя за Сару.

И не последнюю роль тут играла одежда. Миэр окончательно растерялся, увидев ее в подобающем случае трауре, и всю дорогу никак не мог прийти в себя.

Он действовал ей на нервы своим пристальным вниманием, своим молчанием.

Молчание – тактика тирана; тетья Ида к ней часто прибегала. Франческа хорошо это знала. Кларисса очень переживала, а Франческа была счастлива, что не слышит упреков тети Иды.

Но в молчании Миэра таилась угроза. И Франческе приходилось заполнять паузу, в чем-то признаваться, защищать себя – Сару – чтобы он не сделал необоснованных выводов.

Общительная Сара именно так и поступила бы.

Но Франческа, использовала это молчание словно стену, отгородившись ею от оскорблений Мэра, от его яростного желания унижить Сару, за которую Франческа себя выдавала.

И теперь она пожинала плоды своего обмана. Одно дело – противостоять Миэру и совсем иное – оказаться со своей ложью в этом логове его родственников.

Какой же нелепой, опрометчивой была эта идея! Скорее всего, ее Кольм не имел никакого отношения к Саре, и устроенный ею маскарад оказался бессмысленным.

Нет... слишком много совпадений. Сначала Кольм поселил ее именно в этом пансионе, потом к ней врывается совершенно незнакомый человек и настойчиво интересуется им.

Да, но Сара... в этом и был камень преткновения.

Что, если это окажется ложным путем?

Кольм станет потешаться над ней. Он скажет: «Ты пошла на такое ради любви ко мне?» И полюбит ее за это...

Одежда... Она заставила себя вернуться к действительности. Нельзя терять время, мечтая о Кольме. Надо сделать что-то с одеждой до возвращения Агнес.

Самое простое – это распаковать вещи и где-нибудь их спрятать. Только здесь вряд ли найдешь укромное место.

Ей самой хотелось спрятаться.

Где в этой комнате можно что-либо спрятать, где? Где не будет любопытных глаз, шаловливых рук?

Она вошла в гардеробную. С одной стороны встроенные шкафы, совершенно пустые, видимо для вещей Сары.

Нет, здесь нельзя. Может, среди вещей Уильяма?

По другую сторону она увидела аккуратно висевшие костюмы и сюртуки и ящики, доверху

заполненные безупречно сложенными вещами.

Она прикоснулась к великолепно отглаженным рубашкам.

И здесь нет места для вещей Сары...

Великолепно отглаженные...

О Боже милостивый...

Слишком дорогие и элегантные для Уильяма, носившего подержанную одежду, купленную на распродажах.

Это не его вещи...

- Моя дорогая Сара, - произнес Миэр с порога. - Как хорошо! Я знал, что вы в гардеробной. Думаю, вам пора раздеться.

Глава 4

Конец игре.

Так скоро Франческа этого не ожидала. Впрочем, она недооценивала Миэра с первой же их встречи. Тиран не знает пощады в преследовании врага.

А враг - это она.

Он чуть не довел ее до сердечного приступа. Ноги ее не слушались, руки дрожали. Он не должен видеть ее в таком состоянии.

Надо держаться. Помнить, что начался первый акт спектакля, в котором она исполняла роль Сары Тэва, а Сара никогда не сдавалась.

Она уступила лишь неизлечимой болезни, подточившей ее силы...

Франческа медленно обернулась, заставляя себя успокоиться усилием воли, которой, как она знала, у нее не было. Она будет держаться. Ради Сары. Ради Кольма.

- Милорд?.. - За годы общения с Тетей Идой она научилась говорить ледяным тоном. - Не ослышалась ли я?

Ее самообладание озадачило его. Она должна была прийти в ярость от того, что он поместил ее в свою комнату. Но столь высокомерного тона от грязной потаскухи он не ожидал и не собирался его терпеть.

Пора поставить на место эту развратницу.

- Моя дорогая Сара, а зачем тогда вы здесь?

- Минута откровения, - пробормотала она. - Так зачем я здесь? - Она буквально выдавила из себя эти слова. Даже Сара, в отчаянии обратившаяся к графу, не представляла себе, на что он способен, не знала, что его планы могут идти вразрез с ее планами.

Какая досада, что он застал ее в гардеробной! Надо немедленно лишить его такого

преимущества. Но для этого она должна приблизиться к нему, это ужасно, но еще ужаснее, если он зажмет ее в углу.

Она прошла мимо Миэра, стараясь не касаться его и чувствуя на себе его насмешливо-пронзительный взгляд.

- Вот теперь мы с вами лицом к лицу, Сара Тэва. - Но это ему еще меньше понравилось. В сумеречном свете комнаты она казалась еще более аристократичной; траурное платье облегло стройное тело, а точеное лицо выражало презрение к нему и к его игре в «кошки-мышки».

Кто эта женщина?

- И что же вы видите, милорд?

Нахальная, раздраженно подумал он; она чертовски хорошо знает, что он видит, что увидел бы любой мужчина, взглянувший на нее: зрелое, завораживающее тело, пристойно одетое и источающее похоть.

Она права - пора заканчивать игру.

- Мне нужно то, что Кольм отдал вам, - решительно заявил он.

Франческа замерла.

- Я не знаю, о чем вы говорите.

- Вы настоящая лгунья. - Она отшатнулась от него.

- Так вот зачем вы привезли меня в Англию? Чтобы я сказала вам то, о чем не имею понятия?

Он захлопал в ладоши.

- Bravo, Сара. Bravo. Звездный спектакль. Ни за что не поверил бы, что вы способны на такое, если судить по отчетам, которые я получал.

Сердце у нее упало. Да. Так она и думала. Ничто не ускользнет от длинных рук Миэра. Она стояла, не оборачиваясь к нему.

- Отчеты, милорд?

- Отчеты, Сара. Я знаю о вас все.

Самые страшные слова в мире. Но ведь она может опровергнуть их, сказав ему правду.

В этом случае ей никогда не узнать, что связывало Кольма и Сару.

Она повернулась к нему.

- Неужели, милорд?

Его лицо потемнело, в глазах появилась жестокость. Так, вероятно, он смотрел на своих врагов. Да, его следовало бояться.

- Позвольте продемонстрировать. Сэр Дэнис Беквит, виконт де Флеранж, князь Василий Гуранов, Фредерик, граф Фарингдон, барон Блауст, генерал фон Абрунген...

Тут она вздрогнула. Ее генерал - один из любовников Сары?

- Король...

- Прекратите!

Он понимающе улыбнулся.

- А ведь это только начало. И я не могу не спросить, моя дорогая Сара, почему, имея власть над такими влиятельными мужчинами, вы удовлетворились младшим сыном семьи Миэров, который ничего не мог вам предложить - ни титула, ни денег, ни дома, ни имени. Почему Уильям?

Франческа стоило немалых усилий сохранять выдержку. Ничто не ускользало от этого человека. Ничто. Он был настойчив, а она понятия не имела, почему Сара вышла замуж; за Уильяма.

Что убедительного она может сказать? Что отвлечет его от вопросов о странности этого брака?

Эмоции, вот что. И страсть. Но, с точки зрения Миэра, эти понятия не имеют никакой ценности...

- Я вам скажу почему, - заявила она. - Он был молод, нежен, красив. Он был хорош в постели. И принадлежал мне одной.

Миэр ударил ее по лицу. Франческа была потрясена, она не ожидала от него такой ярости. Не предполагала, что его можно задеть за живое, особенно когда речь идет об Уильяме.

Она пошатнулась, в ушах зазвенело. Хватит. Она ответила на вопрос, и даже Миэр не сможет усомниться в его достоверности.

- Целиком мой... - прошептала она, только ради того, чтобы снова в его глазах запылала ярость.

Он едва сдерживался.

Уильям - во власти этой распутной девки... Ему хотелось задушить ее.

- Дрянь. - В порыве гнева он готов был ее убить. - Проститутка... Шлюха... - Огромным усилием воли ему удалось взять себя в руки. - Вы оправдали свою репутацию, Сара.

Она вздернула подбородок.

- Действительно, милорд. Как и вы свою.

- Мне нужна черная шкатулка.

- Я ничего не знаю о черной шкатулке.

Он приблизился к кровати, где она сидела, прижав руку к покрасневшей щеке.

- Мисс Сара Тэва ничего не знает, не так ли? Она только знает, как развращать души мужчин...

Франческа перебила его и вызывающе добавила:

- И как любить...

Его глаза угрожающе сузились, на скулах заиграли желваки, он судорожно сжимал кулаки.

- Уильям всегда был падок на дешевку, - сказал он. - Являлся легкой добычей любой юбки на улицах и задворках. Любовь!.. - прорычал он. - Животные инстинкты. И не смейте называть высоким чувством то, что было между вами и Уильямом. Я все знаю о вас, Сара Тэва. Вы первостатейная шлюха и вцепились в Уильяма, как только стала тускнеть ваша притягательность. У меня не было ни капли сочувствия, ни к брату, ни к вам. Уильям никогда пальцем не пошевелил, чтобы заработать хотя бы одно су. Но я хорошо знаю, как зарабатывали деньги вы, чтобы содержать его.

Он угрожающе навис над ней; нервы Франчески были на пределе. Спокойнее, спокойнее. Сара бы посмеялась над ним. Нельзя допустить, чтобы он добился своего. Он знает так много, слишком много; знает то, чего не знает она, и сейчас явно наступило время для признания.

Но она не могла заставить себя признаться. Слишком многое было поставлено на карту, а главное - нужно выяснить, что Кольм мог передать Саре.

Их взгляды скрестились, и Франческа увидела в ледяной глубине глаз Миэра мстительную ярость. Миэр добьется своего, в панике подумала она. Ни перед чем не остановится.

Что особо ценного могла иметь танцовщица, ведущая беспорядочную жизнь? Чем с такой настойчивостью пытался завладеть Миэр?

- Милорд не терял времени, - пробормотала Франческа, пытаясь оттянуть развязку. Ей необходимо узнать то, что известно ему. - Я не представляю, о чем вы говорите. Моя репутация безупречна, мои танцы - выражение священного экстаза.

Да, это его задело. Ход был выбран верный - утверждать, что все, что она - Сара - когда-нибудь делала, было пристойно и безупречно.

- Священный экстаз? - Она еще и иллюзии строит, в бешенстве подумал он, а ее высокомерие вообще немислимо. Безупречно!!! В своем ли она уме, если может так думать, а тем более говорить. - Господи, вы бесподобны. Впрочем, иначе и не могло быть, чтобы сделать такую карьеру, надо быть весьма изобретательной.

Она смотрела на него холодно, без малейшего намека на раскаяние, и он едва не утратил контроль над собой.

Она вовсе не безрассудная цыганка, как ему доносили, и его тактика давления и запугивания явно не действует на нее. Следует помнить, что она - артистка, у нее есть цель, и для ее достижения играет леди, хозяйку поместья.

Хорошая актриса просто обязана входить в роль.

И она весьма кстати забыла о Кольме.

Она - настоящий хамелеон, думал Алекс, сдерживая ярость, и гораздо умнее, чем ему

докладывали. Она сохраняет хладнокровие, и ее не запугаешь.

Все в этой женщине противоречило тому, что он о ней узнал, и теперь Алекс чувствовал себя перед ней бессильным, что, разумеется, не доставляло ему удовольствия.

Единственным плюсом было то, что и ей что-то от него нужно. Его об этом предупреждали, и данным обстоятельством он решил воспользоваться.

Будь она проклята! Черт бы ее побрал! Будь она проклята.

- Да, - пробормотала она. - Я очень хороша.

Она искусна буквально во всем, подумал Алекс. Он просто недооценивал ее. Теперь он знал, как действовать дальше.

- Вы - предательница.

Она отпрянула от него, и глаза ее наполнились неподдельным ужасом. Он мог бы поклясться, что теперь она не играет.

Актриса. Лгунья. Шлюха. Нельзя забывать об этом. Он все еще чувствовал себя растерянным, утратившим над собой контроль. Все дело было в этих прекрасных чертах лица, медовой коже, едва заметном следе от его пальцев на высокой скуле... Он не мог вообразить ее исполнявшей в экстазе эротический танец, но почти чувствовал, как она тает в его объятиях.

Проклятие, проклятие, черт бы ее побрал, о чем он думает???

Она не находила слов, чтобы ответить на его наглое заявление.

Чем Сара занималась???

- Я была больна, милорд. Я не ослышалась, вы сказали...

- Да, сказал, - жестоко парировал Алекс.

Он помолчал мгновение, следя за выражением ее лица. Франческа впервые почувствовала себя загнанной в угол. Предательница...

Скажи ему все - СЕЙЧАС... Отдайся ему на милость!..

Но... Кольм... Как же она может? Нет! Ведь если Сара занималась чем-то незаконным, значит, и Кольм...

О Боже...

Отрицай все.

- Вы ошибаетесь, милорд. - Голос ее прозвучал неуверенно.

- Вас можно было бы судить за предательство. - Она покачала головой.

- Нет. Я не знаю, что вы имеете в виду, но это не имеет ко мне никакого отношения. - Это была правда, но только не в отношении Сары. Однако Мизэр, считая Сару блестящей актрисой, ее искреннее признание воспринял как очередную игру.

Есть только один выход – сказать ему, что она не Сара. А что потом? Ведь неизвестно, как он поведет себя, узнав, что она не Сара. Возможно, придет в еще большую ярость. Он все равно будет считать ее предательницей.

Франческа с трудом поборолла желание закрыть лицо руками. Пути назад нет. Только вперед. Она и дальше должна выдавать себя за Сару.

Франческа выпрямилась.

– Я не стану слушать подобные вещи. Не стану... все эти обвинения... эту клевету. Вы, кажется, не понимаете, кто я и что собой представляю. Так позвольте заявить вам еще раз. Я – вдова Уильяма, и этим все сказано.

– Черная вдова [2]. – Его глаза сузились. – Плетете паутину заговоров, ловите мужчин в свои цепкие сети.

Она никогда не чувствовала себя такой беспомощной.

– Я устала от этих словесных игр, милорд, хочу пойти в свою комнату.

– Моя дорогая Сара, неужели вы настолько наивны, что думаете, будто я оставлю вас в покое? Нет, вот ваша комната, ваше место здесь, и отныне мы с вами будем ближе, чем сиамские близнецы...

Она, было, запротестовала, но Миэр перебил ее:

– ...если только вы не хотите, чтобы вас судили за предательство.

Франческа поняла, что сейчас ей не выиграть.

– Что вам нужно от меня, Миэр? – Он презрительно фыркнул:

– Перестаньте делать вид, что вы не знаете. Я не стану снова играть с вами в загадки, Сара. Хватит того, что я позволил вам приехать сюда, не сдав вас властям. Можете не заблуждаться – вы здесь только потому, что владеете тем, что нужно мне. Но я обещаю, что ни на секунду не спущу с вас глаз. Вы будете спать в моей комнате, ходить туда, куда хожу я. Будете делать то, что я вам скажу и когда я скажу. И вы станете танцевать для меня, Сара Тэва, хотите вы этого или нет.

В его голосе звучала такая жгучая ненависть, что она даже закрыла глаза. Но ничто не могло защитить ее от его ярости.

– У вас нет выбора, – неумолимо продолжал он. – Если попытаетесь бежать, я убью вас.

И убьет – в этом нет ни малейших сомнений. Сейчас ее спасет маленькая ложь, но она скоро будет раскрыта.

Ах, Сара, мой дорогой Кольт... только ради тебя...

Франческа следила взглядом за Миэром, который мерил шагами комнату, пытаясь обуздать свой гнев. «Он готов раздавить меня», – подумала она. Ему ненавистно ее присутствие, но у него нет выбора, по каким-то причинам он вынужден держать ее рядом с собой, а это ему претит.

Он ненавидит ее. И ничуть не сожалеет, что дал ей пощечину.

Она для него вещь. Предмет, точно такой же, каким была Сара для своих зрителей, нечто такое, чего можно неистово желать, зная, что никогда не сможешь этим обладать.

Впрочем, сейчас он владел ею, при помощи угроз и тайн, хотя по-прежнему не знал, что с ней делать.

Он вдруг прекратил метаться по комнате.

- Распакуйте свои вещи. - Это было не что иное, как приказ, отрывистый, угрожающий, чтобы вселить в ее сердце еще больший ужас.

- Я займусь этим в свое время, - с вызовом ответила она.

- Сейчас!

- Тиран! - прошипела она.

- Ну, тогда я сам это сделаю.

Он направился в пустовавшую половину гардеробной прежде, чем она успела остановить его, и один за другим бросил в комнату ее чемоданы.

Она вскочила с постели и буквально накрыла их телом.

- Сучка! Как будто это меня остановит. - Он сдернул ее с чемоданов, словно тряпичную куклу, и оттолкнул к кровати.

Она упала на постель, гадая, что ему нужно, что он рассчитывает там найти.

Он сорвал замок с одного из чемоданов и стал выбрасывать из него вещи прямо на пол.

Одежда Сары. Бархат, шелка и атлас самых разнообразных оттенков. Шляпы, перчатки, прозрачные чулки. Под кучей одежды - костюмы, которые так любила Сара, и которые сейчас так безжалостно хватал люто ненавидящий ее человек.

Он стал швырять их на постель, где сидела дрожавшая Франческа.

- Вот, вот и вот... будь ты проклята, будь ты проклята...

Она зарылась лицом в вещи, чтобы не видеть этого жуткого гнева, и услышала глухой стук - это Миэр выместил свою безумную злость на пустом чемодане.

- Встань!

Противиться ему было опасно. Он уже показал, что может заставить ее сделать то, что ему нужно, - силой, угрозами, оскорблениями.

Она осторожно пересела на край кровати и робко глянула на него. Его ястребиное лицо все еще было мрачнее тучи, искаженное дикой яростью и ненавистью.

Он протянул ей два крошечных лоскутка - один из костюмов Сары.

- Надень!

Нельзя поддаваться ему. Это чистое безумие – он пытается воссоздать то, что, по его мнению, Уильям увидел в Саре.

- Нет! – сказала она, зная, что он все равно заставит ее. Он шагнул к ней.

- Надевай, или я сам это на тебя надену.

Страшно было даже подумать о том, что он прикоснется к ней. Он сейчас не владел собой и настолько ненавидел Сару, что мог сделать все, что угодно. Он готов был на все, только бы раскрыть ее тайну.

- Я надену, – прошептала Франческа, понимая, что у нее нет выбора. *Может, мне удастся выпрыгнуть из окна.*

С бьющимся сердцем она проскользнула в гардеробную и закрыла за собой дверь.

Уйти некуда. И запереться изнутри невозможно. Но если бы даже было возможно, то через несколько дней она задохнулась бы в этой лишенной воздуха, душной, крошечной комнатухе.

- Сейчас, Сара... – Он стоял у самой двери, готовый ринуться в атаку.

Еще минута – и она лишится чувств. Она и предположить не могла, что дело пойдет так далеко.

- Я вхожу...

- Нет... – Ее голос звенел от страха. Он почувствовал, что она в панике. Нет, ничего он не почувствовал. Его захлестнула волна ярости и горечи, бушующих в его крови.

У нее нет сил, сделать это. Она не может разгуливать голая перед незнакомым мужчиной. Не тот у нее характер.

Но только так он мог одержать верх над ней – над Сарой, – и она больше не могла притворяться. Она не могла снять одежду и быть Сарой.

- А мне казалось, что тебе нравится танцевать для одного зрителя, – прорычал Миэр из-за двери. – Они ведь тебе хорошо платили, эти мягкотелые любовники?

У нее перехватило дыхание. Новые секреты Сары, о них никто не должен был знать, тем более она, Франческа. Она привалилась к стене, судорожно сжимая в руках тонкий, прозрачный костюм.

- Я тебе тоже заплачу, алчная сучка. Ты поэтому сопротивляешься, да? Ведь именно этого ты всегда добивалась... И потому вышла замуж за Уильяма...

Он убьет ее, что бы она ни сделала. Просто задушит и все.

Он собирается ей заплатить...

Господи, будь у нее хоть немного денег, она бежала бы со всех ног, туда, где никто никогда ее не найдет.

Заманчивая мысль. Неужели она сможет сделать это – ради денег?

Неужели она настолько порочна?

Он именно так и считает. Уверен, что она продажна и порочна.

Нет, это о Саре.

Ручка двери угрожающе повернулась, и Франческа отшатнулась к стене.

- Дайте мне минутку, - воскликнула она дрожащим голосом. Он не станет ждать, пока она борется со своей совестью, стараясь преодолеть многолетние догмы и запреты. Нужно либо раздеться, либо сказать ему правду.

Ее силы были на исходе. Она словно наблюдала за собой со стороны. Вот рука медленно потянулась к застёжке на платье.

Она должна это сделать. Сара не стала бы колебаться.

И он заплатит ей. Она получит вознаграждение за то, что предстанет голая его похотливому взору, за невыносимую боль.

А потом она исчезнет. С загадками будет покончено. Она ускользнет, и ее никогда не найдут.

Она сделает это - всего только раз, - и потом Сара сможет наконец упокоиться с миром.

Дверь стала медленно открываться.

Алекс стоял, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. И столько было в его взгляде цинизма. Да и не только во взгляде. Во всем его облике. В то же время он не мог не признаться себе, что Сара - мастер своего дела, знает, как заставить мужчину пускать слюнки и дрожать от нетерпения.

Она пользовалась древними, как мир, уловками - то становилась недоступной, непреклонной, то молчаливой, то гордой и высокомерной - и все для того, чтобы раздражить его, довести до такого состояния, когда он отдаст все, лишь бы получить побольше.

Побольше чего? Да ничего, до тех пор, пока он не предложил ей деньги. Ему следовало знать, что ради денег Сара Тэва готова на все. И вот теперь наконец она разыграет перед ним спектакль.

Она вела себя словно застенчивая девственница, и, когда приоткрыла дверь, ему на миг представилась соблазнительная картинка - обнаженная рука, голая ступня, стройная, обнаженная нога, появившаяся и тут же исчезнувшая, краешек тонкой, прозрачной ткани, обернутой вокруг бедра.

вернуться

2

От английского blackwidow - разновидность паука.

Господи, ну начинай же, нетерпеливо подумал он. Та Сара Тэва, фигурировавшая в отчетах, знала, чего хочет, и быстро добивалась этого.

С другой стороны, невероятно соблазнительно было наблюдать, как ее стройное, сильное тело, едва прикрытое прозрачной сеткой с черным янтарем, прижимается к двери, словно ласкает ее.

Он ощутил мгновенное, неудержимое набухание плоти при виде обнаженных ягодиц и тонкой нитки бус, скреплявшей кусочек сетки, прикрывавшей грудь.

Все, что он слышал о ней, подтвердилось – стройное тело, пышная грудь, бездна чувственности.

Сара Тэва знает, что делает, подумал он, снова закипая от гнева. А раз так, он не должен столь остро реагировать на ее обнаженные бедра, которые извиваются и прижимаются к двери, словно перед ней самый желанный любовник в мире.

Но чем больше он негодовал, тем сильнее нарастало его возбуждение. Он хотел увидеть больше. Ему казалось, что она медлит намеренно, чтобы он окончательно потерял выдержку. А ведь Алекс всегда гордился своим хладнокровием и умением одолеть врага.

А она и была врагом, потому что знала, как сильно он хочет, чтобы она танцевала перед ним обнаженная. Ему казалось, что она нарочно медлит. Хочет вынудить его умолять о большем.

Нет, он не станет этого делать. Ни одна женщина не заставит его валяться у нее в ногах, как бы сильно он ее ни желал.

И тем более уличная девка.

Он умеет ждать. Умеет терпеть. Пусть даже это причинит ему страдания, он дождется. И победит.

Ни одна женщина, вращавшая голыми бедрами, не соблазнила его.

Холодно и отстранение смотрел он, как она отступила от двери и вновь прижалась к ней голыми ягодицами, затем подняла руки, словно обвила ими шею возлюбленного.

Теперь его взору открылась ее пышная грудь, едва удерживаемая тонкой сеткой; твердые соски были скрыты завесой из сверкающих агатовых бусинок. К тонкому, расшитому поясу на бедрах был прикреплен небольшой кусочек сетки, украшенной бусинками, за которой виднелась соблазнительная впадина между ногами. Миндалевидные глаза мерцали под скрывающей лицо вуалью.

Ну, вот уже, почти... Алекс с трудом сдерживал возбуждение. Было что-то очень чувственное в том, как она скрывала заветное место, которое так жаждет увидеть мужчина. Она очень искусно использовала тело, чтобы раздражить его и довести до такого состояния, когда он хотел лишь одного – чтобы она сбросила костюм и предстала перед ним во всей своей наготы.

Вместо этого она начала танцевать.

Она не ожидала, что сможет зайти далеко. Ее нагота, реакция тела на эту наготу вселили в нее смертельный страх. Она никогда не снимала с себя все сразу и сейчас испытывала настоящий ужас.

Слава Богу, что в комнате царит полумрак. Слава Богу, что она не видит его лица. Слава Богу, что есть дверь, на которую можно опереться.

Но пора отойти от двери. Забыть о том, что она обнажена. Пора начинать танец.

Танец... Она совершенно не представляла себе танцы Сары.

Руки, говорила Сара. Она завораживала зрителей руками.

Отвлекай его руками...

Нет, она тут же растянется на полу, если переступит порог этой комнаты.

Она заставила себя двигаться. Ведь он хочет увидеть, как танцует Сара. Как бы Франческа ни станцевала, она получит деньги.

Она сделает это ради денег. Любой сделает ради денег что угодно, особенно когда нечего терять. А она должна только станцевать.

Она шагнула в комнату, ощутив грубый ворс ковра босыми ногами.

Что дальше?

Двигай руками... Вращай бедрами...

Она чувствовала себя неуклюжей, как корова; тут и намек не было на грациозность Сары. Господи, как можно одновременно двигать и руками и телом?

Как двигается профессиональная танцовщица?

Покачиваясь и приближаясь к нему, переплетя руки, она чувствовала на себе его пристальный, замороженный взгляд.

О Боже, такая беспомощная... такая неуклюжая... А ведь он все знает о профессиональных танцовщицах. Наверняка видел их десятки, сотни, тысячи...

Франческа делала движения, которые казались ей экзотическими и чувственными. Но что она могла знать об эротических танцах? Ведь она познакомилась с Сарой Тэва в последние дни ее жизни.

А в учебниках про это не пишут.

Больше всего Франческу пугала ее нагота - ей казалось, что она не выдержит и умрет. Она знала, что его взгляд прикован к каждой частице ее тела, а тонкая сетка расплзется в его руках словно марля, если он захочет сорвать с ее тела эту символическую завесу.

Она постарается не допустить этого, держась от него подальше, но она уверена, что он все понял. Его не обманешь. Он слишком хорошо знает женщин.

И ей не провести его. Тем более что она девственница и понятия не имеет об эротических танцах.

Господи, что же делать? Ну, уж теперь-то, наверное, она может закончить танец? Если то, что она изобразила, можно назвать танцем.

Подняв руки над головой, она стала кружиться. Все быстрее, быстрее; лоскуток, прикрывавший ее чресла, развеялся; свет таинственным мерцанием отражался в бусинках из черного янтаря.

Она опустилась на пол, молитвенно воздев руки, склонив голову к ногам; сердце ее бешено колотилось.

- Все, что говорят о тебе, правда, - холодно произнес Миэр. - Ты заслуживаешь то, что получаешь.

Она взглянула на него в тот момент, когда он швырнул на пол несколько банкнот.

- И даже больше. - Его руки были сжаты; казалось, он вот-вот ударит ее, словно и этот танец, и она сама привели его в неистовство.

Он ненавидел ее и в то же время не собирался оставлять в покое.

Она боялась дышать и не могла двинуться с места. Он мог наброситься на нее, и она оказалась бы в его власти.

Они оба это знали, но он не собирался подбирать объедки брата или брать силой женщину, у которой было не меньше тысячи мужчин.

Он резко повернулся и вышел из комнаты, хлопнув дверью и демонстративно заперев ее на ключ.

Глава 5

Тем не менее, на следующее утро, когда состоялись похороны Уильяма на фамильном кладбище, все приличия были соблюдены. Пусть Миэр и запер Франческу в спальне на ночь, оставив наедине с ее стыдом, но он передал через Уоттена, чтобы она была готова к тому моменту, когда зазвонит колокол, особо оговорив, что именно он будет сопровождать ее в церковь и ей ничего не нужно делать - только лишь одеться подобающим образом, не забыть вуаль и не говорить ни слова.

Ей хотелось швыряться вещами, прибить кого-нибудь, но только не Уоттена. Бедняга был просто посредником и разбудил ее неприлично рано, чтобы передать издевательские поручения Миэра.

- Я принес вам завтрак, госпожа Уильям, но вы должны оставаться в постели, когда я войду. Его светлость особо подчеркнул это, кстати, меня сопровождает его камердинер, надеюсь, вы понимаете, что это значит.

Этот человек! Франческу передернуло, когда она села на постели, потуже запахнув халат. Как будто она могла что-то предпринять прежде, чем позавтракает и соберется с мыслями.

Всю ночь она сгорала от стыда из-за того, что натворила. А теперь умирала от голода и, кроме того, не хотела бежать из Миэршема, пока Уильям не будет достойно похоронен.

- Можете войти, - крикнула она, не сдержав раздражения. Ситуация была невыносимая, не говоря уже о том, что все здесь считали ее шлюхой.

Конечно же, Франческа Рэй никогда не оказалась бы в спальне мужчины, почти обнаженная, соблазняя танцем грозного графа.

Уоттен появился в дверях, неся поднос с чайником, тостами, джемом, маслом и булочками.

- На стол, - сдержанно распорядилась она, так, словно он подавал ей завтрак каждое утро. -

Передайте его светлости, что я буду готова ровно в девять тридцать.

- Очень хорошо, мадам, - ответил Уоттен, подхватывая игру.

Она соскочила с постели, как только щелкнул замок, и набросилась на еду. Боже, в этот момент она не могла думать ни о чем другом, кроме еды. Франческа раздвинула гардины на окне, выходявшем на обширные поля Миэршема.

За окном царил серый день; обрывки тумана запутались в верхушках деревьев, словно маленькие грозные облачка. Трава блестела от влаги, воздух был сырым и тяжелым.

На душе у Франчески тоже было тяжело. И тревожно. Почему, она и сама не знала. Ей ведь удалось исполнить танец, и у Миэра не возникло сомнений в том, что она Сара. Он ей поверил.

Таким образом она выиграла еще один день, получила возможность разузнать секреты Сары.

Теперь у нее есть деньги, но она ни за что не убежит, пока не узнает то, что ее интересует. Пусть даже повторится вчерашний спектакль. Теперь будет легче, размышляла Франческа, и она отнесется к этому спокойнее, потому что уверена, что может заставить его поверить.

Но тут же у нее возникли сомнения. Франческа не умела вести себя так, как Сара, хотя очень старалась. И он не мог не заметить этого, потому что знал о Саре все. Франческа танцевала перед ним обнаженная и в то же время вела себя как настоящая леди. Все это бесило Миэра. Он не знал, что и думать.

Сейчас она представила себе все достаточно ясно. Ему легче было бы справиться с настоящей Сарой, полной фантазий и иллюзий, словно дитя, и в то же время порочной.

И он делал все, что в его силах, чтобы увидеть Сару такой, какой он ее себе представлял.

Но у него не получилось. Этим и объяснялась его бешеная ярость.

И не получится. Франческа позаботится об этом.

Еще один день, думала она, жуя булочку и глядя в окно. Она останется еще на день, чтобы проводить в последний путь Уильяма и заставить Миэра заплатить за его жестокость. Сара хотела бы этого. Сара была бы счастлива, видеть его мучения.

И он будет мучиться. Это самое меньшее, чем я смогу отомстить за то, что он сделал с ними.

Она выплыла из комнаты, словно королева, с ног до головы одетая в черное, как и по пути из Берлина в Лондон.

Но сейчас его не обмануть. Он хорошо знает, что кроется под всеми этими одеждами; представляет, как двигается это бесстыдное тело, подчиняясь собственному чувственному ритму! Как стройны ее ноги, как плавлен изгиб бедер, как округлы ягодицы. Он представлял все это, когда предложил ей руку и, спустившись вниз, они вышли из парадной двери Миэршема; все это время он был невероятно возбужден; его тело пульсировало плотским желанием, пугавшим его и сводившим с ума.

Их ожидала коляска, запряженная пони. Миэр, усадив Франческу, сказал:

- Церковь довольно далеко, чтобы идти пешком. Однако же сам пошел рядом с коляской, пока

мальчик по имени Андреас осторожно правил к деревне, на окраине которой стояла красивая церковь; ее шпили, уходя в небеса, тонули в тумане.

Франческа стало нехорошо во влажной духоте, когда Миэр помог ей выйти из коляски и бесцеремонно подтолкнул к церкви.

Внутри, к счастью, было прохладно и просторнее, чем она предполагала. Она шла по длинной дорожке вдоль готических деревянных скамеек к алтарю с мраморным аналоем и резным иконостасом.

Гроб с телом Уильяма уже стоял там, дорогой, украшенный цветами; в первом ряду Франческа увидела две головы – белокурую и седую, а наверху, за кафедрой, худощавое, приятное лицо прелата.

Миэр подтолкнул ее к скамье напротив своей матери и Филиппы.

- Не говори ни слова.

Франческа, вздернув подбородок и распрямив плечи, проигнорировала его слова и села рядом с ним, заметив при этом, что викарий с любопытством разглядывает их.

В этом не было ничего удивительного. Он впервые видел скандально известную Сару Тэва. Однако она нисколько не походила на женщину, чью душу нужно спасать. Мысль ей показалась забавной. Но потом она догадалась, что это, должно быть, средний брат Уильяма.

Благочестивее Уильяма, говорила Сара. Старшие братья – чудовище и священник. Неудивительно, что бедному Уильяму пришлось убраться из Мизршем-Клоуз, пока жив.

И кто мог сделать его жизнь более полной, чем профессиональная танцовщица, сосредоточившая на нем всю свою энергию и весь свой чувственный пыл?

Она пристально смотрела на Маркуса, когда тот по знаку Миэра произнес:

- Мы собрались здесь, чтобы оплакать смерть и вспомнить жизнь нашего милого, заблудшего брата Уильяма, который почил совсем молодым.

Франческа замерла. Вряд ли он станет читать проповедь о грехе и соблазне при ней. Впрочем, кто знает? Члены этой семьи непредсказуемы.

К счастью, он заговорил о другом:

- Бедный Уильям. Младших детей в семье часто постигает такая участь. Они не могут найти свое место в жизни. Так случилось и с Уильямом. Мы, его родные, знаем, что его юная чувствительная натура никогда не воспринимала советов и наставлений; он шел своим путем, куда бы этот путь ни вел. Теперь мы можем лишь надеяться, что его душа, наконец вернувшись домой, обретет тот покой, который он искал. Помолимся же за него.

В словах Маркуса не было осуждения. Он соблюдал приличия, хотя никого, кроме членов семьи, в церкви не было. И все же он наверняка боролся с искушением осудить женщину, ставшую причиной падения его брата в глазах общества и церкви.

Маркус, чинно закончив службу молитвой Господней, возглавил процессию на кладбище, расположенное на холме, и отслужил у могилы краткую панихиду.

Да упокоит Господь его душу!

Франческа моргнула, чтобы не заплакать. Но ни на лице матери Уильяма, ни в ее манере держаться она не увидела даже намека на печаль. Ее лицо было каменным, а взгляды, которые она бросала на Франческу, полны яда.

Эта женщина ненавидела Сару так же сильно, как и Миэр. Вторая, блондинка, очевидно, жена викария, тоже время от времени поглядывала на Франческу, но это было, всего лишь любопытство.

Внизу, у холма их ждала коляска.

Не удостоив Франческу даже взглядом, Джудит забралась в коляску. За ней последовала Филиппа. Места для Франчески не осталось, как и рассчитывала Джудит.

- Андреас, поехали, - приказала она, и мальчик дернул поводья.

Миэр ничего не сказал, только сжал локоть Франчески.

- Мы пройдемся пешком, - пробормотала Франческа. Она действительно хотела пройтись, дать выход накопившейся энергии, готовой вырваться после пережитого напряжения.

Ей нужно было пространство. Она чувствовала, что задыхается среди этих людей, окутанная их яростью и коварным любопытством. Их вежливость была показной, и Франческа не стремилась вернуться в дом, потому что была уверена, что там непременно разыграется какая-нибудь неприятная сцена.

Мать явно стремилась к этому и только ждала подходящего момента.

Она готова была убить Сару.

Боже милостивый, какую еще беду она на себя накликала, затеяв этот маскарад?

Франческа тяжело вздохнула, как раз в тот момент, когда Маркус протянул ей руку.

- Я - Маркус.

- Да, - сказала она, пожимая ему руку. - Я знаю.

- Мы пройдемся, - заявил Миэр, не давая Маркусу продолжить разговор. - Ты потом присоединишься к нам позже?

- Могу и сейчас, - ответил Маркус. - Возможно, мне следует...

- У Джудит будет сердечный приступ, если она увидит нас обоих рядом с вдовой. Дай нам двадцать минут.

- Как пожелаешь, - пробормотал Маркус.

- Пошли. - Его тон не допускал возражений. Миэр взял ее за локоть, но она внезапно устремилась вперед, желая освободиться от его жестких пальцев и привести в порядок мысли.

Ситуация оказалась настолько рискованной, что избежать осложнений было почти невозможно.

Опрометчивый поступок. Ложный танец. Обман.

У нее есть сто фунтов, он дал их ей накануне вечером, продемонстрировав свое истинное отношение к Саре Тэва, точнее к Франческа, игравшей ее роль.

Пора выбираться отсюда. О Саре и Кольме она узнает потом. Кольм при встрече все объяснит.

Она отправится домой, в Брейдвуд, к тете Иде, где жизнь не так сложна, как здесь, рядом с переполненным злобой графом. И она будет ждать Кольма, потому что он ведь наверняка приедет за ней.

Иного выхода из этой невероятно запутанной ситуации Франческа не видела. Конечно, оставался еще один вариант – она может сказать ему правду, но вряд ли он ей теперь поверит. Скорее всего, слушать не станет.

Он уверен, что она – Сара, и доказывать ему обратное бесполезно.

Ну и пусть думает, что она – Сара. Пусть вспоминает ее непристойный танец и ее аристократический вид.

Пусть он до конца дней своих терзается этими воспоминаниями...

Уоттен встретил их у входа.

- Миледи и леди Филиппа ожидают вас в гостиной.

Миэр фыркнул и подтолкнул ее в сторону лифта. Франческа вырвалась из его властных рук, возмущенная таким обращением и нервничая из-за предстоящей встречи с матерью Уильяма.

- Если вы не будете относиться ко мне с уважением, то и они не станут, – прошипела Франческа.

- А никто и не должен тебя уважать, – парировал Миэр. – Вся семья знает, что ты собой представляешь, и кое-кто даже желал твоей смерти.

Это так потрясло Франческу, что она не сразу нашлась что ответить. Этот «кое-кто», конечно же, Миэр, решила она, единственный жестокий и бессердечный... но тогда... почему он приехал за ней? Почему? Почему?

Нет, не только он мог пожелать смерти Сары, возможно, это была его мать.

И поэтому встреча с ней становилась еще более опасной.

Как же все они презирают Сару, чья любовь и забота сделали Уильяма счастливым.

Но этим утверждением не сразишь его мать. Она драконша.

И все же сам факт этой любви остановил даже Миэра. И уж тем более его мать не смогла бы окружить его такой любовью.

Возможно, у нее все же больше влияния, чем она предполагала, решила Франческа, когда лифт остановился и Миэр открыл дверь.

- После вас, миледи.

- Как пожелаете, милорд.

Она вдруг стала удивительно спокойной. После того как Миэр выплеснул на нее ушат грязи, чего она могла ожидать от его семьи? И что они могли с ней сделать? Сама мысль о том, что один из них желает ей смерти, придала Франческе силы.

А главное, к утру, она уже покинет Миэршем.

Будь Сарой. Говори то, что сказала бы Сара. Но всегда оставайся леди. Именно этого они и не ожидают.

Уоттен остановился перед массивной двойной дверью и повернулся к ней.

- Если желаете, миледи, я возьму вашу шляпу.

- Конечно. - Франческа хотела, чтобы они увидели ее лицо, ее глаза, ее манеры. Откинув вуаль, она вынула шпильки и передала шляпу Уоттену.

- Прекрасно, миледи. - Уоттен, подумала она, понимает больше, чем семья, больше, чем Миэр, больше, чем даже могла рассчитывать Сара.

Он открыл дверь и объявил:

- Милорд и миледи...

Миэр вошел первым, и Франческа с гордо поднятой головой последовала за ним. И тут же поняла, что ей предстоит испытать.

Комната была огромной, с высоченным потолком, здесь чувствовался простор. По сути, это был зал для приема гостей со светло-голубыми стенами, расписным потолком, где были изображены херувимы на облаках, стульями и столами, отделанными позолотой.

Французские окна были открыты. Их обрамляли голубые атласные шторы в тон стенам. У дальней стены уютный уголок с массивным мраморным камином в центре, двумя диванами и стульями, казавшимися воздушными.

Здесь восседала Джудит Девени, вдовствующая герцогиня Миэр, черное, мрачное пятно на фоне роскошного персидского ковра, сочетавшего в себе все оттенки цветов, присутствующих в комнате. Она выжидала момент, когда сможет распять женщину сомнительного поведения, у которой хватило наглости выйти замуж за ее сына, этого слабака.

И решение принять Франческу именно здесь явно свидетельствовало о ее намерении запугать и унижить Сару.

Пустая затея, Сара не испугалась бы, подумала Франческа, разглядывая эту черную ворону, норовившую выклевать ей глаза. Сара сочла бы это помещение бесполезным, в то время как Джудит Девени держалась как королева в тронном зале.

Ну что ж, пусть будет так.

Тишина была оглушающей, Франческа кожей чувствовала исходившую от Джудит злость и не заметила блондинку, сидевшую ближе к камину; та не выглядела столь ожесточенной. Скорее безразличной.

Франческа не собиралась заговаривать первой. Вот когда ей пригодился опыт общения с тетей Идой. Та никогда не сдавалась, стояла на своем до конца.

И она ждала. Джудит тоже ждала. Миэр не проронил ни слова; лишь наблюдал за ними, закипая гневом из-за наглости и невозмутимости этой женщины, какой-то ничтожной куртизанки.

А она держалась, как королева. Сидела, выпрямившись, в непринужденной позе, прекрасное лицо было абсолютно безмятежным, а глаза – обескураживающе честными.

И это под безжалостным взглядом его матери! Джудит не собиралась уступать Саре Тэва, хотя пока не поняла, что та собой представляет. Но это не имело значения. Джудит ненавидела ее так, словно она была воплощением самого дьявола, Грязью из помойной ямы – все они относились к ней так. Будь она вульгарной и грубой, этот эпизод уже сейчас был бы предан забвению и похоронен, как Уильям.

Джудит сдалась первой, потому что не знала, что делать, разве что убить мерзавку, но это могло испортить ее прекрасный ковер.

- Алекс! – не зная, что сказать, обратилась она к Миэру ледяным тоном.

- Это жена Уильяма, – спокойно сказал Алекс. – Наша мать, леди Джудит Девени, Сара. И моя невестка Филиппа, жена Маркуса.

Франческа внезапно тоже растерялась. Что бы она ни сделала, Джудит все равно осудит ее, зачем же давать ей в руки лишнее оружие? Вместо ответа она склонила голову.

- «Оно» умеет говорить? – требовательно спросила Джудит.

- Она прекрасно говорит.

- На приличном английском?

Щеки Франчески заалели. Оказывается, Джудит вовсе не леди, несмотря на все свои титулы и богатство. Она злобная старуха и никогда больше не причинит зла ни Саре, ни Уильяму. Франческа позаботится об этом.

- Разумеется, миледи. Я говорю так же хорошо, как и вы. Но мои манеры гораздо лучше.

Джудит опешила. Голос был приятным и мягким, словно мед, – Уильям явно поработал над ней или нашел кого-то, кто научил ее говорить. Или что-то в этом роде. Джудит приняла бы любой вариант, лишь бы объяснить несоответствие между своими ожиданиями и стоявшей перед ней женщиной, которая выглядела и говорила так, словно была дамой их круга.

- Ах, какая вы королева, Сара Тэва. Но здесь вы никого не обманете, – рявкнула Джудит, поворачиваясь к Алексу: – Что ты собираешься с «этим» делать теперь, когда Уильям достойно похоронен?

- Это не твое дело, мама.

- Убери «это» отсюда.

- Пока не время, мама.

- О Боже, я умираю, - простила Джудит. - За что Он посылает мне такое наказание: сначала этот непостижимый брак, потом это извращенное создание в моем доме?.. А теперь Алекс, всячески старающийся перечить мне, намеревающийся постоянно держать здесь это напоминание о грехах своего брата...

Она встала с дивана; на ее лице появилось угрожающее выражение.

- Если ты не избавишься от этого создания, Алекс, не знаю, что я сделаю. Господь не может желать присутствия этой грязи в моем доме. Как мог Уильям жениться на этом... никогда не пойму. А где Маркус? Пусть он объяснит, как может сын быть таким жестоким, как может Господь не прислушиваться... - Она снова села на диван и откинулась на подушки, желая показать, что ноги ее не держат.

Однако Алекс остался равнодушным к ее выходке. И вместо того, чтобы броситься к матери, заплотировал.

- Bravo, мама. Замечательный спектакль. Знаешь, у вас с Сарой много общего. Вы обе превосходные актрисы. Великолепно умеете манипулировать публикой и устраивать скандалы. Ты никого не обманешь, мама, тем более меня. С этого момента жена Уильяма не будет иметь к тебе никакого отношения, и, если ты не можешь вести себя прилично в моем доме, отправляйся в дом вдовствующей герцогини и живи там.

- Я не позволю этой подстилке выжить меня из моего дома, - решительно заявила Джудит.

В этот момент в перепалку вмешался Маркус. Он появился ровно через двадцать минут после Алекса и Франчески и слышал весь разговор. На нем все еще было облачение священника, что придавало ему величавость, на фоне которой истерика Джудит выглядела совсем непристойно.

- Это очень разумно с твоей стороны, мама. И прекрати говорить о жене Уильяма как о вещи. Это тебе не к лицу, что бы ты о ней ни думала.

Он повернулся к Алексу, с единственной целью рассмотреть Сару.

Она стояла неподвижно, словно статуя; лицо побледнело от сыпавшихся на нее оскорблений. Она была прекрасна, как сам грех, какой и должна была быть женщина, выбранная Уильямом в жены. И как элегантна, как прекрасно держится, даже в этом логове. Густые черные волосы расчесаны на пробор и аккуратно уложены на затылке. Траурное платье модного покроя, без излишней вычурности. Изящные руки. Безупречная осанка. Бездонные черные глаза, непроницаемые, как ночь.

Франческа стало немного не по себе от его пристального взгляда, она еще не оправилась от откровенной попытки Джудит запугать ее. В его взгляде тоже не было доброты. Он, как и остальные, был потрясен ее необычностью, более того, хотел бы разобраться в том, что она собой представляет, если бы только Франческа дала ему такую возможность.

- Нельзя ли мне вернуться в свою комнату, - сказала она и ощутила реакцию викария на тембр ее голоса. Ничего подобного он не ожидал. Совершенно не ожидал.

- Ты хотела сказать - в мою комнату, - заявил Алекс без обиняков, желая еще больше разозлить мать.

Джудит вздрогнула.

- Ну конечно. Чего еще ожидать? Можно придать ей лоск, одев в дорогие туалеты и научив правильно говорить, но, в конце концов, все сводится к тому, чью спальню займет это создание и чем будет заниматься ночью. Теперь мы это знаем. Уильям лежит в холодной могиле, а Алекс уже опустился до его уровня. Объясни мне, Маркус, как такое могло случиться.

Она с трудом поднялась с дивана, Франческа не могла сказать, играет она или ей действительно тяжело. Франческа уже готова была ее пожалеть, пока не увидела в ее глазах жгучую ненависть.

- Если бы я могла убить тебя безнаказанно, я бы сделала это, - прошипела Джудит. - Чтобы ты не погубила еще одного моего сына.

- Мама!.. - кинулся за ней Маркус. - Мама... - Они услышали ее голос, гремевший на весь коридор:

- Это проклятие моей жизни. Вели ему отослать «это». Пусть даст денег, заставит подписать бумаги, чтобы «оно» больше никогда не смогло предъявлять претензии Миэру. Обещай мне, Маркус, что поговоришь с ним. Поклянись, что к утру «оно» исчезнет.

- Я... я не могу, - донесся до них голос Маркуса.

- Бедный Маркус. - Филиппа вяло поднялась с дивана. - Он так хочет быть безупречным в качестве священника, но ничего у него не получается, особенно с собственной матерью.

Она приблизилась к Франческе.

- Я - Филиппа. Мне вообще-то все равно. Я почти не знала Уильяма. Но я хорошо знаю Джудит. Вам никогда не привлечь ее на свою сторону.

- А я и не хочу этого, - сдержанно ответила Франческа.

- Ну, тогда пусть он откупится от вас, - заявила Филиппа, бросив взгляд в сторону Миэра. - Вы всю жизнь смогли бы прожить на деньги, которые они готовы заплатить, лишь бы вы исчезли отсюда. Пусть бы и мне заплатили, я была бы рада. - И снова этот взгляд, который скользнул по Алексу, словно стрела мимо мишени. - А впрочем... Вы, возможно, знаете о рае больше, чем Маркус о преисподней. Или же мы обе рождены для того, чтобы превратить жизнь Маркуса в ад, а?

С этими словами она не спеша, покинула комнату.

- Ну и сучка, - пробормотал Алекс.

- Я или она? - спросила Франческа нарочито милым голоском. С Филиппой приходится считаться, но она глубоко несчастна с Маркусом. Это ясно как день. - Так которая из нас, в конце концов, продалась за более высокую цену? - добавила она для ясности. - И которая из нас действительно любит мужа? Попробуйте поразмышлять над этим, милорд, а я пойду... - Она хотела сказать «в мою комнату», но, конечно, у нее не было своей комнаты. У нее была комната Миэра. Постель Миэра. Желания и прихоти Миэра.

Хватит Миэра. Она сыта по горло всеми ими с их злобой и подспудным чувством вины перед Уильямом. Всего час в этой спальне - и она исчезнет. Им даже не придется для этого выкладывать свои денежки.

- Никуда ты не пойдешь, - сказал Миэр с наигранным спокойствием. Казалось, он прочел ее мысли. И теперь знает, что она задумала.

- А куда я могу пойти, милорд? - парировала она. - Есть ли в этом обширном имении место, где мне были бы рады?

Он ответил не думая. Или же думал об этом, но ждал момента, когда сможет дать волю желанию, терзавшему его с той самой минуты, как он вошел в комнату Уильяма в Берлине. Во всяком случае, он сказал это. Каждое слово было для нее, словно удар камня и предвещало ее судьбу.

- В моей постели.

О Боже... Ей хотелось бежать, но куда. Слуги повсюду. Наступил момент, которого она так боялась, но он был неотвратим. И Франческа это поняла.

Ну конечно, он желал Сару. А почему бы и нет? Было бы наивно думать иначе. Что могло его удержать? С семьей он совершенно не считался, только с собственными прихотями.

Он пытался ее шантажировать, обвинив в предательстве. Повторится ли это снова? И насколько решительными будут его действия? Возможно, он сообщит ей подробности, которых она знать не желает: секреты Сары лучше бы оставить погребенными рядом с Уильямом.

Она должна ускользнуть от него.

Выпрямившись, Франческа приготовилась к самому тяжелому сражению.

- Думаю, нет, милорд.

И снова обескуражила его.

- Она думает «нет», - передразнил он ее. - «Миледи Уйатхолла» раздает милости, словно индульгенции. Нет, вы абсолютно правы, миледи. Я тоже думаю «нет», а поскольку здесь властвую я, то вы никуда не пойдете.

- Прекрасно. - Она опустилась на изящный диванчик. - Я могу отдохнуть и здесь. Гостиная вполне подойдет для этого. - Она действительно страшно устала; пообщавшись с Миэром, а потом еще с его матерью, любая нормальная женщина была бы близка к обмороку.

Придется покинуть Миэршем не так быстро, как хотелось бы.

Сто фунтов. Мысль о них грела и успокаивала. Он решил прошлой ночью, что ее можно купить. Она гадала, что он предложит сейчас, чтобы уложить Сару в постель.

Как она собирается осуществить это, будучи девственницей?

Вздор - до этого дело не дойдет. Она не допустит.

Неужели? При том, что она позволила ему запугать себя настолько, что, полуобнаженная, непристойно танцевала перед ним?

Он шантажировал ее и снова прибегнет к шантажу, чтобы получить то, чего хочет. Это прямая угроза ее нравственным устоям. Он безжалостен, неумолим, ей просто не хватит хитрости переиграть его.

Как она этого сразу не поняла?

Под его пристальным взглядом ее бросило в жар.

Но она взяла себя в руки и посмотрела ему в глаза. Потом не выдержала и отвела взгляд.

- Милорд? - произнесла она едва слышно. Какое-то мгновение Алекс колебался, не зная, следует ли быть с ней откровенным.

- Насколько мне известно, ты - распущенная, аморальная и алчная женщина, которая могла получить все, что хотела, ложась с мужчиной в постель. Ты неразборчива. Говорят, нет такого мужчины, который не захотел бы тобой овладеть, и теперь, освободившись от молодого и любящего, но никчемного мужа, ты можешь дать волю своей ненасытной натуре. Судя по вчерашней ночи, ты уже сделала это. Возникает вопрос: почему ты не хочешь спать со мной?

- Почему? - холодно спросила Франческа, дрожа всем телом от его оскорблений и намеков. - Неужели непонятно, милорд? Вы же сами перечислили мне моих любовников. Подумайте: что значит граф в сравнении с королем. Возможно, это вы недостойны меня...

- Так, так, так, показались маленькие острые коготки. Но... - он закатал рукав и показал ей руку, - никакой крови, миледи. А ведь все дело в крови, да? Голубой крови. Кровавые деньги. Или вы знали, что у Уильяма было завещание? Да, интересно, что вам известно - очень интересно. Но одно я знаю точно, Сара Тэва: очень скоро ты будешь лежать подо мной. А деньги, моя язвительная леди, можешь поместить в Английский банк.

Глава 6

Алекс не собирался оставлять ее ни на минуту. А Франческа не намерена была идти с ним в комнату.

Воцарилось напряженное молчание. Франческа перебирала в памяти все ошибки, совершенные ею с момента встречи с Сарой.

Только чудом она сможет выбраться отсюда, в отчаянии думала Франческа. И что это за завещание, о котором они говорили? Новое осложнение, которое помешает ей уйти?

Сто фунтов в кармане и враждебное отношение его семьи значительно облегчили принятие ею решения. Конечно, Сара не спасовала бы так, как она, и, возможно, уже согревала бы постель Миэра...

О Боже... Жаркая волна прокатилась по телу. Нет, ей необходимо обдумать эту идею: Сара не отличалась застенчивостью и теперь, когда ее больше не связывали узы брака, должна была уступить - ради внимания, ради острых ощущений, ради денег... Как же Франческа сможет объяснить свой отказ?

И как далеко она ушла от Сары, если позволила Алексу заплатить ей за то, что танцевала перед ним обнаженная?

Каким-то непостижимым образом ей удавалось сохранять хладнокровие и спокойствие. Однако она чувствовала, что чем больше сопротивляется Миэру, чем меньше говорит, тем больше завораживает его. Разумно ли она поступает? Но все же это лучше, чем его ярость и угрозы.

Сейчас они на нейтральной территории. Но если ему удастся заманить ее в свою комнату,

невозможно предсказать, что произойдет.

Примерно такие же мысли одолевали Алекса. Перед ним женщина, сотканная из одних противоречий. Ее ум так же остр, как и язык, именно поэтому он до сих пор не может соединить в одно целое то, что слышал и читал о ней, с тем, какой она сейчас предстала перед ним.

Слишком много несоответствий, в том числе ее красота и элегантность. Он не может отвести взгляд от ее лица, от этих черных, бездонных глаз, в которых может утонуть любой мужчина.

Но только не он. Он - никогда.

А ее кожа, ее теплая, бархатная кожа! Прошлой ночью он видел почти каждый ее сантиметр и жаждал погладить ее, так, чтобы она застонала от его прикосновений.

Она - воплощение куртизанки...

В то же время она не куртизанка.

Уильям... Алекса вдруг пронзило острое чувство горечи. Ему не следовало думать о ней подобным образом, но по-другому он просто не мог.

Она невероятно соблазнительна, и если он безжалостно использовал ее прошлой ночью, то у него не было никаких угрызений совести. В конечном итоге Саре придется расплачиваться за свои грехи, но прежде он собирался получить от нее все, что пожелает, любой ценой.

Даже заняв место Уильяма.

Нет, просто непостижимо, до чего спокойна и холодна эта женщина. Как великолепно владеет собой! Кажется, будто ничто не имеет для нее значения - ни жизнь, ни смерть, ни возлюбленный. Для этого нужен огромный опыт. При мысли об этом его гнев вспыхнул с новой силой.

Сара Тэва держит себя так, словно ее совершенно не интересуют его богатство и титулы.

Она могла бы повелевать королями... А предпочла Уильяма.

Почему?

В этом загадка Сары Тэва, и не единственная. Он должен их разгадать. Должен знать о ней все: он хочет ее, жаждет овладеть этим телом, чтобы она никогда не забыла о том, кому принадлежит...

Необузданность вспыхнувшего желания потрясла Алекса. Он думал о ней так, словно она вот-вот станет его любовницей. Его - нет. Нет! Да и что в ней такого соблазнительного? Окружающий ее ореол тускнел, притягательность исчезала, стоило ему вспомнить о ее развратной жизни.

И все же Уильям принял ее, простил и сделал своей женой.

И сейчас Алекс понимал его: Уильяма пленили те же противоречия в ней, что и его самого. Уильям, видимо, надеялся спасти ее. Но у него не было для этого ни средств, ни характера. И потом, невозможно спасти такую женщину, как Сара Тэва; в лучшем случае ее можно приструнить, пока есть силы удовлетворять ее в постели.

Если вообще это возможно.

Если...

Он сможет, черт побери, и сделает это. Он будет вонзаться в ее извивающееся тело бесконечно долго, пока она не станет молить о пощаде.

Он один может это. Он заставит ее ползать у своих ног, заставит умолять его. Сара Тэва, обнаженная, на спине, извивающаяся, жаждущая, умоляющая единственного мужчину, который способен довести ее до самозабвения.

В этом вся Сара Тэва - в стремлении ощутить всплеск наслаждения с любым способным на это мужчиной.

С ним.

Скоро.

Очень скоро.

- Вы все еще здесь? - нарушил Маркус размышления Алекса.

- С места не сдвинулись, - лениво протянул Алекс. - Так что наступил тот долгожданный момент, когда ты можешь поближе познакомиться со своей невесткой. Присаживайся. - Он появился очень кстати. Пока Маркус будет с ней говорить, сам он сможет дать волю воображению. Он и так уже весь горел, представляя ее обнаженной в постели.

Он был возбужден до предела, и если бы Маркус не появился, он овладел бы ею прямо здесь, у камина. Алекс просто поверить не мог, насколько безумно он хочет ее. Неуловимая сучка!

А Маркус сидел, словно рыба на крючке, пока она опутывала его своими сетями.

- Не стоит обижаться на Алекса, - говорил Маркус. - Он так долго парил в небесах... тяжело пережил смерть Уильяма.

- Неужели? - Франческа задумчиво взглянула в сторону Алекса. - Почему?

- Потому что он должен был сделать больше, о чем я не раз ему говорил.

Франческа лучезарно улыбнулась Маркусу, и Алексу тут же захотелось придушить их обоих.

- Вы совершенно правы, - тихо произнесла она. - Он должен был сделать гораздо больше.

- Его будут мучить угрызения совести. Но некоторым утешением ему может служить то, что он все же поехал за вами.

- Большое утешение для нас обоих, без сомнения. Но мне кажется, что... Алекс... никогда ничего не делает просто так.

- Вы очень проникательны, Сара, - могу я вас так называть?

- Конечно, - улыбнулась Франческа, коснувшись руки Маркуса. Алекс стиснул зубы, борясь с желанием вышвырнуть брата из комнаты.

- Очень пронциательны, и это после столь краткого знакомства.
- Но у нас были продолжительные беседы, – заметила Франческа. – Ведь можно узнать человека достаточно хорошо и за короткое время, не правда ли, Маркус? Если, конечно, говорить о серьезных вещах, а не просто вести светскую болтовню.
- Вы совершенно правы. – Маркус уже поддался ее чарам, совершенно не понимая, что она для него недосягаема.
- И мы много говорили по пути сюда, – добавила Франческа. – Это было очень... полезно.
- Да, разумеется. Надеюсь, у нас будет время узнать друг друга, что тоже принесет пользу, – поспешно сказал он. – Несмотря на понятные, в какой-то степени, возражения матушки, вы – жена Уильяма, и вам рады в Миэршеме.
- О да, – вмешался Алекс, – ну-ка расскажи нам, Маркус, что там еще наговорила мама.
- Ее можно убедить взглянуть на ситуацию разумно.
- И она способна устроить скандал, – язвительно заметил Алекс. – Ты лучше присматривай за ней, Маркус. Жена Уильяма – это мое личное дело; ни ты, ни мама к этому отношения не имеете, а маме лучше держаться от меня подальше.
- Неблагодарное чудовище.
- Да. Как и ты, мой дорогой викарий. Ты, наверное, забыл, кто тебя кормит и что матушкины посулы ничего не стоят.
- Прекрасно, – сдержанно ответил Маркус. – Мы все обязаны тебе и своей жизнью, и своим кровом. Неудивительно, что Уильям уехал отсюда, как только достиг совершеннолетия. Но... – он повернулся к Франческе, – вы знали, что на его имя открыт счет? Он должен был получить деньги по достижении тридцати лет.

Сердце у Франчески упало.

- Нет, – медленно ответила она, чувствуя, что Маркус в отличие от Алекса ей поверит. – Нет, не знала.
- Ха, – фыркнул Алекс.
- И то, что после смерти Уильяма половина его денег переходит к его наследникам?..

О Боже... Она закрыла глаза.

- Я не знала.
- Лгунья. – Алекс вновь обрушился на нее, на Сару. Но Сара могла знать, подумала Франческа, охваченная дурным предчувствием. Она вполне могла знать об этом. Однако не предполагала, что заразится той болезнью и умрет.

Но она могла знать кого-нибудь, кто способен на убийство...

Нет... нет... это исключено.

Невероятно... Она послала за Миэром после смерти Уильяма, когда еще была здорова...

...нет...

...нет...

Она даже думать об этом не желает.

- Неужели тебе не интересно, о какой сумме идет речь? - вкрадчиво поинтересовался Алекс.

- Нет, - ответила она резко.

- Она замечательная актриса, - сказал Алекс брату. - Ты только посмотри на нее. Можно было бы поверить ей - если не знать ее истории.

- Люди меняются, - сказал Маркус назидательным тоном. Он верил ей, он действительно верил.

- Сумма большая, - уговаривал ее Алекс. ...достаточная, чтобы кто-то захотел смерти Уильяма.

Ей стало нехорошо. Она не нашлась, что ответить и почувствовала приступ тошноты.

Большая сумма.

Для нее сто фунтов - большая сумма.

Как же она сможет претендовать на то, что ей не принадлежит?

А если бы даже решилась на такой шаг, он передал бы ее в руки властей. Она видела по хищному выражению его глаз, что он только и ждет этого.

- Я не знала, - повторила Франческа.

- Ради Бога, прекрати изводить ее, - сказал Маркус. - Она не знала. Я верю ей. Уильям выглядел настоящим оборванцем. Откуда ей было знать?

- В постели узнала, - промурлыкал Алекс. - Сара, должно быть, очень хороша в постели, как ты полагаешь? Разве тебе не хочется услышать этот медовый голосок в постели, Маркус?

Маркус уставился на Алекса, как на умалишенного.

- Право же, Алекс, ты, как всегда, слишком далеко заходишь. Проклятый деспот. Он говорит так специально, чтобы шокировать нас, Сара. Вам надо к этому привыкнуть. Послушайте, старина Экерли прибудет сюда в три, чтобы зачитать завещание, и на этом все закончится. Тогда вы все узнаете, Сара. И не позволяйте Алексу устроить из этого фарс, как обычно. А теперь прошу простить, я удалюсь. Не стесняйтесь, приходите ко мне, если Алекс станет невыносимым. Или же приходите к нам вместе с Филиппой.

- Клянусь, ты только об этом и мечтаешь: попробовать втроем, - ехидно заметил Алекс.

- А ты хочешь, чтобы она осталась в твоей постели одна? - тут же парировал Маркус. - Право же, Алекс, ты извращенец, ведешь себя так, словно ты - единственный жеребец в мире. - Он склонился над рукой Франчески. - До встречи, моя дорогая.

Наступила гробовая тишина.

- До встречи, моя дорогая, - передразнил Алекс Маркуса. Она совершенно очаровала его брата, этого растяпу, и Алексу это совсем не нравилось.

Маркус больше не считает, что она воплощение греха и нуждается в очищении.

Нет, Маркус воспринимает ее так, как любой другой мужчина, - как сосуд для его плоти, в который он будет до умопомрачения вонзаться.

С ее опытом она может часами доить мужчину и все равно оставить его с носом.

Но Маркус этого не понял. Маркус видел лишь глаза сирены, слышал грудной голос, боковым зрением заметил натянутый шелк на ее пышной груди, забыл, что женат на этой ведьме, Филиппе, и позволил себе помечтать об искусительнице, не понимая, что она не для него.

Так она действовала на всех. Наблюдая за тем, как она провожала взглядом удаляющегося Маркуса, Алекс поклялся запереть ее в кладовке, вырвать у нее все ее секреты и овладеть этим грешным телом.

Сэр Эдмунд Экерли, баронет и стряпчий семьи Девени с тех пор, как Алекс себя помнил, прибыл ровно в три часа.

- Это чистая формальность, - сказал он, перебирая бумаги на столе в библиотеке. - Я хочу, чтобы присутствовала леди Джудит, поскольку все финансы Уильяма формировались по материнской линии. - Он поднял голову как раз в тот момент, когда Джудит, опираясь на руку Маркуса, вплыла в комнату, бледная и разгневанная. - Моя дорогая Джудит. Я понимаю, как это будет больно для вас. Но процедура не займет и десяти минут. Я полагаю, это жена Уильяма.

- Так «оно» себя называет, - рявкнула Джудит, усаживаясь как можно дальше от Франчески, так, чтобы даже не видеть ее. - Неужели это необходимо, Эдмунд? Я готова дать деньги, если только «оно» исчезнет.

- Мы должны соблюдать букву закона, моя дорогая. - И Экерли стал читать завещание Уильяма, по которому все его наследники имеют право на половину его имущества, остающегося на момент смерти, независимо от того, достиг он тридцати лет или нет. - Ключом, разумеется, является слово «остающееся», и этот пункт был внесен для того, чтобы обеспечить жену и ребенка, если таковой будет. Однако леди Джудит контролировала средства Уильяма при его жизни, и я с сожалением должен констатировать, что его супруге почти ничего не осталось.

- Что? - воскликнул Маркус, которого это вовсе не касалось. - Как это возможно, мама?..

- Я отдала их ему, - холодно заявила Джудит. - Он просил, а я давала. Когда он уехал в Германию. И потом. Мальчику нужно было на что-то жить, не так ли? Я не могла допустить, чтобы он умер с голоду. Или попал в руки ростовщика.

Сэр Эдмунд откашлялся.

- Именно. Оставшаяся сумма составляет менее ста фунтов.

- И, - добавила властно Джудит, - я увеличу сумму до первоначальной, если это создание

подпишет бумаги, отказываясь от претензий к моей семье, и если пообещает покинуть Англию.

Сара не могла этого знать, подумала Франческа. Не могла. Они были бедны, словно церковные мыши. Что же сделал Уильям с деньгами?

У нее голова пошла кругом. Она не сомневалась, что Миэр сорвет любые планы Джудит, которая стремилась избавиться от нее.

- У меня здесь чек, - сказал сэр Эдмунд. - Если леди Уильям будет так добра и представит мне свидетельство о браке...

Документы находились среди вещей, которые Франческа еще не распаковала. Если Миэр разрешит ей подняться наверх, у нее будет целых пятнадцать минут, чтобы сложить вещи и бежать.

- У меня есть документы, - сказала она, с трудом сдерживая волнение.

- Если вас не затруднит, миледи...

- Нас не затруднит, - заявил Алекс. - Я не оставлю ее ни на минуту.

Разумеется. Франческа встала.

- Я вернусь через несколько минут, сэр Эдмунд. - Когда они поднимались наверх, у Франчески мелькнула мысль, не столкнётся ли Алекса с лестницы, чтобы он умер ужасной, мучительной смертью.

- Это унижительно, - сказала она. Алекс так не считал.

- Переживешь.

Сара хранила документы в зеленом дерматиновом портмоне. Когда они вернулись, сэр Эдмунд открыл портмоне, не сумев скрыть неприязнь при виде дешевого материала. Опытным взглядом пробежал бумаги.

- Все, похоже, в порядке, Джудит. Остальные распоряжения вы должны сделать сами.

- Это создание не станет слушать. И Алекс не станет.

- Моя дорогая... - сказал сэр Эдмунд, обращаясь к Франческе. - Я вовсе не намерен вмешиваться в дела моих клиентов, но, полагаю, в ваших интересах лучше позволить леди Джудит обеспечить вам безбедное существование где-нибудь в другом месте. Надеюсь, вы подумаете над моим советом. - Он вручил ей чек.

Франческа взяла его, чувствуя себя мошенницей, что, по сути, было правдой. Ей понравилось, что сэр Эдмунд относится к женщине, которую считает Сарой, как к леди.

- Я подумаю, - прошептала она.

А почему бы нет? Как сказала Филиппа, сумма будет кругленькой, и на эти деньги она сможет долгое время жить припеваючи. А вот сто семьдесят пять фунтов. Но сейчас у нее всего семьдесят пять фунтов. А их на длительный срок не хватит.

- Алчная распутница, - прошептал Алекс ей на ухо. - Такая же, как мой никчемный братец.

Куда же девались все деньги, Сара? Сколько из них потрачено на твои наряды и на твою еду?

- Видимо, именно по этой причине вы так долго не откликались, когда я умоляла вас приехать? - парировала она, потрясенная до глубины души. Она знала, как жили Уильям и Сара в Берлине, и не сомневалась, что никаких средств у них не было. Теперь совершенно ясно, почему Джудит так торопится откупиться от нее. - Вы не поверили, что мы испытывали нужду? Сколько же могло быть денег, если Уильям так быстро их промотал? Я не имела и пфеннига, чтобы оплатить счет врача в Берлине. Я не видела ваших денег. Вообще.

Алекс скептически взглянул на нее.

- Ах, как горячо ты себя защищаешь, Сара. Но ты знаешь, этот номер со мной не пройдет. Я все равно докопаюсь до правды. И это еще одна причина не отпускать тебя отсюда, по крайней мере, в ближайшее время.

Она должна, во что бы то ни стало покинуть Миэршем-Клоуз, забыть о Джудит с ее злобой, Алексе Девени с его магнетизмом и тайнах, окружающих Сару Тэва.

Она больше не может притворяться. А если это Сара организовала убийство Уильяма, чтобы завладеть долей его наследства, и украла все деньги, которые Джудит давала ему?

Откуда ей знать? Ее нервы на пределе. Она ни минуты больше не вынесет пристального внимания и пронзительного взгляда Алекса Девени.

- Вы останетесь на ранний обед, - сказал Маркус сэру Эдмунду. - Об этом уже позаботились. А, вот и Уоттен, его пунктуальность как всегда безупречна. - Он взял сэра Эдмунда под руку. - Присоединяйтесь к нам.

Алекс насмешливым жестом пригласил Франческу пройти вперед, и она неохотно последовала за Маркусом и Джудит, гадая, что труднее: высидеть этот нескончаемый обед в присутствии исходящей злобой Джудит или же остаться наедине с Алексом и стать единственной мишенью его яростного гнева и подозрений.

Но этот момент все равно наступит, как бы она ни старалась его оттянуть. Однако сейчас ей необходимо выяснить, совершила ли Сара предательство, хотя это никак не было связано с приездом Алекса в Берлин.

Франческа почти ничего не ела за столом, хотя обед подали роскошный. У Джудит тоже пропал аппетит, и она вяло передвигала еду с одной стороны тарелки на другую. Бросив злобный взгляд на Франческу, она отвернулась и заговорила с сэром Эдмундом.

Франческа попробовала всего понемногу - белый суп а 1a geine, пирог с куропаткой, утиное фрикасе. Шпинат в кляре, тушеный лук, фаршированные огурцы, рисовые пончики. Затем принесли вторую перемену - копченый язык, яблочный пудинг, бланманже и кофейный крем. На десерт подали свежие фрукты, бисквит, миндальные пирожные и смородиновый пирог. А после этого чай, вино и кофе.

Алекс ел от души. Джудит испепеляла его взглядом. Маркус и сэр Эдмунд поддерживали беседу, по-рыцарски не касаясь вопроса об уменьшившемся состоянии Сары и стараясь не замечать враждебности Джудит.

В конце концов, Джудит грохнула ложкой по столу и встала.

- Прошу меня извинить, джентльмены... - Маркус попытался жестом задержать ее:
- Мама...
- У меня разболелась голова, - холодно заявила она. - Пойду отдохну.
- Я провожу тебя.
- В этом нет необходимости.
- Я отведу тебя, - твердо сказал он и поднялся, в свою очередь, принеся извинения.

Алекс проследил за ними взглядом, полным цинизма, не двинувшись с места, не произнеся ни слова, потягивая вино и все это время остро ощущая присутствие Сары.

Она хорошо держится, подумал он со злобой. Очень хорошо. Ни словом, ни жестом, ни выражением лица не выказала разочарования после того, как Эдмунд прочел завещание.

Неудивительно. У нее столько вариантов, что какие-то пятьсот фунтов ее мало волнуют. В то же время он терялся в догадках. Чего она ждала, если послала за ним, чтобы он увез ее в Англию? Ведь единственной ее целью могло быть желание получить эти земли.

Нельзя верить ни единому слову этой хитрой бестии. Совершенно ясно: все вертится вокруг денег, и совершенно не важно, как она их получала и что должна была сделать для этого.

Зачем она связалась с Кольмом? Зачем тогда танцевала для него? Она, вероятно, сейчас в отчаянии: он чинит ей препятствия на каждом шагу, а она этого не ожидала. Никаких денег от Кольма. Никаких денег из наследства Уильяма. И вырваться от него она не может, чтобы поймать в свои сети других очарованных ею мужчин...

Сейчас она в его власти. Целиком и полностью. И он не отпустит ее, пока не сочтет нужным, пока не сломит ее, не овладеет ее телом, не разоблачит.

Франческа со страхом ждала момента, когда придется подняться наверх с Алексом. Джудит давно ушла; сэр Эдмунд галантно раскланялся и удалился, Маркус отправился к себе, и теперь остались лишь она, Алекс Девени, вино и напряженное молчание.

И броситься прочь она не могла, потому что повсюду были слуги, а взгляд его красноречиво говорил: «Только попробуй».

О чем он думает?

О чем она думает? Что Сара была хитрой вымогательницей, которая вышла замуж за Уильяма ради его наследства? Он, должно быть, сказал ей, что, если с ним что-нибудь случится, ей следует обратиться к его брату, что о ней позаботятся, что все будет хорошо...

Но все это никак не вязалось с ее репутацией, ее карьерой или ее связью с Кольмом. К тому же до самой смерти Уильяма она выступала на частных вечеринках.

Ради денег. Это был единственный вывод. Пока болезнь не сломила ее.

Где же, правда, о Саре, а где - ложь?

Ожидала ли она этого наследства и совершила ли ради него убийство?

Может, Уильям отказался обратиться к семье за материальной помощью, потому что все это время пользовался деньгами, которые поклялся не трогать, и поэтому не хотел, чтобы Сара об этом знала?

Но почему?

Может, Сара знала, что больна, еще до смерти Уильяма и поэтому пыталась устранить то, что стояло между ней и безопасностью, комфортом, в которых отказал ей Уильям?

Одни вопросы. В довершение ко всему Алекс Девени много знал о Саре, а она - нет.

Поэтому Алекс так смотрел на нее. Вот что он думал: Сара, обнаженная танцовщица. Сара и ее мужчины. Сара и его брат. Сара и Кольм.

Кольм.

Сердце ее учащенно забилося. Она закрыла глаза, представив его.

И все это ради Кольма.

Она должна узнать о Кольме все. Господи, если она этого не сделает, то вся ее затея окажется напрасной.

Она знала, совершенно точно знала, что ее единственным оружием в борьбе с Алексом и его семьей было ее молчание, и понимала, что Алекс воспринимает это молчание как нечто совершенно иное. Возможно, как чувство вины или как молчаливое признание всех ее грехов, потому что Алекс Девени, конечно же, считал ее обольстительницей, какой и была Сара.

С другой стороны, она никогда не думала о последствиях своей затеи. Она ведь не сможет бесконечно держать Алекса на расстоянии, особенно теперь, когда он намекнул ей о своих намерениях.

...в его постели...

Тем больше оснований не оставаться с ним наедине - но это невозможно. Так близки, как сиамские близнецы, сказал он, и если Алекс сумеет преодолеть свою неприязнь к ней, то есть к Саре, ей от него не спрятаться.

Франческа поняла, что настал решающий момент. Если ей хватит находчивости и хитрости, она наплюет на убытки и скроется. Чем быстрее она уедет от этих злобных людей, тем лучше. Ей вовсе не нужно, чтобы они вымещали свою ненависть к Саре на ней.

Она уже испытала, что это такое, и сыта по горло.

По правде говоря, не было необходимости узнавать о том, что связывало Сару с Кольмом; просто она хотела защитить его, так, как он защищал и оберегал ее от тети Иды, пока жил в ее доме.

Но она оказалась беспомощной под натиском неудержимого потока, имя которому Алекс Девени. Она не может бороться с ним, может только молчать. Какая ирония судьбы, думала она - то, что она больше всего презирала в те несчастные годы в доме тети Иды, теперь могло сослужить ей службу, дать силу и власть.

Итак, она будет хранить молчание. Не этого Алекс ожидал от Сары теперь, когда они остались

одни, подумала Франческа.

Конечно, она снова оказалась загнанной в угол. Если она восстанет против предательства Уильяма, он ей не поверит. Если же будет молчать, он укрепит во мнении, что она знала о возможности Уильяма получать деньги, и что эти деньги он тратил на нее.

Невозможно! Уильям и Сара были бедны, словно церковные крысы, даже Алекс считал, что Сара была единственным источником средств их существования, благодаря своему таланту. И Алекс полностью прекратил помощь Уильяму.

Так, где же деньги?

Нет. Это была ловушка, в которую она попала с самого начала, пожелав узнать, при чем здесь Кольм.

Больше ее это не касается. Пусть Алекс разгадывает тайны. Пусть захлебнется всеми этими противоречиями и несоответствиями.

С нее достаточно. У нее есть сто фунтов, и их хватит на осуществление ее плана. Для этого нужно лишь выбраться из Миэршем-Клоуз живой.

Алекс встал со стула. Последние полчаса он изучал безмятежное лицо Сары и то, как она спокойно ела, маленькими кусочками, целиком сосредоточившись на еде и совершенно игнорируя его.

И когда его мать, Маркус и сэр Эдмунд ушли, она продолжала молчаливо изучать комнату, еду, и он совершенно не представлял, какие мысли сейчас обуревают ее. Более бескорыстную и бессердечную женщину ему еще не приходилось встречать.

Он ожидал бури, а не бесстрастного молчания в ответ на вероломство Джудит. Если бы он контролировал деньги Уильяма, они до сих пор лежали бы в банке, и никакая самая умелая, самая хищная искусительница не увидела бы и фаринга.

Но теперь все это в прошлом, и назад ничего не вернуть. Он совершенно не представлял, как действовать дальше, как разгадать эту загадку по имени Сара Тэва.

Но он нуждался в ее обольстительных талантах. Хотел полупить то, что отдал ей Кольм. И еще кое-что, чему не собирался давать определение.

- Время, Сара.

Она быстро взглянула на него.

- Время для чего, милорд?

- Время для отчета, для расплаты, для объяснений. Время сказать правду.

- Вашу правду. - Она встала, чтобы он не нависал над ней, словно скала.

- Мне не терпится услышать твою.

- Мне больше нечего сказать.

- Расскажи еще какую-нибудь историю. - Он схватил ее за запястье. - Сказочку на ночь.

- Я не устала, - сказала она, хотя чувствовала себя совершенно обессиленной.
- Я расскажу тебе сказку. - Он потянул ее, и она вынуждена была последовать за ним.
- Вы рассказали мне столько сказок, что на всю жизнь хватит.
- Как будто вы не вели жизнь, полную фантазий, миледи. - Они подошли к лестнице, и он бесцеремонно подтолкнул ее вперед. - Как будто ты не старалась стать воплощением фантазий мужчин. Давай, поднимайся...

Она стала торопливо подниматься, ощущая, как сжимается вокруг нее кольцо исходящей от него враждебности.

Он втолкнул ее в комнату и толкнул на постель. Она упала ничком, но тут же села, чтобы лишиться его преимущества.

Едва взглянув на ее растрепавшиеся волосы, строгое траурное платье и бездонные глаза, он почувствовал, что может утонуть в них, раствориться в этом теле и, если не проявит сдержанности, потерять душу.

Он знал, что ничем не отличается от тех мужчин, с которыми она была близка. Он проклинал их - этот сонм мужчин, познавших ее тело, испытывавших ее ласки, - а ведь он ничем не лучше, такой же раб похоти. И так же готов забыть о ее прошлом, лишь бы получить желаемое.

И это он, всегда презиравший слабость в мужчинах.

- Вечерняя сказка, - рявкнул он, сдерживая желание броситься на нее. Он стал метаться по комнате, чтобы дать выход обуревавшим его чувствам. - У меня есть сказка для тебя, Сара Тэва. С чего же начать? Давным-давно... хотя это было не так давно - в одной стране правил император, старый-престарый, и был у него внук, достаточно... молодой и достаточно дальновидный, который думал о том, каковы его шансы оказаться на троне после кончины отца. Свои планы, к ужасу его матери-англичанки, он изложил на бумаге и стал ждать.

После смерти деда на трон взошел отец, но вскоре заболел раком горла. Спасти его не удалось, и, когда он умер, трон занял сын. Жена кайзера поместила все его личные бумаги в черную шкатулку, которая должна была быть отправлена в Англию на хранение королеве.

И подумать только: черная шкатулка таинственно исчезает примерно в то же время, когда танцовщица ритуальных танцев, пользующаяся дурной славой, появляется в качестве жены младшего сына сановного пэра, живущего в этой стране.

Конечно, можно предположить, что связь между профессиональной танцовщицей и королем маловероятна. Но ведь она танцевала во всех странах. Среди ее друзей и поклонников были самые влиятельные люди мира. Ее с почетом принимали в замках и загородных домах.

Она была падка на деньги, зная, что ее притягательность, ее тело, ее загадочность могут очаровывать мужчину до определенного предела.

Что произойдет, когда аплодисменты стихнут? Куда она пойдет, когда не сможет больше обольщать публику и любовников своим телом? Как сможет она жить без щедрых подношений, драгоценностей, элегантных, дорогих особняков?

Что станет делать женщина, привыкшая зарабатывать на жизнь своим умом и телом?

Алекс резко повернулся и указал на Франческу, дрожавшую на постели.

- Что бы ты сделала, Сара?

Слишком близко к истине, подумала она, крепко прижавшись к спинке кровати.

Надо уйти со сцены, сказала Сара, пока еще помнят твое имя...

Нет, Сара никогда не будет забыта, если все получится так, как хочет Алекс.

Но она, Франческа, сейчас уже почти знала ответы на мучившие ее вопросы.

Молчание... молчание было единственным ответом на все вопросы Алекса. И она молчала. А он неистовствовал - ведь его «сказка» не поколебала ее спокойствия, и она не собиралась ни в чем признаваться, особенно ему.

Он намеренно затягивал молчание и следил за ее реакцией, пытаясь обнаружить хотя бы малейший признак того, что ей знакома ситуация, которую он обрисовал.

Но она оставалась невозмутимой.

До чего же она бездушна!

Женщина, торговавшая всем, что попадало ей в руки! У нее нет души. Нет совести. Ее ничем не проймешь. Молчание и секс - вот оружие, против которого почти ни один мужчина не может устоять.

Даже Алекс, уж на что стойкий, проявил слабость. Потерял контроль над собой.

Сучка. Он знает о ней так много и так мало, но он заставит ее заговорить. Добьется своего.

Он снова зашагал по комнате.

- Не нужно забывать, что это сказка, моя дорогая Сара. И вот что придумала наша «прославившаяся» танцовщица - стала передавать информацию в обмен на деньги.

Информацию она получала от любовников, воздыхателей, из их случайных разговоров, от придворных, которых она очаровывала во время своих выступлений.

Она тратила деньги так же стремительно, как и зарабатывала, живя на широкую ногу и потом, затихая, когда любовники, сообразив, что к чему, отворачивались от нее.

Но это были всего лишь подозрения - ничего нельзя было доказать. Ее Посредник забеспокоился, видя, что от нее уже мало пользы, по крайней мере, в Европе, а она была ему нужна еще для одного дела. Хотя бы одного.

О Боже! Алекс замер, бросив взгляд на Сару, на ее прекрасные лживые губы. Неудивительно, что Уильям женился на ней.

Да, все дело в ее красоте, Алекс готов был поспорить на все свое состояние, что дело именно в этом. Ему не терпелось увидеть ее лицо, когда он заговорит о Посреднике.

Но признается ли она? Эта сучка лучше умрет, чем заговорит.

- Одно последнее дело. Танцовщица должна была доставить в Англию важные бумаги в некой черной шкатулке, которую ее Посреднику предстояло взять в некоем месте. А чтобы сделать это и отвести подозрение от себя и своего задания, она получила приказ соблазнить моего брата Уильяма и выйти за него замуж.

Легко догадаться, что произошло дальше. У него были деньги, которые она украла. И она должна была получить еще больше в случае его смерти. К тому же был я, всегда готовый привезти тело и бедную вдову в Англию, ради семьи.

Какой хитрый план, Сара! Как успешно ты его выполнила! Если моя догадка верна, то, возможно, Уильям и не знал, что Джудит посылает ему деньги, и что это ты взывала к ее материнским чувствам, если таковые у нее существуют.

Ну, как, я попал в точку? Я все учел? Мы теперь знаем, кто такая Сара Тэва, почему она вышла замуж за моего брата и, возможно даже, почему его убили?

Единственное, что мне нужно, моя дорогая Сара, это узнать, где бумаги, которые дал тебе твой Посредник, и кому их следует передать.

И вот тут был вмешивается в эту вечернюю сказку, полную тайн и интриг. Если ты не передашь мне эти бумаги, Сара, тебя арестуют, и будут судить как агента иностранной державы, и я пальцем не шевельну, чтобы спасти тебя.

Глава 7

Спазм сковал горло Франчески; от потрясения она не в силах была выговорить ни слова. События могли развиваться именно так, как говорил Алекс; вся эта история была так ужасна, что казалась какой-то фантастической выдумкой и, тем не менее, выглядела вполне достоверной.

Даже то, что Сара украла деньги Уильяма. Она могла где-то прятать их до того момента, пока не получит сигнал приступить к осуществлению следующего этапа плана. Единственное, чего она не могла предвидеть, - своей болезни. И если деньги действительно были, то она, скорее всего, использовала их на лечение, и к тому времени, когда Франческа стала ухаживать за ней, у нее ничего не осталось.

А может, у нее вообще не было никаких денег.

Или же вся история была просто сказкой, как утверждал Алекс.

Да нет, угроза была реальной. Саре кто-то передал те бумаги и Алекс был уверен, что Кольм. Именно из-за этого и заварилась вся каша. Франческа же считала, что Алекс Девени ошибся, что это не Кольм. Кто угодно, только не он.

...обещай мне: личность Сары Тэва никогда не умрет...

доставь... меня... к Аббатисе...

Скажи ему правду СЕЙЧАС.

Боже милостивый, я не могу...

- Посредник... - выговорила она севшим от волнения голосом.

- Человек по имени Хейнрикс. В Англии он известен под именем Кольм.

- Нет! - вырвалось у нее.

- Ты так уверена, Сара? Интересно почему? - Голос его звучал вкрадчиво; он словно вынюхивал что-то - как тигр, отслеживающий свою жертву по запаху. - Где бумаги?

Она собрала все свои силы, чтобы спросить:

- Откуда вы его знаете?

- Бьюсь об заклад, что ты догадываешься.

Она надеялась, что это не так, молилась, чтобы Кольм не был причастен ко всем этим ужасным тайнам. Но чувствовала, что он так же глубоко увяз в этой трясине, как и Сара.

- Тогда... в Берлине?

- Твоя неуверенность просто великолепна, Сара. Я восхищаюсь. Ты говоришь так, будто все это для тебя ново. - Он навис над ней, и она в ужасе вжалась в спинку кровати. - Ты никуда не спрячешься. Где бумаги?

Вот теперь он действительно ее припер к стенке, и она не знала, что делать. То ли сказать правду, то ли лгать дальше. Третьего не дано.

Конечно, можно продолжать этот маскарад, нагромождать новую ложь на старую, но ей никогда не распутать этот клубок.

Все равно Алекс никогда ей не поверит.

Сумеет ли она хорошо сыграть свою роль? Франческа сосредоточилась, пытаясь отобрать из его истории те моменты, которые могли пойти ей на пользу.

Совсем немного. Все факты разоблачали Сару. Но все это рассыпалось, если... Ее вдруг осенило: возможно, она сумеет его убедить, если признается в остальном... но и тогда риск все же велик.

Она должна попытаться.

- У меня нет бумаг.

- Тебя хорошо подготовили, - заметил Алекс, разглядывая ее, словно под микроскопом. - Но на официальном допросе ты сломаешься.

Если он хотел ее испугать, то у него получилось. Официальный допрос. Что может быть страшнее? Необходимо потянуть время.

- Кольм так и не появился. Бумаги у него. - Ей самой все это показалось неубедительным. Алекс явно не верил, и она судорожно пыталась придумать что-нибудь более правдоподобное.

Последний вздох, последняя соломинка, последняя ложь.

- Вы были правы в отношении денег. Я их взяла. Все. Уильям ничего не знал. Я всячески пыталась его уговорить вернуться домой. Я знала, что Кольм привезет бумаги, которые я

должна буду доставить по назначению. Но Уильям наотрез отказался возвратиться домой.

О Боже, а дальше-то что, лихорадочно соображала она. Алекс ни за что не поверит, что это Сара убила Уильяма. Это должен быть кто-то другой.

- Я отправила Кольму записку, потому что все зависело от согласия Уильяма вернуться домой. И вдруг узнала, что Уильяма убили.

Вот это хорошо - сваливай все на таинственного Кольма - Кольма, который НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ее Кольмом.

- Я не знала, что мне делать. К тому времени я уже была больна. Я не имела друзей, И никто не мог мне помочь. Но я ничего не хотела говорить Кольму. Он бы уменьшил комиссионные - а я нуждалась в деньгах...

К счастью, одна из женщин в пансионе сжалилась надо мной; помогла найти тело Уильяма, ухаживала за мной, пока я не поправилась. Все деньги ушли на врачей и лекарства. У меня ничего не осталось, а от Кольма не было никаких вестей. Возможно, он приходил, когда я металась в бреду. Этого я не знаю. Я не успела отправить ему сообщение, поскольку приехали вы и увезли в Англию. Так что я не знаю, где эти бумаги. Может, он передал их кому-нибудь другому.

Она замолчала, чтобы перевести дух. Она вообще не знала, что говорить дальше. Не могла придумать. Алекс продолжал мерять шагами комнату.

Плохо... плохо... он ей не верит, а ее полуправда все больше и больше убеждает его в том, что она лжет.

Она не в силах обелить Сару. Глупо даже пытаться. Своим притворством она может лишь усугубить ситуацию. Теперь она уже и себя не в силах спасти.

Алекс резко повернулся и грохнул ладонью по столу.

- Я благоговею и трепещу, Сара. И я теряю терпение от твоей лжи и недомолвок. - Он действительно был вне себя - ложь струилась с ее губ так естественно и обвивалась вокруг правды с такой легкостью, с какой сама она двигалась во время танца.

Сара Тэва так боится за свою жизнь, так замучена угрозами и страхом и все равно соблазнительна.

Алекс не знал, что с ней делать. Если он сдаст ее властям, то потеряет то небольшое, что ему удалось получить. Если не сдаст - потеряет все остальное.

Соломоново решение ради мизерной выгоды. Таков выбор, когда приходится работать тайно. Идти на риск, принимать решения, опираясь на догадки, вероятность, предчувствие.

И на крохи правды во лжи. На пару холодных черных глаз, на мелькнувшее обнаженное тело.

Проклятие, проклятие, проклятие...

- Я клянусь... - начала она.

- Не нужно, - прорычал он, лихорадочно размышляя. Нравится ему это или нет, но он нуждается в ней, и все его угрозы сдать ее властям бессмысленны. И если он и дальше будет

давить на нее, она об этом догадается.

Она никогда не танцевала в Англии, размышлял он, однако популярна даже здесь. Возможно, ее выступления видели в Европе, и это подогреет интерес к ней. Это хорошо. Он получит возможность направить ее в такие места, куда его обычно не приглашают.

Это было не так уж мало, учитывая то, что он искал. Таинственные бумаги занимали в этом списке последнее место. Ему нужен свободный доступ ко всем этим тайнам, но при этом необходим отвлекающий фактор.

Сара вполне годилась для этой роли. Она – с ее роскошным телом, холодным взглядом и ритуальными танцами – была ключом ко всему. Просто поразительно, как все части плана сложились в единое целое, когда он рассмотрел каждую в отдельности. Конечно, понадобится время, чтобы все организовать, а он не уверен, что у них есть это время.

И ему нужно ее согласие и ее лояльность, а их вряд ли можно купить. Впрочем, Сару Тэва можно купить. Он заплатил ей сто фунтов за танец.

Интересно, какую цену она запросит за развал империи?

Франческа почувствовала, как атмосфера в комнате разрядилась, то ли Алекс решил отступить, то ли пощадить ее, Сару. Вряд ли, в нем ведь нет доброты. Тем более к Саре Тэва, он думает лишь о том, как ее использовать.

И ей не следует возлагать надежды на это снисходительное молчание. Алекс словно бульдог, он ни за что не выпустит добычу. А этой добычей была Сара. Он явно что-то задумал, и это внезапно и полностью изменило его настрой.

Но даже в этой ситуации он не мог не продемонстрировать свою власть над ней и хранил это тяжелое угрожающее молчание.

– Значит, Кольм не появился. Он организовал устранение моего брата. Документов не было. Ты украла деньги. И все же ты сумела вернуться в Англию, что и было твоим первоначальным заданием. Ты невероятно умна, Сара. И знай: я очень хочу отправить тебя в тюрьму к следователю, который выбьет из тебя все твои секреты. Я могу это сделать, и пусть все идет своим чередом. Или... ты сделаешь кое-что для меня.

Он ждал. Франческа напряглась. Он ждал, но она молчала. Она не желала этого делать. Она не хотела ничего знать. Собравшись с силами, она спросила:

– И что же я должна сделать для вас, милорд?

И снова его захлестнула слепая ярость. Она была так спокойна, так сдержанна – но чего он ожидал? Сара Тэва явно привыкла торговаться, о чем бы ни шла речь. Даже о жизни. Ее жизни.

– Танцевать.

Этого она никак не ожидала.

– Танцевать?.. – еле слышно переспросила она.

– Выступать, – пояснил он. – Как раньше, на вечерах для избранных. Я сам буду назначать

время и место.

Танцевать? Как Сара? В этих полных бесстыдства костюмах, полуголая, перед зрителями? У него, должно быть, помутился рассудок.

И, однако же... это была передышка.

Боже милостивый, она не могла поверить. Запугав ее до полусмерти, он теперь предлагает ей передышку.

Выбор. Для Сары. Ведь если бы она была Сарой, мгновенно ухватилась бы за эту возможность. И если она откажется, это покажется странным.

- Вы с ума сошли, - сказала она, чтобы хоть что-то ответить.

Он пожал плечами.

- Выбирай. Гнить в тюрьме или танцевать. Что до меня, то, в конце концов, я получу то, что желаю, - с тобой или без тебя. - Он прищурился, пытаясь прочесть хоть что-нибудь в ее черных, бездонных глазах. Но он ничего не увидел. Это были глаза игрока, взвешивающего каждый шаг, и абсолютно непроницаемые.

- Возможно, вопрос стоит так: зачем вам нужна Сара Тэва? - медленно произнесла Франческа, осторожно прощупывая почву. Здесь крылось что-то иное. Она могла сделать для Алекса Девени что-то, что было ему совершенно необходимо, а ей давало некоторую возможность для маневра.

Что?

- Ты не так уж мне и нужна, - безжалостно заявил он. - Мне необходим запасной вариант для решения проблемы. И это не обязательно должна быть ты.

Он блефует, Франческа в этом абсолютно уверена. Вопрос остается прежний: насколько далеко она готова зайти, выдавая себя за Сару Тэва? Она уже продалась Алексу Девени, когда танцевала перед ним и взяла у него деньги за это.

Чего он сейчас от нее хочет?

И заплатит ли за это?

У нее задрожали колени. Сара Тэва давно потребовала бы свою долю. Может ли это сделать Франческа Рэй? Хватит ли у нее наглости? Неужели она готова согласиться на его предложение?

Да, да, да... ей необходимо покинуть Миэр, да!

- Вам очень нужна Сара Тэва? - спросила она ровным голосом, сохраняя непроницаемое выражение лица, хотя сердце бешено колотилось, а губы дрожали.

- Я предполагал, что мы до этого дойдем, - самодовольно заявил Алекс.

- Правда? - пробормотала Франческа, ненавидя его тон, ненавидя его. Не из-за себя, нет, из-за Сары. - И до чего же мы конкретно дошли, милорд?

- Ты действуешь намного тоньше, чем я предполагал, Сара. А речь идет о ста фунтах за одно выступление, не больше и не меньше. Торг исключен, поскольку это чрезвычайно выгодное предложение, учитывая имеющуюся альтернативу.

У Франчески пересохло в горле. Даже если бы речь шла всего об одном выступлении, все равно это были большие деньги. Если же выступлений будет больше, она получит сумму, намного превышающую растраченное наследство Сары, причем полностью отработав эти деньги.

При этом вопрос о тюрьме будет отложен на неопределенное время.

Если она выберется отсюда живой.

Предложение явно заманчивое.

Главное - заставить себя танцевать обнаженной перед совершенно чужими людьми.

Сара могла.

И Сара танцевала бы.

Франческу тошнило при одной мысли об этом, но у нее нет выбора. Алексу это необходимо, и ей придется согласиться. Другого выхода нет.

Самое большее, что она могла сделать, это притвориться, что выбор у нее все же есть. Ей и самой хотелось в это верить, чтобы как-то оправдать нарушение всех тех нравственных принципов и устоев, к которым она привыкла с самого детства.

Это был ответственный шаг - стать Сарой Тэва не только на словах, но и на деле, и ей было ужасно страшно, но она не подала виду.

- С удовольствием, - спокойно сказала она, потому что только так должна была теперь себя вести. Сдержанно, отстраненно, властно.

Если бы только он знал...

На мгновение губы Алекса сжались, казалось, он крайне недоволен. Но он тут же произнес:

- Моя дорогая Сара, я ни минуты не сомневался, что ты согласишься.

Итак, дело сделано. Алекс купил Сару Тэва и выиграл какое-то время. Но, в конце концов, ему все равно придется заняться Кольмом, После того, как он уничтожит разрушительное зло. После того, как разберется с Сарой Тэва. Уж она-то стояла первая в списке его врагов, с тех пор как вышла замуж за Уильяма.

Кто бы мог подумать, что она станет инструментом для ответного удара? И все это из-за его непокорного брата, который попал в зависимость от сил, о которых даже не подозревал. Он просто стал одной из пешек, двигавшейся по мановению чьей-то руки, по чьей-то прихоти.

- Я тебе не доверяю, - сказал он Саре, покидая ее. - Ты будешь сидеть под замком. Будешь спать в моей постели. Ты везде будешь ходить только со мной. Без меня и шагу не ступишь. Я владею тобой, Сара, и могу сделать с тобой все, что захочу.

- А вот и не все, милорд, - вызывающе заявила она.

«Ну, к этому мы еще придем!» – подумал Алекс со злостью. Он был уверен в этом так же, как и в том, что ее можно купить. К тому же он не знал, действительно ли хочет этого, потому что она была из тех женщин, которые могут поработить мужчину, а он должен сохранить контроль в своих руках.

И, тем не менее, мысль уложить ее в постель была невероятно соблазнительной, будившей запретные желания. Эта женщина... Порочная, развращенная, доступная. Он никогда не будет думать о ней иначе.

Она согласится лечь с ним в постель за определенную цену. Для нее главное – деньги.

Рядом с ней надо быть настороже, потому что ее можно уговорить раздвинуть ноги за соверен, нет, даже за фунт, черт возьми. Даже воздух вокруг нее соблазнителен.

Алекс чувствовал это, хотя ее не было в комнате.

Пусть спит. Он сыт по горло ее равнодушным согласием на все требования, которые он ей бросил в лицо.

Эта женщина... она привыкла удовлетворять прихоти мужчин, ее этому обучили. Привыкла быть покладистой. Таковы основы ее ремесла.

Господи, он не должен думать о ней!

Алекс уставился на лежавший перед ним лист бумаги. Ему нужно было кое-что написать, но он подумал, что это опасно.

- Она возьмет деньги?

Маркус. Проклятие!

- Она пока остается, – ответил Алекс.

- Ты с ума сошел? – Маркус решительно вошел в комнату и оперся руками о письменный стол.

- А как же все эти богоугодные разговоры о том, что жене Уильяма здесь рады? – Алекс отложил ручку и посмотрел на сердитого Маркуса. – И как это вяжется с тем, что мама поддерживала деньгами Уильяма, когда он уехал в Германию?

- Она почти все сняла со счета к тому моменту, когда Уильям женился... на этой женщине, – ответил Маркус с неохотой. – Неясно только, когда он решил рассказать ей об этом. Да, мы обсудили все неприятные подробности. Если бы Уильям не умер, мама пополнила бы счет – так она говорит. Она сделала это ради будущего наследника, если бы таковой появился. Возможно, она хотела дать ему какой-то стимул. Она расстроена, Алекс. Ты должен увезти эту женщину отсюда.

- Пока нет.

- Почему?

- Это мое дело.

- Объясни, потому что мама очень переживает.

- А ты, наш священнослужитель? - Маркус выпрямился.

- Что за дело, Алекс?

- Тебя это не касается, брат мой.

- Ты что-то затеваешь, Алекс. И эта девка - часть твоего плана, верно?

Алекс долго и пристально смотрел на брата. Нравится ему это или нет, но придется вовлечь семью в его план с участием Сары. Миэршем необходим ему в качестве базы, где он может держать Сару, чтобы держать ее под контролем. Ведь неизвестно, что она выкинет, если ее отпустить.

- Скажем так, Маркус. Карьера Сары Тэва как танцовщицы еще не окончена. Ей нужно умиротворить богов в связи со смертью ее мужа.

Маркус побелел.

- Ради Бога, Алекс.

- Поверь мне, Маркус. Все будут стремиться на ее выступления. Мамины друзья выстроятся в очередь у дверей Миэршема. Я сделаю из нее знаменитость, легенду, она станет гвоздем сезона.

- Алекс, черт побери, что за нелепость. У тебя есть более пристойные занятия. Зачем же расстраивать маму и порочить доброе имя семьи? Почему не откупиться от Сары и не отправить ее отсюда? Это безумие, Алекс. Зачем?

Алекс насмешливо улыбнулся, зная, что его ответ выведет Маркуса из себя и тот уйдет, не задавая больше вопросов.

- Потому что, дорогой братец, я так хочу.

Итак, основа заложена. Маркус подготовлен и обязательно сообщит новость Джудит. Она, как надеялся Алекс, будет держаться в стороне, пестуя свои обиды, что Алекса устраивало. По крайней мере, он без помех осуществит свои планы.

Для этого необходимо узаконить положение Сары Тэва, используя для этого имя Девени. Уже пять месяцев, как Уильям мертв, так что небольшой званый обед для узкого круга и импровизированное выступление Сары вполне можно организовать, особенно если объяснить это религиозными соображениями - то есть религиозностью Сары, Она может исполнить танец скорби. Наверняка такой имеется у нее в репертуаре.

Надо составить список гостей, тщательно его продумать, потому что главной и единственной целью Алекса было привлечь внимание некоторых избранных персон, которые захотят организовать выступления Сары перед ними и их друзьями. Необходимо создать впечатление, что Сара - это легенда, явление редкое и необычное, что заполучить ее могут лишь те, кому это по карману.

Необходимо, чтобы они жаждали ее, и Алекс не сомневался, что когда они увидят ее такой отстраненной и элегантно, то будут ломиться в дверь.

- Я не удостою своим присутствием подобные сборища, - без обиняков заявила Джудит, когда

он изложил ей свой план.

- Вот и прекрасно, мама. Просто держись от меня подальше. Филиппа станет хозяйкой моих вечеров. А вы с Маркусом можете уединиться и разобрать по косточкам мою заблудшую душу.

Джудит возмущенно покинула комнату. С Алексом просто невозможно разговаривать. Но нельзя в то же время остаться в стороне от одного из немногих общественных событий сезона, особенно если, наконец, появилась возможность обличить это создание с помощью возмущенных соседей и друзей.

Филиппа, всегда с радостью бравшаяся за дело, обсудила с Алексом предстоящий прием. Взглянув на список гостей, она заметила:

- Странное сборище.

- Тем не менее, именно этих людей я хочу пригласить.

- Конечно, как пожелаешь, Алекс. Завтра обсудим меню и размещение гостей.

- Я знал, что могу рассчитывать на тебя. - «Филиппа всегда готова услужить, - подумал Алекс. - И как старается!» Алекс так до сих пор и не понял, объясняется ли это ее симпатией к нему или же антипатией к мужу. Маркус был слишком занят проповедями и грехами, подчас забывая об исполнении своего супружеского долга. Впрочем, это Алекса не касалось.

Хорошо, что хозяйкой вечера будет Филиппа, она терпимее Джудит, но Джудит тоже появится, хотя бы для того, чтобы поймать Сару на чем-то непристойном и дискредитировать ее в глазах гостей.

Войдя в комнату, он застал Сару за едой.

- Я попросила Уоттена подать обед сюда, - сказала она с вызовом. - Мне претит враждебность вашей матери за едой.

В душе Алекс был с ней согласен; кислая мина Джудит может испортить аппетит кому угодно. Только не Саре, которая вряд ли реагировала на причуды его матери.

- Я устраиваю званый обед через два дня, - сказал он, прислонившись к двери. - Ты будешь представлена как жена Уильяма и найдешь предлог, чтобы исполнить танец.

Франческа обмерла. Вечер? Танец? Вскоре после смерти Уильяма? Это выходит за рамки всяких приличий; даже Сара не отважилась бы на такое. Но если сказать все это Алексу, он лишь посмеется над ней. Поэтому она положила вилку и взглянула на него:

- Прошу прощения?

Эти глаза. Боже, эти глаза. Ни намек на чувства, никаких эмоций. Он даже сжал кулаки от злости, вновь убедившись, что для нее существует только дело.

- Ты будешь танцевать, Сара. Не в костюме. Это слишком фривольно для званого обеда. Ты должна выразить печаль в связи с кончиной мужа. Что-нибудь соблазнительное и таинственное. Элегантное, достойное. Я хочу, чтобы каждый мужчина в комнате жаждал овладеть тобой, понятно?

- Ведь я еще в трауре, - в отчаянии сказала она. - И еще не готова.

- Моя дорогая Сара. Ты готова. Я в этом уверен. Ведь ты согласилась.

Франческа закрыла глаза. Она не ожидала, что все произойдет так быстро.

- Не может быть, чтобы ваша мать одобрила это.

- Хозяйкой вечера будет Филиппа, - холодно произнес он. - Мама, конечно, тоже придет, но никто не упрекнет ее в нарушении приличий, поскольку обед устроен не по ее инициативе.

- Разумеется, - едва слышно сказала Франческа. Джудит оставляет грязную работу другим. Но это дела не меняет, Франческе все равно придется танцевать.

Франческа ничем не выдала своего смятения. Он продолжил:

- Будут музыканты.

- Это успокаивает.

Ему захотелось встряхнуть ее.

- Это только начало. Главное впереди.

- Я понимаю.

Ей все равно, подумал Алекс. Одним выступлением больше, стоит ли волноваться, если у нее были их сотни, и в каждое она вкладывала чувственность, присущую ей одной, вызывающую у мужчин желание обладать ею.

Но пока она принадлежит ему - и телом, и душой.

- Я сам выберу платье, подберу музыку. До вечера ты решишь, что исполнять. Целый день впереди. Что у тебя есть из одежды, соответствующее случаю?

Его вопрос обескуражил Франческу. Среди вещей Сары ничего подходящего не было.

- Ладно, я сам посмотрю. - Он направился к гардеробной, где горничная Агнес развесила то небольшое, что имелось у Сары, и еще более скудные пожитки Франчески. Костюмы Франческа сама сложила во встроенные ящики, надеясь, что Агнес не станет любопытствовать. И Алекс Девени тоже.

Однако надежда ее оказалась тщетной. Просмотрев платья, Алекс раскритиковал их все до единого.

- У Филиппы наверняка что-нибудь найдется, - сказал он. - Ты должна выглядеть элегантной и недоступной. Что касается недоступности, то в этом ты уже преуспела. Кроме того, ты должна быть подавлена горем. Это, конечно, сложнее, но у тебя получится, Сара. У тебя все прекрасно получается.

Однако Франческа чувствовала себя не более прекрасной, чем тряпичная кукла. Это было представление Алекса, а она лишь выполняла приказания, недоумевая, как сможет поразить ритуальным танцем скорби утонченных гостей, которых он намерен пригласить на обед.

Он дернул за шнурок звонка, и мгновенно появилась Агнес.

- Пошли, пожалуйста, за Филиппой.

Филиппа явилась немедленно, снедаемая любопытством: что Алексу вдруг понадобилось от нее, почему Сара находится в спальне Алекса, а не в своей.

- Нам нужно платье. Нет, нам нужны два платья - твои лучшие черные платья - думаю, у вас один размер. Я хочу, чтобы она выглядела элегантно и роскошно... - Он пристально посмотрел на Филиппу, размышляя, насколько можно быть с ней откровенным. Ему казалось, что Филиппа поймет, что ему нужно. - Она должна выглядеть убитой горем вдовой, оставаясь в то же время необычной, эксцентричной и чувственной.

- Зачем тебе это, Алекс? Ты что, собираешься выдавать ее замуж?

- Нет, я возрождаю ее карьеру. - Филиппа опешила.

- Ты шутишь.

- А может, и нет.

- Знаешь, Маркус говорит, что ты как-то странно себя ведешь...

- Моя дорогая Филиппа, Маркус всегда считает, что я странно себя веду. Так ты мне поможешь?

Филиппа пытливо посмотрела на Франческу.

- Для тебя сделаю все, что угодно, Алекс. Ты же знаешь. Он не теряет времени, подумала Франческа, чувствуя себя марионеткой, ожидая, когда Алекс дернет за ниточку.

Но он не мог диктовать ей, как двигаться и что делать; не мог создать для нее танец, исполненный достоинства, который сразил бы избалованную публику.

Она сама должна создать этот танец, но понятия не имеет, как это сделать. Ведь она не Сара.

Она увязала все глубже и глубже в болоте полуправды и спасительной лжи, но пути назад нет, она приняла его условия и согласилась танцевать.

Она отказалась от свободы выбора и попала в полную зависимость от него. И ни один судья или присяжный заседатель не поверил бы, насколько беззащитно она использовала правду, чтобы прикрыть ложь.

Просто она не думала, что дело пойдет так далеко. Не учла напора Алекса Девени.

Для него не было ничего невозможного. Не прошло и получаса, как Филиппа появилась с ворохом платьев, которые разложила на постели.

- Некоторые из них я, кажется, уже видел.

- Обноски Джудит. Немного велики мне, а отдавать в переделку слишком дорого, - сказала Филиппа.

- Неужели? - пробормотал Алекс, перебирая платья и отбрасывая их одно за другим. Потом, правда, отложил два платья.

Он точно знает, что ему нужно, подумала Франческа, проводя руками по платьям из очень дорогих тканей, о которых она и мечтать, не могла. Любое подошло бы, но Алекс так не считал. Он хотел что-то конкретное, роскошное, очень утонченное и очень чувственное.

- Вот это, - сказал он, наконец. - И это.

- Ясно, - понимающе произнесла Филиппа.

- Именно. Как раз то, что я хотел. Спасибо, Филиппа.

- Рада была помочь, - ответила она, и вновь в ее голосе прозвучала едва уловимая ирония.

«Что же на самом деле доставляло удовольствие Филиппе? - подумала Франческа. - Возможность привлечь внимание Алекса?» В ней чувствовалась какая-то сдержанная страсть и неудовлетворенность.

Филиппа остановилась в дверях.

- Она действительно спит с тобой, Алекс?

Столь откровенный вопрос несколько не удивил Алекса.

- Это совершенно тебя не касается, Филиппа. - Она попыталась сгладить неловкость:

- Маркус...

- Спасет все наши души. Я рассчитываю на это. Спокойной ночи, Филиппа.

Она шумно вздохнула, пытаясь подавить раздражение из-за того, что он так бесцеремонно ее отсылает.

- Спокойной ночи, Алекс. - Она с силой хлопнула дверью.

- И он туда же, - пробормотал Алекс. - Я надеялся на иное.

- Какая наивность с вашей стороны, - сказала Франческа, оправившись от шока, вызванного откровенной грубостью Филиппы.

- А, спящая красавица просыпается и показывает острые маленькие зубки.

- Я еще и кусаюсь, - бесстрастным голосом сказала Франческа.

- Правда? - спросил он вкрадчиво. - Мне не терпится дать настоящую пищу твоим зубкам.

Ей хотелось отвечать на его чувственные заигрывания, но это было бы непохоже на Сару.

- Очень жаль, что я не настолько голодна, милорд.

В ее голосе не было ни намек на интерес или эмоции, и опять охватило его чувство безысходности, словно он вновь и вновь наткнулся на стену. Она умела быть спокойной и рассудительной, и, хотя казалась уступчивой, он знал, что за ее сдержанной холодностью бушует огонь.

Он хотел, чтобы на обеде она проявила именно эту сторону своей натуры. Чтобы гости были

потрясены, когда она даст волю эмоциям и выплеснет в танце всю свою чувственность.

- Проголодаешься, - заверил он ее с абсолютно мужской самоуверенностью. - Не думай, что я не смогу заставить тебя, Сара Тэва. Однако сейчас твоя задача не в этом, пока нам нужно работать.

Глава 8

Надо хоть ненадолго взять инициативу в свои руки.

Прежде всего, ей необходимо побыть одной. Она до смерти устала от Алекса Девени и от всей этой ситуации. И еще ей нужно время, чтобы придумать какое-то подобие танца и не разочаровать зрителей.

А Алекс, похоже, не собирается оставлять ее ни на минуту.

- Сначала это. - Он указал на платье из черного кружева с высоким воротником, строгое, с длинной, ниспадающей складками юбкой и чехлом телесного цвета, отчего казалось, что платье надето на голое тело.

Франческа вздрогнула. Да, он явно задумал что-то из ряда вон выходящее.

- А потом вот это. - Вторым было вечернее платье, отделанное янтарем и перьями, облегающее и столь же откровенное, как и первое. Стоимость этих платьев не вызвала сомнений.

Именно такого эффекта и добивался Алекс.

- Агнес подпорет швы на первом платье для представления, которое ты дашь завтра вечером. Я рассчитываю на прекрасное исполнение. От этого зависит твоя дальнейшая жизнь.

Он снова пугает ее. А она настолько глупа, что позволяет ему это, теперь, когда стало ясно, что она ему нужна. Молчание и презрение - вот ее оружие против него; именно оно и давало ей власть над Алексом.

- Вы же платите мне, не так ли? - вызывающе спросила Франческа. - Мне необходимо зеркало в полный рост. И мне нужно побыть одной.

Черт бы побрал и ее саму, и это ее высокомерие, эту неприступность. Алекс почувствовал, как в нем снова вспыхнуло желание, и безжалостно подавил его. Еще успеет. Впереди много времени.

Он вызвал Агнес.

- Мадам нужно зеркало и ванна. А потом займешься шитьем.

- Да, сэр.

Именно это и нужно Алексу, с досадой подумала Франческа, когда он ушел, - женщина, готовая выполнить любое его требование.

«Да, сэр», - произнесла она, насмешливо присев перед пологом кровати. «Да, сэр», - сказала она письменному столу, кланяясь еще ниже, потому что Алексу понравилось бы такое проявление покорности. «Да, сэр», - прорычала она двери и хлопнула по ней ладонью, вообразив, что это лицо Алекса.

Дверь распахнулась, и Франческа отпрянула.

- О, мэм. - Испуганная Агнес замерла на пороге с двумя слугами, державшими большое зеркало в оправе из орехового дерева.

- Все в порядке. Благодарю. - Франческа жестом велела слугам внести зеркало в комнату и установить в указанном месте.

- Что-нибудь еще, мэм? - спросила Агнес, когда слуги удалились.

Как приятно исполнять роль хозяйки дома, подумала Франческа.

- Через час принесите мне, пожалуйста, ванну. - Как прекрасно это прозвучало, как властно.

- Да, мэм, - пробормотала Агнес, тихонько закрыв за собой дверь.

Франческа повернулась к зеркалу и замерла при виде своего отражения.

Кто эта женщина?

Она не видела себя в большом зеркале очень давно. И сейчас перед ней стояла незнакомка в облегающем черном платье с высоким воротником и длинной, ниспадающей складками юбкой, с бледным лицом, горящими черными глазами и длинными спутавшимися волосами, которые выбились из пучка и струились по спине.

В зеркале отражалась крепкая девушка, выросшая в сельской местности, чистая и невинная. Но Алекс Девени почему-то видел в ней искусительницу и грешницу. Точнее, желаемое выдавал за действительное. Как можно поверить в то, что она - исполнительница ритуальных танцев? Уж кто-кто, а она ни капельки не похожа на Сару Тэва.

Она попробовала плавно вытянуть руки. Корова, да и только. Потом подняла руки и стала медленно их опускать, растопырив пальцы и вращая запястьями. Смотреть тошно.

Франческа не отрываясь, смотрела на свое отражение. Как же она будет танцевать?

Франческа скрестила на груди руки, медленно провела ими по груди и развела в стороны.

Слишком вяло.

А ведь в танцах Сары было столько огня и страсти.

Однако же Франческа танцевала для Алекса Девени, и он поверил в то, что она Сара, даже заплатил ей сто фунтов. Что же она сделала той ночью?

Она была полуголой, вот что.

Франческа провела дрожащими пальцами по непослушным волосам. Она должна сделать это.

...Я зачаровывала публику руками, когда танцевала...

Эти слова Сары до сих пор звучали в ее ушах. Возможно, в этом и был ее секрет: обнаженное тело и руки. Что еще нужно, чтобы околдовать публику?

Но завтра она будет танцевать в платье, и по тому сценарию, который Алекс еще не до конца

изложил ей, должна удалиться от гостей и исполнить печальный ритуальный танец, в память об Уильяме.

Может ли эта женщина с бледным лицом превратиться за ночь в печальную сирену? Короткую сирену...

Она подняла руки, чтобы еще раз попробовать. Как бы стала двигаться скорбящая обольстительница? Плавно и медленно, решила она; ее тело должно извиваться, выражая тоску по возлюбленному, которого больше нет.

Вот так. И вот так. Мольба. Гнев. Отчаяние. Если на выражение всех этих чувств хватит времени. Вот так хорошо: заломленные руки, трепет тела, которое тоскует по возлюбленному. И пробуждение страсти после смирения.

Да. Так лучше. Она оттачивала движения до тех пор, пока не уловила суть.

Но там, в глубине зеркала, двигалась совершенно незнакомая ей женщина, изображая безграничное горе. Какая-то марионетка, обманщица.

Сможет ли она обмануть друзей Алекса, этих людей света?

Она уставилась в зеркало на свое бледное лицо.

Сможет.

Другого выхода нет.

Оказалось, что планы Алекса выходили далеко за рамки ее представлений.

Он четко и ясно изложил ей всю программу, появившись в комнате после того, как она приняла ванну и готовилась ко сну.

И он остался на ночь; а она все это время пролежала без сна, в ужасе продумывая каждую деталь, с трудом сдерживаясь, чтобы не задать самый волнующий вопрос о представлении, от которого зависело ее будущее.

Все оказалось не так просто, как она думала.

Она спустилась по лестнице, опираясь на руку Маркуса, одетая в роскошное черное кружевное платье на светлом чехле, до смерти боясь, что Джудит узнает платье и заявит об этом гостям.

Парадный зал сверкал сотнями огней; собравшиеся с нетерпением ожидали ее появления.

Мужчины были во фраках, женщины в платьях из атласа и расшитого жемчугом кружева, в бриллиантах и других драгоценностях.

Франческа остановилась на нижней ступеньке, и все взгляды обратились к ней, когда Алекс подошел и подал ей руку.

- Леди и джентльмены. Леди Сара Девени. Мадам? - Она кивнула и, положив руку на его руку, шагнула вниз.

- Прекрасно, Сара, - шепнул он.

- Неужели вы ожидали иного, милорд? - прошептала она в ответ. Она чувствовала себя королевой в этом прекрасном платье. И очень сожалела, что ей предстоит танцевать.

Ее руки были холодны, подбородок вздернут. Ни словом, ни жестом она не выдала своего страха.

Они вошли во главе величественной процессии в гостиную, где их ожидали шампанское и Джудит, выглядевшая, словно Королева воинов. Алекс проигнорировал мать и стал представлять Сару по очереди каждому из гостей.

Здесь был Крукенден, давний школьный товарищ, с женой Соланж. Джаспер Кардстон, все еще холостяк. Бэзил Иденбридж, баронет, и его жена Хайла. Элстон Сиэрл, граф Барвик и еще один давний друг из Веллинборо.

Небольшой избранный круг аристократов, но не тех, с кем обычно общался Алекс. Правда, Сара этого не знает, подумал он. Она держалась великолепно и вызывала у этих пресыщенных аристократов именно ту реакцию, на которую он рассчитывал: они были буквально очарованы ее красотой и загадочностью.

Она держалась именно так, как нужно, - почти не говорила, лишь односложно отвечала на вопросы; опускала глаза, чтобы никто ничего не прочитал в них, и всячески демонстрировала тело в безумно узком, пленяющем воображение платье, сшитом по последней моде и соответствующем приличиям.

И создавалось впечатление, что под платьем она голая. Она двигалась, инстинктивно выгибаясь, так, чтобы бросался в глаза чехол. Именно такой Алекс и представлял себе Сару Тэва в платье искусительницы.

Ее лицо слегка порозовело; волосы были расчесаны на пробор и собраны в тугий узел на затылке. Это платье. Это лицо. Этот ореол недосытаемости. Гостям лишь оставалось пускать слюнки от вожделения.

Конечно, ни его мать, ни Филиппа не испытывали восторга, но по крайней мере сдерживали свою ненависть.

Но Джудит все же спросила у сына:

- Почему ты собрал здесь этих людей, Алекс? И почему на этом создании платье, которое я отдала Филиппе?

- Филиппа объяснит тебе, мама. Ты бы лучше пошла, отдохнуть до того, как мы отправимся обедать.

- Я не уйду, - заявила Джудит сквозь сжатые зубы. - Ты испытываешь мое терпение, Алекс, держа против моей воли в доме эту, эту... шлюху.

- Не вмешивайся. И не устраивай сцен, мама. Я могу пустить слух, что у тебя начались истерические припадки, посмотрим тогда, что скажут твои драгоценные друзья.

- Ты бесчувственное чудовище, - прошипела она.

- Возможно, - сказал Алекс и отвернулся. Он чувствовал спиной ее пылающий взгляд, когда взял Сару за руку, спасая ее от Кардстона, который буквально засыпал ее вопросами. - Все

готово, – сказал он вполголоса. – После обеда, как и планировали.

Она кивнула. Сердце ее учащенно забилося. Вражда Джудит и Алекса была очевидна для всех. У нее пропал аппетит при одной лишь мысли об их перепалке, о том, что Джудит увидит то, что произойдет дальше.

Джудит никогда не простит Алекса – никогда.

Проходившая мимо Франчески Филиппа остановилась.

– Вы заставили Алекса буквально кипеть, моя дорогая Сара. Может, откроете мне свои секреты.

– Вам это не по карману, – не задумываясь, ответила Франческа и тут же пожалела о своих словах. Она протянула руку к Филиппе, но та отстранилась.

– Мы знаем, что вы собой представляете и что делаете здесь, деля с Алексом комнату, и бог знает что еще. Не рассчитывайте на нашу дружбу, Сара. Я так же сильно, как Джудит, хочу, чтобы вы убрались отсюда.

– Не сомневаюсь, – пробормотала Франческа. – Но не сильнее, чем я. – Но Филиппа уже не слышала ее. Она направилась к Джудит.

Франческа отчаянно мечтала лишь об одном – чтобы этот вечер побыстрее закончился.

В этот момент в огромных дверях, разделявших переднюю и заднюю гостиные, появился Уоттен.

– Дамы и господа, кушать подано.

Кардстон подскочил к Франческе и предложил ей руку. Она вопросительно взглянула на Алекса, и тот едва заметно кивнул.

Они неторопливо прошли через заднюю гостиную, обставленную белой с позолотой мебелью, в обеденный зал, где длинный стол из красного дерева был накрыт на десять персон.

Канделябры сияли сотнями свечей, отражавшихся в золотых столовых приборах, хрустальных бокалах и тарелках с позолоченной каймой. Напротив каждой тарелки в позолоченном держателе находилась именная карточка, и Филиппа провожала каждого гостя к его месту.

Место Франчески оказалось на дальнем конце стола, напротив Кардстона, рядом с Алексом.

Час от часу не легче, подумала она, когда на верхней галерее заиграли музыканты – виолончелист и скрипач. Алекс не отойдет от нее ни на шаг. Будет диктовать ей, что делать, что говорить, и не даст обратиться за помощью.

Кардстон помог бы ей. Он был очарован ею, ее сдержанность распалая его все сильнее и сильнее.

Ужас охватил Франческу при мысли о том, как легко женщина может заполучить любого мужчину, если будет играть по правилам Сары.

Молчание и презрение. Обнаженность и руки. Все секреты Сары Тэва вступят в игру в этот вечер, который определит ее судьбу.

Музыка была легкой, воздушной, ненавязчивой, еда – превосходной. Подали прозрачное дымящееся консоме, затем отварную лососину в сметанном соусе. После лососины – жареных каплунов и запеченную телятину, а в качестве гарнира – картофель, зеленый горошек и шпинат под голландским соусом.

Франческа едва притронулась к еде, дрожа всем телом от волнения.

Алекс парировал почти все обращенные к ней вопросы.

– Моя невестка еще не оправилась после смерти мужа. Это ее первый званый обед, и она, естественно, нервничает.

Он многозначительно посмотрел на нее, и она кивнула. Но еще не время... еще не время...

– Это так трудно, – пробормотала Хайла Иденбридж, и ее бриллианты сверкнули в мягком свете свечей.

– Моя дорогая, просто не представляю, как вы это пережили, – вступила в разговор Соланж Крукенден, она была немного старше Хайлы и не так броско одета.

Джудит, сидевшая на другом конце стола, испепеляла Франческу взглядом.

– Господь не посылает нам испытаний, которые мы не в силах вынести, – напыщенно заявил Маркус. – Ну, где же десерт?

– Я вас покину ненадолго? – пробормотала Франческа дрожащим голосом.

– Конечно, моя дорогая. – Это снова заговорил Маркус, и Алекс не возразил, лишь проводил Франческу пристальным взглядом, когда она выходила из зала.

Все, игра началась, пути назад нет.

Франческа проскользнула в соседнюю комнату, где было устроено нечто вроде алтаря Уильяму – на черном бархате стояла его фотография в золотой рамке, и по обе стороны от нее горели свечи.

В комнате больше ничего не было. На балконе, ведущем в обеденный зал, играли музыканты. Заранее было решено, что сигналом для нее будет смена темпа и характера музыки. Перед этим подадут десерт из клубники, и тогда Алекс «вдруг» заметит, что она слишком долго не возвращается. Он попросит джентльменов пойти вместе с ним, посмотреть, что случилось с Сарой. Это будет сигналом для музыкантов сменить мелодию, и она начнет танцевать.

Все это он спланировал накануне вечером. Помимо самого танца было еще два важных момента: она должна была снять туфли и чулки, а во время танца разорвать платье и обнажить грудь.

Тут уж, разумеется, всем будет не до ее искусства.

Франческа стояла босиком, сжав руки с сильно бьющимся сердцем, и все ждала и ждала смены мелодии.

Свечи мерцали, увеличивая ее тень; музыка доносилась откуда-то издалека.

Она задыхалась, трепетала от страха... и чувствовала свою силу.

- Где же Сара? - раздался голос Хайлы Иденбридж, и Франческа подумала, что ничего лучшего и нельзя было придумать, получалось, что не Алекс заметил ее отсутствие, а кто-то из гостей.

Она услышала его голос - низкий, уверенный:

- Не знаю... думаю, надо... Господа, не могли бы вы пойти со мной? Вдруг ей нужна помощь? Маркус, ты побудь здесь.

Зазвучала музыка как-то глухо и призрачно, и Франческа, услышав звук шагов на балконе, начала танцевать. Она повернулась к ним спиной и услышала чей-то шепот:

- Вот она.

Франческа вынула шпильку из прически, волосы каскадом рассыпались по плечам. Она подняла юбку и стала вращать бедрами. Опустив голову, схватилась за лиф платья, и подпоротые Агнес швы лопнули.

Франческа сбросила платье с плеч и воздела руки к потолку. Как только раздалась жалобные звуки скрипки, она начала танец скорби по Уильяму. Она двигалась так, чтобы все хорошо ее увидели. Она выгибала тело, запускала руки в волосы, еще больше спустила вниз платье и кружилась по комнате до тех пор, пока не пошла кругом голова. И тогда она, наконец, упала на колени перед фотографией Уильяма - грудь обнажена, тело сотрясается от рыданий, обнаженная нога видна из-под платья.

Наступила тишина, тяжелая, душная, полная вождления. Алекс был возбужден не меньше остальных.

Он заговорил первым, и голос его от пережитого зазвучал хрипло:

- Пусть принесут покрывало. Позовите Агнес.

Она услышала, как он перепрыгнул через перила балкона, почувствовала его руки, когда он схватил ее за плечи.

- Сара... Сара...

Франческа долгое время молчала, потом, как они и договорились, трянула головой и прошептала:

- Где я?.. Алекс?

- Я здесь. - Он помог ей встать, причем таким образом, что платье упало на пол и все увидели ее роскошное тело и обнаженную грудь, прежде чем он накинул ей на плечи свой фрак. - А, Агнес. Давайте отведем Сару в ее комнату.

Алекс заметил на балконе троих мужчин, те замерли, не в силах оторвать глаз от голых ног Сары, когда он вел ее к двери.

Готовы, торжествующе подумал он. Они желают ее. Едва сдерживают похоть. Сара Тэва знала, как заставить их пускать слюни и умолять о большем.

И они будут умолять. Очень скоро.

Великолепно.

Будь она проклята, будь она проклята, будь она проклята.

А потом они все оберегали ее, как джентльмены, не упоминая ни о ее танце, ни о желании обладать ею.

- Она упала в обморок, - сказал Алекс, усаживаясь за стол. Джудит, Филиппа и Маркус в изумлении уставились на него.

- Бедняжка, - пробормотала Хайла Иденбридж. - Надеюсь, ей лучше?

- Она нечаянно порвала платье. Агнес повела ее наверх переодеваться. Вскоре она присоединится к нам. Прошу вас, доедайте десерт, а потом отправимся в гостиную.

- Вероятно, вечер оказался для бедняжки слишком утомительным. Мы знаем, сколько ей пришлось пережить. Или переспать? Не так ли, Алекс?

Он окаменел. Джудит так ничему и не научилась, но ей не удастся сорвать его план, распуская язык.

- Право же, мама, не думал, что мне придется напоминать тебе о лекарстве, которое ты принимаешь в последнее время. Но столь неуместные высказывания требуют какого-то объяснений, не так ли? Филиппа? Ей не пора принимать лекарство? А то ведь она может наговорить бог знает что.

- Она чувствует себя вполне нормально, - ответила Филиппа, напрягшись.

- Думаю, сегодня ей лучше остаться у вас, - продолжал Алекс тем же безапелляционным тоном, в то время как гости с опаской поглядывали на Джудит. - Ей может понадобится профессиональная помощь, а Маркус так хорошо успокаивает растревоженные души.

- Алекс, - предупреждающе сказал Маркус.

- Мама явно не в себе, Маркус. Кажется, доктор сказал, что это средство поможет.

Джудит хотела что-то сказать, но передумала еще до того, как Маркус знаком велел ей замолчать.

- Ты вводишь наших гостей в заблуждение, Алекс, - строго сказал он.

- Разве? Но как могла мама такое сказать? Может, лекарство не помогает? Право же, Маркус. Я не слышу повесой. Постоянно нахожусь в Миэршеме, когда нет дел в Лондоне. Чтобы мама оскорбила бедную жену Уильяма вот так... - Алекс обвел глазами всех сидящих за столом; кто-то из гостей был шокирован, кто-то явно жаждал новых сплетен, чтобы разнести их в своем кругу. - Ну да ладно. Боюсь, имя леди Девени навсегда будет связано с ритуальными танцами.

- Ну конечно! - воскликнул Джаспер Кардстон. - Я видел ее на континенте несколько лет назад. Поразительное исполнение... совершенно завораживающее...

Джудит сердито посмотрела на него, но Кардстон этого не заметил. Зато Алекс заметил.

- Сара была хорошо известна на континенте, мама. Талантливая исполнительница, прославившаяся на всю Европу, ее многие добивались. Уильяму повезло, что она принадлежала ему.

- Это ей повезло заполучить его, - пробормотала Джудит.
- Она была поразительна, - вновь воскликнул Кардстон; на его лице отразился восторг. - Жена твоего брата, да? Так, так...
- Но, даже выйдя замуж, она не перестала выступать, - сказал Алекс. - Уильям не стал бы мешать, ей исполнять ее священный долг. - Он проигнорировал сдавленный звук, донесшийся с того конца стола, где сидела Джудит. - А, Уоттен... пора возвращаться в гостиную. Дамы... господа. - Он встал, все поднялись вслед за ним. - Уоттен, проводишь леди Уильям в гостиную, когда она придет?
- Разумеется, милорд.
- Маркус... - Алекс схватил брата за руку, - уведи маму.
- Глупости, Алекс. Это ты вел себя некрасиво и неучтиво.
- Не перечь мне, Маркус. Уведи ее.

Маркус в упор посмотрел на брата, но послушаться не посмел. Все козыри были в руках Алекса, и Маркус хорошо это знал, так же как Джудит и Филиппа.

- Хорошо, - сказал он раздраженно. - А нам с Филиппой разрешено остаться?
- Если не будете мне мешать. Но полагаю, мама в таком возбужденном состоянии, что кто-то должен быть рядом с ней.
- Черт бы тебя побрал, Алекс.
- Не очень-то доброе пожелание из уст викария, Маркус.
- Ты что-то затеваешь, и я хочу знать что.
- Ничего такого, что касалось бы тебя. Лучше позаботься о маме, пока она не поставила себя в еще более неловкое положение.
- Как скажешь, - пробормотал Маркус, воздерживаясь от дальнейших высказываний. Он с обиженным видом зашагал к гостиной, чтобы перехватить Джудит до того, как подадут бренди и сыр.

Алекс неторопливо последовал за ним. На сегодня они сделали достаточно, он и Сара. И, возможно, было бы неплохо, если бы она больше не появилась в этот вечер, что сделает ее более недоступной и таинственной.

Он обернулся, и у него перехватило дыхание. Сара стояла в дверях, в строгом платье, прекрасная, холодная, отчужденная, недостижимая...

Воплощение женственности и загадочности. В это мгновение он понял, что, несмотря на все свои планы, не допустит, чтобы она принадлежала кому-то другому. Что жребий брошен, и теперь она может принадлежать только ему одному в эту последнюю ночь.

В течение часа он сумел распрощаться со всеми гостями и теперь сидел в библиотеке, потягивая бренди. Не было необходимости идти к себе: все равно она будет принадлежать только ему. Сегодня и всегда.

Пойти к ней сейчас, мрачно размышлял Алекс, значит навсегда лишиться власти. Она это знает и рассчитывает на это. Для нее все это игра.

Алекс сидел, погруженный в задумчивость. Сара Тэва прекрасно понимала, что делает, и, возможно, решила соблазнить его теперь, когда Уильяма больше нет.

Но Алексом нельзя манипулировать, он ведь не из тех простаков, которых так легко соблазнить голой ножкой.

Уловки и хитрости Сары на него не подействуют.

Он сжал ножку бокала так сильно, что она едва не треснула.

Ключом является Кардстон, теперь, когда Джудит едва не сорвала его план.

Кардстон будет первым, потому что уже второй раз видел ее и жаждал ее. Ее танец всколыхнул в нем воспоминания, но теперь она казалась доступнее, чем в первый раз, и он надеялся на успех.

Алекс устроит вечер, пригласит только мужчин, друзей и просто знакомых, знаменитая танцовщица Сара Тэва будет их развлекать.

Сара станет сенсацией и пойдет нарасхват.

Именно этого он и добивался, именно это и планировал. Будь все проклято.

Он грохнул бокалом по столу. Черт бы побрал ее предательскую душу.

Ни одна женщина не сделает этого с ним, тем более коварная шлюха без рода и племени, знающая, какими картами играть и когда блефовать.

Ну, так он готов разоблачить ее блеф.

Он встал и начал медленно подниматься по лестнице.

Его сценарий себя оправдал. Франческа лежала одетая на постели и вспоминала выступление. Ей казалось, что это был кошмарный сон. Что на самом деле она не срывала с себя платье, не танцевала перед незнакомыми мужчинами полуголой.

Но, увы, именно так все и было, потому что ключья прекрасного кружевного платья лежали на полу, и Алекс велел ей на какое-то время уйти, чтобы еще больше разжечь их похоть, чтобы они жаждали вновь увидеть ее.

- Ты прямо-таки рождена для этой роли, - пробормотал он, входя комнату. - Подумать только! - Он запер дверь на ключ. - Они не могли оторвать от тебя глаз.

- Как и вы, - парировала Франческа и тут же поняла, что это действительно так, а значит, у нее гораздо больше власти над ним, чем можно было предположить, и ситуация стала гораздо опаснее.

Алекс был поражен ее проницательностью, хотя удивляться тут было нечему! Конечно, она умела читать желания в глазах мужчин. Она знала, как распознать каждый нюанс поведения мужчины. Ее научили этому.

- Кардстон первым будет претендовать на тебя.

- Правда? - А он показался ей таким разумным. Франческа так и не поняла, чего добивается Алекс, каковы его цели. - А зачем это вам, милорд?

- Не твоего ума дело. - Он вынул из внутреннего кармана фрака пачку банкнот и бросил на кровать. - Как мы и договаривались.

Их взгляды встретились, и Алекса захлестнула волна ярости. Сотня фунтов у ее ног, а она даже и не взглянула, словно это был мусор. Тем не менее, она торговалась с ним и, в конце концов, уступила, - как и делала всю свою жизнь.

Что, если он добавит еще сотню и потребует, чтобы она отдалась ему? С этим он еще сможет смириться - обладать ею и сохранить над ней власть и контроль, управлять ею с помощью денег.

Он теперь понял, почему мужчины в любовных делах предпочитают устраивать все именно так - покупать, что хотят, независимо от цены. И поступают так потому, что это не связано с какими бы то ни было эмоциональными обязательствами. Не следует прощать прошлое. Не нужно планировать будущее.

Иногда мужчине нравится жить без любви и без измен, способных отравить жизнь.

Франческа уставилась на деньги. Двести фунтов, да еще часть наследства Уильяма. А впереди выступления, которые дадут возможность Саре Тэва жить припеваючи.

За сколько все-таки она продала свою душу и свое будущее с Кольмом?

- Мне необходимо знать... - начала она.

- Тебе необходимо знать, лишь какой костюм ты наденешь, когда Кардстон захочет воспользоваться твоими услугами.

- Алекс... - В ее голосе зазвучала настойчивость.

Он замер. Она впервые назвала его по имени, и между ними вдруг возникла какая-то близость. И это в тот момент, когда Алекс пытался сделать все, чтобы мысль о Кардстоне, жаждавшем обладать ею, не была ему так ненавистна.

- Только не надо говорить о совести, Сара. Ты опоздала, не так ли?

- А вы? - спросила она дрогнувшим голосом.

- У меня не бывает угрызений совести, - безапелляционно заявил он. - Сделка состоялась, и отказаться ты уже не можешь. Да и с какой стати, когда такая кругленькая сумма открывает путь к новой и более богатой жизни.

- Кто знает, какая жизнь ожидает меня после этого?

- Ты точно знаешь какая, - грубо сказал Алекс. - Мужчины. Чем больше, тем лучше. Какая же еще жизнь может быть у такой женщины, как ты?

- Или у такого мужчины, как вы, - парировала она, задетая за живое. Все, что он говорил, касалось Сары, его представлений о ней, но Франческа принимала все это близко к сердцу,

словно его оскорбления касались и лично ее, Франчески Рэй.

Возможно, и касались, поскольку она выдавала себя за Сару и брала деньги за то, что полуголая танцевала перед мужчинами.

Нравственные устои Франчески зашатались под тяжестью прегрешений Сары. А она до сих пор так и не нашла ни единого доказательства связи между Сарой и Кольмом, которое оправдало бы тот безумный риск, на который она пошла.

- Напрасно ты думаешь, Сара, что можешь покорить любого мужчину.

Франческа пожала плечами.

- Ваших гостей покорила. При желании могла бы покорить и вас. - Только девственница могла так заблуждаться и рисковать.

Алекс буквально окаменел. Она сможет. Он хотел пробить эту ее бесстрастность, это молчание, это высокомерие, которые делали ее натуру такой противоречивой.

Она бросила вызов, и ни один мужчина не смог бы остаться равнодушным.

Он выхватил еще одну горсть банкнот и шагнул к постели.

- Ну, скажи мне, Сара, как танцовщица покоряет мужчину, когда он платит ей за услуги? - Он сунул банкноты Франческе в лицо, потом в руки. - Как? - Взобравшись на постель, он оседлал ее. - Как, черт возьми?.. - Он опустил ее ниже, вжимая ее в подушки. - Скажи! Кто кого сейчас покорил?

Она мгновенно поняла, что сопротивляться бесполезно. Сара не стала бы. Сара тут же уступила бы нажиму той части его тела, которая вжалась в ее живот. Сара знала бы, что делать.

Франческа предпочла бороться словами. Вызывающими, дерзкими словами. Но она точно знала, как он поступит, когда пробормотала:

- Кто кого покорил, милорд? Конечно, я вас, иначе вы не были бы сейчас в постели со мной.

Возможно, она хотела этого, потому что вместо ответа он вдавил ее еще сильнее в подушки и впился губами в ее губы.

Что же это? Как же? Через мгновение он поймет, что она совершенно неопытна. Он все поймет.

Она стала сопротивляться, чтобы спасти себя, свою ложь, свои грехи, Но он все крепче прижимался к ее телу, все жарче ее целовал.

Она никогда не думала, что бывают такие поцелуи, такие всепоглощающие, влажные, говорящие о его силе и о его решимости овладеть ею и остаться спокойным и равнодушным.

Но и он не мог оторваться от этого рта, этих мягких, податливых губ, этого бархатного языка - и она, чье ремесло было ублажать мужчин, открылась навстречу ему, утоляя его жажду, и это еще больше его распалило.

Он чувствовал, что теряет самообладание, забывается в медовой сладости ее рта, в трепете ее

тела. Это было безумие – поддаваться ее чарам. Уступать такой, как она, платить безумную цену за один-единственный поцелуй, когда он уже определил ее истинную стоимость...

Пропади все пропадом...

Он оторвался от нее, от ее манящего рта, предательского тела и вскочил с постели, разбросав банкноты по всей комнате.

Сто фунтов за поцелуй.

Сто фунтов за танец потаскухи.

Через неделю она будет выставлять это роскошное тело на обозрение еще одному сборищу, и все это во имя уничтожения зла и борьбы с продажностью.

Кто продажен? И кто – зло?

Он теряет ощущение цели. Он позволил себе потерять контроль над собой... Алекс отошел от постели, где она лежала, приподнявшись на локте; ее грудь вздымалась, губы припухли от его поцелуев.

А в ее черных глазах сияло торжество. Она без особого труда поставила его на колени, как и многих других мужчин.

И она не позволит ему забыть об этом. Он прочитал это в ее глазах.

В этот момент он возненавидел ее и ее уверенность в победе над ним. Никогда больше он не покажет ей свою слабость. Он сильнее и хорошо понимает, что будет означать его капитуляция.

Иногда мужчина приходит к такому выводу через боль в паху и привкус порочности на языке. Он не первый и не последний, кто не устоял перед подобным искушением.

Но он никогда больше не приблизится к ней.

И он чертовски рад, что заплатил ей вперед.

Глава 9

Но после того, как он прикоснулся к ней и ощутил вкус ее губ, он желал ее еще больше, чем прежде. Она была как наркотик, привлекая мужчину своей загадочностью, податливостью и чувственностью.

Он не ожидал, что ее тело будет таким податливым. Он до сих пор ощущал его нежность и мягкие линии, помнил ее жаркие, жадные губы.

Сейчас это роскошное тело дремало, сморенное сном, но и во сне оно было столь же соблазнительным.

Кто кого покорил? Кто на самом деле оказался сильнее?

Она швырнула ему ответ на этот вопрос прямо в лицо.

Он сидел в кресле у камина, погруженный в размышления. Завтра или послезавтра появится

Кардстон, и он не откажет ему в его просьбе. Сара станцует для него; Сара заморозит и его и всех остальных приглашенных.

Именно этого он и добивался. Именно это и планировал.

Отвлечь и развлечь с помощью непревзойденной танцовщицы, замораживающей своим телом. Трудно было придумать лучшее развлечение, чем Сара Тэва, для прикрытия того, что он собирался сделать.

Стоило ему подумать о ней, как он почувствовал предательское напряжение в паху. Боже, мужчина не должен быть рабом обнаженного женского тела.

Но ни о чем другом он сейчас не мог думать. Только о ее чувственных движениях в танце, шелковистой коже, платье, которое она в порыве горя разорвала на себе и сбросила. Играла она великолепно, притворяясь, будто утратила чувство реальности и не понимала, где находится.

«Какое сокровище эта Сара Тэва!» – подумал он не без сарказма. Он даст ей богатство и свободу, пусть делает, что хочет. Без него.

Он крепко сжал подлокотники кресла. Нет! Она никогда не исчезнет из его жизни. Он ей не позволит.

Сама эта мысль не шокировала его, а вот сила его чувств – да. Он тут же отмахнулся от этого противоречия и стал размышлять о том, как будет держать Сару Тэву в неволе только для собственной улады.

Это казалось совершенно реальным глубокой ночью, в тихой и душной атмосфере полутемной комнаты.

Он купит в Лондоне дом, станет держать ее там в цепях.

Он теряет рассудок.

...быть соблазненным мягкими линиями женского тела и парой бездонных черных глаз...

У его брата Уильяма не было ни единого шанса.

Так же, как и у него самого...

– Ты превзошел себя на этот раз, зайдя так далеко, – сказал Маркус, входя утром в зал для завтраков. – Так насмеяться над вполне обоснованной тревогой матушки! Да еще перед гостями, которые и не друзья вовсе, – и все ради *такой* женщины. Могу себе представить, что теперь о нас говорят. Скажи, Алекс, как ты можешь жить в ладу с самим собой?

Алекс проигнорировал его слова, положил себе яичницу, тост, налил чай и уселся в дальнем конце стола. Джудит, вероятно, проведет в постели весь день, приходя в себя после вчерашнего званого обеда. Филиппа холодно и оценивающе разглядывала его, держа в руке чашку.

– Проблема не в этом, – прозвучал ее голос в гулкой тишине. – Проблема в том, что он спит с ней.

Маркус побледнел.

- Мы даже мысли такой не должны допускать, Филиппа.

- Неужели? Думаешь, он запер эту шлюху, словно Принцессу в башне, и оберегает ее нравственность? Мне давно хотелось узнать, что значит быть безнравственной.

- Филиппа! - воскликнул Маркус, явно шокированный. - Давай сменим тему.

Она полоснула его взглядом.

- Скажи мне, Алекс. Что представляет собой безнравственная женщина. Она не такая, как остальные? Раскованная? У нее на теле клеймо, чтобы отпугивать мужчин? Или наоборот, привлекать? И вообще, насколько это важно?

- Филиппа, я не потерплю...

Она проигнорировала замечание Маркуса.

- Быть может, все мужчины только и мечтают о таких женщинах?.. Скорее всего. А ты что об этом думаешь, Маркус? Наверняка есть какое-нибудь нравучение на сей счет?

Маркус вскочил как ошпаренный.

- Прошу извинить. Сегодня почему-то все крайне раздражены, и я отказываюсь обсуждать данный вопрос.

Он возмущенно вышел из комнаты, а Филиппа повернулась к Алексу.

- Как это бывает, Алекс? Ну, с такой женщиной, - произнесла она мечтательно. - Лучше?

«По сравнению с такой, как я, добропорядочной», - видимо, хотела она сказать.

Алекс потянулся к вазочке с джемом.

- Если я скажу, ты не поверишь.

- Я поверю, что бы ты ни сказал, Алекс.

Его рука замерла на полпути под пронзительным, оценивающим взглядом Филиппы. Бедная, неудовлетворенная Филиппа, изнывающая от ревности к отщепенке, которую он навязал им всем, и мечтающая узнать обо всем, что она упустила, став женой сельского священника.

Сама по себе она была довольно мила, правда, слишком высока, с точки зрения моды, слишком умна, чтобы стать рабой мужчины, и слишком бледна и сдержанна, чтобы вызвать желание соблазнить ее. И уж конечно, не образец жены сельского vicar.

Тем не менее, Маркуса она покорила мгновенно и ответила ему взаимностью, взвесив все «за» и «против» с присущей ей рациональностью. Поэтому эмоциональные всплески Филиппы накануне вечером и нынешним утром были не в ее характере и говорили о более глубоких чувствах, которых никто не замечал.

Но это проблема Маркуса, а не его. Алекс просто не знал, что сказать, чтобы как-то облегчить ее боль.

- Не забывай, Филиппа, что она была женой Уильяма. Как бы поступил Маркус в подобной ситуации?

- Не делил бы с ней одну комнату, - укоризненно заявила Филиппа.

- Я не женат. - Филиппа скривила губы.

- Она моя невестка.

- Как и я, - прошептала Филиппа. - Это в Библии... - Алекс покачал головой; он никак не мог найти разумного объяснения своему поведению.

- Филиппа, не нужно... Есть еще кое-что, но я не могу сказать тебе этого сейчас.

- Ну конечно, мужчина всегда найдет оправдание. Придумает причину, тайну, которую нельзя открыть. Ты такой же, как все, Алекс, прячешь в своей комнате шлюху, утверждаешь, что на то есть причины, о которых нельзя пока говорить. О! - Она вскочила из-за стола. - Все мужчины одинаковы. Похотливые глупцы!

Она схватила чашку, швырнула ее в камин, разбив вдребезги, и со слезами на глазах бросилась вон из комнаты.

Алекс взял вазочку с джемом и щедро намазал его на тост, решив, что Филиппа пребывает в опасном настроении. Воздействие Сары Тэва оказалось непредсказуемым. Если бы она выглядела иначе, вела себя иначе, это было бы одно. Но Филиппа явно не видела никаких внешних различий между собой и Сарой, и если бы она не знала о скандальной репутации Сары, то Сара вполне бы могла сойти за лондонскую леди, и ни у кого не возникло бы и капли сомнения.

Маркусу придется разбираться с этим. Вероятно, существует какой-нибудь памфлет, осуждающий заблудших жен, и Маркус был как раз из тех людей, у которых такая книга может оказаться прямо под рукой.

Он вызвал Уоттена.

- Леди Уильям уже позавтракала?

- Как раз сейчас завтракает, милорд.

- А моя мать?

- Миледи сегодня не покинет своих покоев.

- Вот и хорошо. Меньше неприятностей будет. Пришла ли почта?

- Пока нет, милорд.

- Благодарю вас, Уоттен.

Итак, теперь оставалось лишь ждать, выбрать самый прозрачный, самый откровенный, самый броский костюм из коллекции Сары Тэва, держать ее под контролем, дожидаться вестей от Кардстона и надеяться, что Джудит, Маркус и Филиппа не помешают.

Было бы неудивительно, если бы Франческа провела бессонную ночь. Присутствие Алекса в комнате будоражило ее еще больше, чем долгий, чувственный поцелуй.

Боже милостивый, неужели он не понял, что она совершенно неопытна, что ни один мужчина не целовал ее и уж тем более не наваливался на нее всей своей тяжестью, охваченный похотью.

Все это знала Сара, но не Франческа Рэй, и сейчас велика была опасность, что ее маскарад подошел к внезапному и вполне логичному концу.

Возможно, это и к лучшему, подумала она устало. Она просто не знает, как это делать. Она не может танцевать. Не знает женских уловок. Она слишком худая, слишком скованная и такая же элегантная, как слон.

Почему Алекс ничего этого не видит?

Мужчины просто слепы. Алекс считает, что она – Сара. Ему необходимо, чтобы она была Сарой; вот она и выдает себя за Сару. И чтобы она оставалась ею, запер ее в комнате.

Хорошо с такой легкостью распоряжаться реальностью.

А реальность смотрела на нее из зеркала – растрепанные волосы, бледное лицо, огромные темные глаза, нервный рот. И все же она смогла произнести слова, позволившие ей противостоять Алексу Девени.

Но не сказала ему правды.

Вот вам, правда, милорд. Я была той соседкой Сары, которая ухаживала за ней, до самой ее смерти. Я ничего не знаю о ваших заговорах, планах, бумагах или целях. Я не умею танцевать. Меня никто никогда не целовал. У меня не было мужчины. Я хочу вернуться домой.

Она была сама невинность и, словно испуганный ребенок, надеялась на защиту дома. Больше ей некуда было податься.

Берлин или Брейдвуд – выбор невелик. И неизвестно, увидит ли она когда-нибудь Кольма.

Ей хотелось навсегда спрятаться под покрывалом.

Я должна выбраться отсюда.

Сейчас у нее была небольшая сумма денег – триста фунтов и еще чек на семьдесят пять. Возможно, она никогда не воспользуется им, поскольку он принадлежал Саре, но если даже возьмет только наличные, вполне сможет устроиться где-нибудь на континенте.

И не обязательно возвращаться домой.

Мысль была заманчивой, но заставляла трепетать от страха.

Незамужняя женщина, одна, при деньгах, занимающаяся рисованием. Разве не для этого она приехала в Берлин?

Бедный генерал фон Абрунген. Она даже не вспомнила о нем с тех пор, как Алекс ворвался в комнату Сары в пансионе. Что он подумал о капризной, так внезапно исчезнувшей художнице?

Может, он пожаловался Кольму.

Эта мысль заставила Франческу снова опуститься на постель.

Ну конечно. Заказ ей устроил Кольм. И о ее исчезновении генерал, несомненно, сообщил ему. Он хотел увидеть портрет завершённым. Так что... да, вполне возможно, что он связался с Кольмом. Контракт есть контракт.

Что, если Кольм пытается найти ее в этот самый момент?

В ней вновь вспыхнула надежда. Кольм найдет ее. Хозяйка пансиона знает, что она уехала с графом Миэром. Кольм непременно приедет за ней.

Все очень просто. Возможно, он уже едет сюда, и этот фарс с исполнением роли Сары наконец-то закончится. Он все объяснит, увезет ее домой, и они будут вместе.

Скоро.

Кольм, возможно, уже совсем рядом, расспрашивает в деревне о госте в доме Миэршема.

Или скачет уже через парк...

Алекс тихо вошел в комнату и увидел ее сидящей на его постели:

Боже, он должен гнать эти мысли. Саре Тэва место там, куда он ее определил, – на сцене, чтобы своим обнаженным телом она соблазняла и искушала мужчин. Безвольных и слабых. Не таких, как он.

- Вставай, – грубо приказал он. – Я хочу выбрать костюм, который ты наденешь, когда будешь танцевать для Кардстона.

- Вы уверены, что он меня пригласит? – пробормотала Франческа, с трудом скрывая охвативший ее страх.

- Примерь их.

Страх перешел в ужас. Выступление перед его светлостью? Нет, нет. Только не после вчерашней ночи. Ему нельзя доверять. Да и себе самой тоже.

- Поверьте, я сама смогу выбрать подходящий костюм, – едва слышно произнесла Франческа.

- Делай, что говорят, или я сам их тебе примерю.

Она тяжело вздохнула, делая вид, что раздражена его натиском.

- Чего вы хотите, милорд?

- Обнаженности, но так, чтобы ты была раздета не полностью. Чтобы лицо было закрыто, а тело обнажено. Найди что-нибудь подходящее и покажи мне.

- Как пожелаете, милорд. – Под ее вызывающим тоном скрывался жуткий страх. А вот Саре представление перед одним-единственным зрителем доставило бы огромное удовольствие.

Господи, найдется ли среди сверкающих и прозрачных костюмов Сары такой, который

прикрыл бы ее и понравился ему?

Не забудь о танце...

Начинай с наиболее закрытых костюмов...

Как будто таких много... если они вообще есть...

С вуалью было просто. Она сняла ее с одной из своих шляп – кусок тюля с бархатными мушками, которым можно прикрыть лицо.

Она снова вздохнула. Теперь костюмы. Они свалены в кучу, и их необходимо разложить. Все это кусочки кружева, тюля, сетки, скрепленные нитками бус и блестками.

Как же она сможет показаться в таком виде перед мужчинами?

Она надела шелковый жилет, едва прикрывавший грудь; застежкой служила тонкая нить из бус.

Ее передернуло. К жилету полагался пояс, обнажавший ягодицы, который спереди заканчивался соблазнительным треугольником между ног, где нити бус сверкали и переливались при каждом движении.

Она просто не представляла, как предстанет перед Алексом в таком наряде. Но она должна побороть страх, закрыть глаза и вплыть в спальню так, как это сделала бы Сара.

Франческа выскользнула из гардеробной, подошла к нему, и он смог без помех наслаждаться видом ее ягодиц; повернулась снова, чтобы он увидел маленький жилет, удерживающую его тоненькую цепочку и соблазнительно выглядывающую из-под жилета грудь.

- Нет. - Это прозвучало резче, чем он хотел, просто вырвалось, когда его непокорная плоть отреагировала даже на столь скромную демонстрацию. - Надень что-нибудь другое.

Она вернулась в гардеробную, а он боролся с нараставшим желанием. Какая нелепость. Это же просто репетиция, ни больше, ни меньше, выбор костюма, в котором Сара должна заворочить публику так, чтобы никто не заметил, что он делает.

Франческа снова появилась в комнате, на этот раз в лифе из блессток; к нему крепились такие же подвязки, поддерживающие шелковую юбочку, обернутую вокруг бедер так, чтобы можно было двигаться подобно гейше.

Желание пронзило его, словно удар молнии, до самых кончиков пальцев.

- Нет, - произнес он хрипло, резко. - Примерь что-нибудь еще.

Она закусил губу и вернулась в гардеробную, а он сидел и гадал, как долго сможет терпеть эту сладкую пытку, прежде чем взорвется.

Она великолепна, прирожденная куртизанка, знающая, как раздражить мужчину, как доставить ему наслаждение. Иначе, зачем эти откровенные костюмы, которые она, в конце концов, сбросит – этого момента он ждал и никак не мог дождаться.

Сара знает, что ожидание наготы возбуждает больше, чем сама нагота. Сегодня он единственный зритель, и она будет принадлежать только ему.

Он подождет.

Она появилась вновь, обернутая в тюлевую накидку, которая соскользнула с плеч, будто специально, чтобы соблазнить его, когда она шагнула в комнату. На бедрах у нее был надет тонкий, расшитый блестками пояс, с двумя свисавшими между ног полосками – спереди и сзади. Два блестящих колпачка прикрывали лишь соски, оставляя грудь обнаженной.

Все было видно – и не видно – самая невероятная эротическая комбинация. Алекс чувствовал, как все больше и больше напрягается его плоть, совершенно неподвластная разуму.

Вероятно, так оно и было, плоть точно знала, что ему нужно, и с уверенностью указывала путь.

– Нет, – прорычал он. – Выбери что-нибудь другое. Она выпрямилась, грудь ее всколыхнулась, и он почувствовал, как плоть рвется наружу.

– Я знаю, что вам нужно, – сказала она этим своим высокомерным тоном.

– Конечно, знаешь, – грубо парировал он. Так он и думал. Это часть ее игры, часть наживки. – Почему бы нам сразу не перейти к делу? – Но сам-то он уже перешел: возбужденный, напрягшийся, страстно жаждущий каждую частичку ее тела.

– Как пожелаете, милорд. – Франческа вернулась в гардеробную. Она не представляла, как ей удастся выглядеть такой спокойной. Наконец-то она поняла, чего он хочет, в каком виде она должна появиться перед публикой.

Нагой. Он хотел, чтобы она появилась перед этими мужчинами совершенно голая.

Франческа прислонилась к стене. Она не сможет это сделать. Ни за что. Чего бы он ни добивался, используя ее, чтобы заморозить этих мужчин, она не сможет.

– Сара! – В его голосе прозвучали требовательные нотки. Обнаженная. Она нужна ему обнаженная.

Но она не может побороть стыд.

Нет, может. Она просто обязана. Она же Сара Тэва. Она не может, просто не может себе позволить быть кем-то другим. Франческа сняла с груди колпачки, сбросила с бедер пояс.

Она не станет смотреть на него, закроет лицо. Придется укоротить вуаль. Среди костюмов были кое-какие украшения. С помощью ожерелья можно прикрепить вуаль к волосам, так, чтобы она скрывала только глаза. Она надела тонкие золотистые кольца на лодыжки и более широкие – на запястья. Длинные цепочки можно обмотать вокруг шеи так, чтобы они свисали между грудями.

Она должна сделать это. Вуаль облегчит задачу, ей будет казаться, что она одета.

Дрожь пробежала по телу Франчески.

Алекс сгорал от нетерпения. Что она снимет на этот раз? Ни одна женщина так его не возбуждала.

А она не торопится, черт бы ее побрал, знает, что делает.

Ничего, он подождет, если даже ее уловки доведут его до неистовства; он выдержит это

похотливое пульсирование в паху. Пусть она тянет время, пусть изводит его. В конце концов, он все равно овладеет ею.

Но не сейчас. Еще не время. Дело, прежде всего.

Ее длинные, стройные ноги как раз и нужны ему для дела. Такие ноги должны обвиваться вокруг тела мужчины, втягивая его в себя.

Вдруг она появилась на пороге, обнаженная; верхняя часть лица закрыта вуалью; тонкие золотые цепочки вокруг лодыжек, шеи и рук подчеркивают ее наготу.

Она просто умопомрачительна с этими длинными темными волосами, струившимися по плечам, словно у Евы, с крепким, гибким телом, высокой грудью с нежными сосками, длинными сильными ногами и лоном, стыдливо прикрытым рощицей волос.

Он боялся шевельнуться, чтобы не произошло взрыва, до того сильным было желание. Если только произнесет одно слово...

- Надеюсь, этот костюм подойдет, - пробормотала она. Как будто она не знает, как действует на мужчин ее нагота.

- Сойдет, - ответил он в тон ей. - Танцуй, Сара. Я хочу увидеть то, что увидят Кардстон и другие.

Франческа растерялась: она не ожидала, что придется импровизировать так скоро. Ей будет невыносимо трудно извиваться и кружиться перед зрителями, если Кардстон захочет ее. Зачем же его всемогущей светлости понадобилось требовать танец сейчас?

- Но вы же будете там, милорд. - Он приподнял брови.

- Танцуй.

Как и всегда, его желание было законом. Оно витало в воздухе, а скованность его тела свидетельствовала о том, что он хочет ее, - хочет Сару, женщину таинственную и опытную, - еще немного - окончательно потеряет контроль над собой.

Оно и неудивительно. Ведь она расхаживает перед ним голая. Скорее всего, он ждет приглашения Сары переспать с ней.

Но от Франчески Рэй он такого приглашения не дождется.

Боже, она поверить не могла, что собирается танцевать перед ним. Голая. Трепещущая, как лист. Будет обманывать, притворяться, изображать совсем другую женщину.

Именно такой он ее себе и представлял. Пожалуй, в этом и крылась для нее самая большая опасность. Он не ожидал, что так отреагирует на нее. Что она разбудит в нем зверя.

Он был уверен, что она способна околдовать любого мужчину. Только не его.

Но он ошибся. Как, как, как, будучи совершенно неопытной, она справится с этим?

Сжав руки над головой, чтобы он не заметил ее волнения, Франческа шагнула через порог и сделала несколько па, вращая бедрами, то, поворачиваясь к нему спиной, то, открывая его взору все тело, чувственно извиваясь в напряженной, полной желаний тишине.

Она чувствовала на себе его пылающий взор, чувствовала, как ее тело откликается на его желание обладать ею.

Танцуя перед ним, она, наконец, поняла, что значит власть женщины. Мужчина не может жить без женщины. Он жаждет видеть ее обнаженной. Жаждет прикоснуться к ее телу и знать, что оно принадлежит только ему. Жаждет проникнуть в самое ее сокровенное место и знать, что он – первый.

Все это не имело ни малейшего отношения к Саре Тэва, тем не менее, Алекс Девени был готов на все, только бы сорвать с себя одежду и глубоко, страстно вонзиться в нее – в ее лоно, ее тайну.

Казалось, еще немного, и он взорвется, словно динамит, такие сильные в нем бушевали чувства.

Франческа опустилась перед ним на колени, словно рабыня перед господином. Но даже она, неискушенная, понимала, что он в ее власти.

Молчание затянулось, напряжение росло, оно стало осязаемым. Франческа затаила дыхание, боялась шевельнуться, не зная, что может произойти в следующий момент.

Она никогда не воспринимала его как мужчину. Считая ее Сарой, он хотел, чтобы она околдовала каких-то мужчин, о которых она понятия не имела.

Но сейчас все было по-другому. Сейчас она, Франческа Рэй, реагировала на его силу, его страстное, жгучее желание, понимая, что благодаря своей наготе обрела власть.

Над ним.

Молчание и высокомерие. Франческа считала их своим самым сильным оружием против него. Но по силе воздействия не шли ни в какое сравнение с ее наготой и чувственностью.

Она силилась понять, как можно использовать их, чтобы получить то, что ей нужно, и удержать его...

Она украдкой взглянула на него, поднимаясь с колен. Нет, ей с ним не справиться. Пока он не насытится ею, не успокоится. Но ведь он жаждет не ее, а Сару.

Это безумие. Нужно немедленно отдалиться от него.

- Надеюсь, это было приемлемо, милорд.

- Сойдет. – Каждая частица его тела была напряжена до предела, он задыхался от вожделения. Он так желал ее. Так жаждал погрузиться в ее жаркое, влажное лоно.

Они проглотят ее, Кардстон и другие, словно швейцарскую булочку. Ей достаточно вот так поглядеть на них: сверкающие цепи будут подчеркивать ее покорность и послушание, и они станут ее рабами. Она вполне способна удовлетворить всех, оценивая сверкающим взглядом их силу в постели. Она будет переходить из рук в руки, потягиваясь, как кошка, и мгновенно забывая о них.

Будь проклята ее развратная душа.

Она стояла неподвижно, как статуя. Ни словом, ни жестом не показав, что хочет его, что

готова на все, чего бы он ни пожелал.

Он никогда не чувствовал себя таким беспомощным, раздавленным женщиной.

Но это была не просто женщина... Сара может получить любого, кого пожелает; она вполне владеет своими чувствами и желаниями. Она имеет возможность выбрать себе жеребца, который вонзится в нее. Ей нравится, когда мужчины валяются у нее в ногах. Покупают ее.

Он не мог разглядеть сквозь вуаль ее глаза, они были сейчас недосыгаемы, все остальное было открыто его взору.

У него не было сил оторвать взгляд от ее груди, от твердых, напряженных сосков. Он жаждал прикоснуться к ним, сжать их пальцами, заставить ее стонать и извиваться от страсти. Он с трудом сдерживался, чтобы не просунуть руку между ее ног, в густую рощицу волос; во влажное жаркое лоно, пульсирующее от желания.

Но Сара Тэва была совершенно безразлична. И это приводило его в ярость.

Но если он станет рабом собственных прихотей, никогда не освободится от ее власти. Но он ничего не мог с собой поделать. Тело не слушалось его. Здравый смысл уступил место необузданным эротическим фантазиям.

- Оденься, - резко приказал он, надеясь сбросить с себя пелену наваждения. - Убирайся, или я не отвечаю за последствия.

- Я действовала по вашему принуждению, милорд. - Какое счастье, что ее глаза скрыты вуалью. Это придало ей смелости, создавало иллюзию, что она одета. Давало ей уверенность и власть над ним. - Я неповинна в вашей глупости...

- Убирайся!

- Я не просила вас продавать мои таланты Кардстону да и любому другому, кто готов заплатить.

Он встал с постели, и она отступила на шаг.

- Будь ты проклята... - Она отошла еще на шаг.

- По какой-то подлой причине вы не хотите сказать мне...

- С какой стати я должен что-то говорить шлюхе? - Она, все еще пятясь, вошла в гардеробную и прислонилась к двери.

Скажи ему правду. Ты не можешь играть в эту игру. Соперничать с Сарой. Танцевать голой перед мужчинами. Зачем же ставить себя в ложное положение?

Скажи ему...

Она в страхе прислушивалась, ожидая, что сейчас он ворвется в гардеробную, и совершенно неизвестно, как разрешится эта кошмарная ситуация.

СКАЖИ ЕМУ!

...не могу...

Записка от Кардстона пришла в тот же день. Алекс сидел в библиотеке, вертя в руке листок белоснежной бумаги, исписанный размашистым почерком Кардстона. В записке было всего несколько слов:

«Я постоянно думаю о ней. Привези фантастическую Сару Тэва в пятницу вечером, ровно в девять, готовую к выступлению перед избранными друзьями. Все расходы беру на себя».

Друзья Кардстона... Алекс стал перебирать в памяти имена знатных людей и достопочтенных пэров, считавших себя друзьями Кардстона.

Все порочные, жаждущие легкой наживы, но хуже всех Кардстон, учитывая его личные пристрастия. Кардстон не брезговал ничем, только бы быстрее достичь цели.

Деньги решали все, цена нисколько не волновала его, лишь бы получить желаемое.

Вечер должен был состояться уже через два дня. Путь предстоял неблизкий – три часа езды в глубину графства Сомерсет, но Алекс пока не знал, останутся ли они на ночь. Возможно. В зависимости от того, что ему удастся сделать, пока Сара будет развлекать друзей Кардстона.

Его плоть мгновенно напряглась, до боли, как бывало всякий раз, стоило ему подумать о ней. Он безжалостно подавил нараставшее желание. Если он позволит себе думать о Саре, выставляющей все свои прелести перед друзьями Кардстона, то окончательно потеряет над собой контроль или сойдет с ума.

- Снова провел с ней ночь, да? – Маркус стоял на пороге.
- Господи, Маркус, неужели у тебя нет дел в церкви?
- А как насчет спасения души?
- Почему бы тебе не заняться спасением души твоей жены? – рявкнул Алекс.

Маркус напрягся.

- С Филиппой все хорошо. А вот деревня в шоке от того, что эта женщина все еще живет в нашем доме.
- Правда? А я, было, подумал, что она покорила тебя.
- Нет, если ты спишь с ней. С женой твоего покойного брата...
- Мне кажется, жена слишком обыденное для нее слово.
- Шлюха твоего покойного брата, – язвительно поправился Маркус.
- Какие благочестивые выражения, – заметил Алекс, сдерживая раздражение. – Ты умеешь быть таким добродетельным, Маркус. Видит Бог, ты в этом преуспел. Ну, все? И запомни: Сара будет находиться здесь до тех пор, пока я не решу ее отправить.
- Слуги болтают, – сказал Маркус.
- Пусть болтают.
- Мама подавлена.

- Отдых пойдет ей на пользу.

- Ты мерзавец, Алекс.

Алекс повертел в руках записку Кардстона.

- Такие выражения, брат, не к лицу священнику. Вот что я тебе скажу: занимайся своими подопечными, а моих оставь мне.

- Я не стану спрашивать, кого ты имеешь в виду. Ты совершил непоправимую ошибку, Алекс, введя эту... женщину... в наш дом, в нашу жизнь.

- Я устал от тебя, Маркус. Ты не перестаешь говорить об этом с тех пор, как я решил отправиться в Берлин.

- Не могу дождаться, когда ты снова уедешь, - пробормотал Маркус.

- Забавно слышать это от тебя. Как раз в пятницу мы с Сарой отправляемся к Кардстону.

- Боже милостивый, Алекс. Нет. Кардстон!

- Кардстон.

- Одного вечера тебе было мало? Ты с ума сошел, Алекс. Только знай, я не стану отвечать за последствия.

- А тебя никто и не просит, - холодно заметил Алекс.

- Ты что-то затеваешь.

- Послушайся моего совета, Маркус, занимайся своими делами.

Маркус резко повернулся и пошел прочь.

Алекс глянул на приглашение. Там наверняка будет Сиэрл, и Крукенден тоже, если сможет выбраться. Остальные - холостяки, гоняющиеся за любой юбкой.

И Кардстон собирается отдать ее им прямо в руки.

Алекс медленно скомкал записку.

Глава 10

Настало время расплаты за всю ее ложь, за попытки выдать себя за Сару. Теперь придется ей стать Сарой окончательно и бесповоротно.

Либо это - либо тюрьма. Алекс не преминул ей напомнить, что она приняла его условия. И сейчас, когда карета катилась по темным, неприветливым дорогам Сомерсета, он, молча задумчиво смотрел на нее, вынуждая еще больше нервничать.

Как она сможет сделать это?

Какие же он преследует цели, используя ее таким образом?

Как же он безжалостен, эгоистичен... Боже, ей просто не верится, что весь этот кошмар

происходит с ней. Но ей следовало это предвидеть. Она сама во всем виновата.

Надо было бежать, и пропади пропадом эти деньги. Даже ради Кольма не стоило так рисковать.

Шестеро мужчин, включая Крукендена и Джаспера Кардстона, будут присутствовать на предстоящем вечере. Ее совершенно не успокаивала мысль о том, что там будут знакомые лица; нет никакой гарантии, что в чисто мужской компании они станут вести себя пристойно.

Карета неуклонно приближалась к конечной цели их путешествия. Она уже замедлила ход, повернула, и неожиданно впереди появились яркие огни, свидетельствовавшие о том, что они приближались к дому Кардстона, который Алекс называл замком. Каменные руины, за исключением главной части здания, жуткие, мрачные, словно в готическом романе.

Франческа выпрямилась, когда карета подъехала к железным воротам, которые волшебным образом открылись, пропуская их во внутренний дворик.

Повсюду горели факелы, свечи, стояли грумы, готовые принять лошадей, и встречавший гостей дворецкий.

Лакей установил лесенку у дверцы кареты, и Франческа, ступив на нее, ухватилась за предложенную ей руку.

- Вас ожидают, - церемонно произнес дворецкий и пошел вперед, пригласив их следовать за ним, к величественному приемному залу. Он был широк и просторен, с каменными стенами, уходящими ввысь, каменными лестницами по обеим сторонам, тремя деревянными дверями, обитыми кованым железом. Две из них располагались под лестницами, одна - прямо перед ними, и все три были закрыты, храня какие-то свои тайны.

Прикрепленные к стенам пылающие факелы отбрасывали зловещие тени на мраморный пол.

Дворецкий жестом указал на центральную дверь и открыл ее.

Шестеро мужчин стояли полукругом у массивного камина, с бокалами шерри в руках и вели между собой тихий разговор. При ее появлении они сразу оживились.

О Боже! Ни внешняя пристойность момента, ни элегантная обстановка не могли скрыть того факта, что главным событием вечера, главным блюдом была она.

Кардстон, раскрыв объятия, устремился к ней.

- Миледи!

Что делать? Как себя держать? Франческа не нашлась, что сказать и наклонила голову. Кардстон принял это как должное, и она подумала, что, несмотря ни на что, они склонны относиться к ней с уважением.

Держись по-королевски, и тебя будут встречать, как королеву.

Франческа с изумлением поняла, что может диктовать правила, устанавливая нормы поведения. Они, словно дети, хотели этого; хотели, чтобы кто-то сдерживал их неумные мужские натуры.

Кардстон представил ей гостей. Помимо Крукендена, которого она уже знала, здесь были

Джеймисон, Хэнском, Шефферс и Фогг.

Спустя минуту Франческа уже не могла отличить одного от другого. Все они были высокие, внушительного вида, в вечерних костюмах. У одного из них – Хэнскома – были пронзительно голубые глаза, у Шефферса – борода. Фогг оглядел ее с ног до головы с уверенностью человека, который может купить все. Про Кардстона можно было сказать то же самое; правда, в Миэршеме он показался ей добрым и милым.

Но здесь благодущия не было и в помине. Сам воздух, казалось, дрожал от похоти, подогреваемой вином и соперничеством. Слишком много было сосредоточено мужской энергии в одной комнате.

Они хотели *ее*. Они не были друзьями – соперниками, сражающимися за нее. И от них можно было ждать любой непристойности.

А Алекса рядом не будет.

– Немного шерри, миледи? – любезно осведомился Кардстон. На самом деле это был просто предлог приблизиться к ней, коснуться ее руки, продемонстрировать свою власть по праву хозяина дома. – Что-нибудь перекусить?

Казалось, он сам готов ее съесть. Франческа растерянно взглянула на Алекса, Кардстон между тем продолжал говорить:

– Музыканты устроились на галерее. Вам стоит только сказать – и все будет сделано. – И чуть тише добавил: – Я не перестаю о вас думать.

Алекс расслышал его слова и вспыхнул. Франческа отняла у Кардстона руку, возмущенная тем, что Алекс ей не приходит на помощь. Кардстон явно ожидал, что Сара растает перед ним.

Ей придется самой разбираться с этими напыщенными болванами при помощи главного своего оружия – молчания и пренебрежения и контролировать ситуацию, чтобы не стать жертвой их сумасбродных фантазий.

– Очень сожалею, милорд, но я о вас ни разу не вспомнила.

Кардстон сник.

– Вспомните, – пообещал он каким-то зловещим тоном, видимо оскорбленный ее отпором, да еще в присутствии соперников.

Она приподняла брови, что еще больше разозлило его.

– По-моему, вы просили начать ровно в девять, милорд? – Чем быстрее все это закончится, тем лучше. – Нельзя ли пройти на галерею?

Кардстон предложил ей руку и многозначительно посмотрел на собравшихся, словно говоря: «Ну разве не аппетитная штучка?»

Алекс хмыкнул. Кардстон проводил Франческу на первый этаж, где находились комнаты для приемов.

Все они были довольно скромно обставлены. В последней, с низким потолком, находилась сцена, а перед ней обитые бархатом кресла. На балконе скрипач и виолончелист настраивали

инструменты.

Франческа тяжело вздохнула. Расстояние между креслами оказалось слишком маленьким.

- Можете переодеться вон там, - холодно сказал Кардстон, указывая на дверь позади сцены. - Если захотите переговорить с музыкантами, поднимитесь по лестнице. Мы вас ждем.

- Замечательно. - Она направилась к двери, но Алекс удержал ее за локоть.

- Мне нужно двадцать минут.

- Для чего, милорд?

- Эти двадцать минут они должны быть полностью поглощены сексом и греховными мыслями.

- Как скажете, - ответила Франческа с вызовом. - А пока вы могли бы разложить на сцене мои священные предметы.

- Я распоряжусь, чтобы кто-нибудь это сделал.

- Прекрасно. - Она исчезла за дверью. Ее холодность и безразличие вновь вывели Алекса из себя.

У него нет выбора. Чтобы осуществить свой план, он вынужден оставить Сару один на один с компанией похотливых мужчин.

Впрочем, все они хорошо знают, что представляет собой Сара, а он - лучше всех.

Он должен найти то, ради чего приехал сюда. Он станет позади кресел и выскользнет из комнаты, как только появится Сара.

Нечего за нее волноваться.

Сара Тэва сама может позаботиться о себе.

Стоя на холодном мраморном полу, Франческа озябла и, завернувшись, в черную накидку, застыла в ожидании.

В какое-то мгновение ей казалось, что она совершенно одна и может уйти. Но за зловещей дверью ее ожидала горничная, чтобы помочь подготовиться к выступлению.

Интересно, чья это была идея - Кардстона или Алекса? Но разве это важно? Важно то, что у нее нет ни единого шанса ускользнуть.

«Да и куда я могу убежать?» - размышляла Франческа, когда горничная расстегивала ей платье. Она просто заблудится в этом замке. И ни Кардстон, ни Крукенден ей не помогут.

Кардстон, вполне возможно, поступит с ней так же, как Алекс: запрет, накажет за непокорность, а потом использует.

Что бы ни случилось, этот сценарий все же лучше. Она постарается их сдерживать до возвращения Алекса. Ей это удастся. Она заставит их ждать. Алекс ненавидел каждое мгновение такого ожидания.

Это было еще одно мощное оружие в ее арсенале.

Виолончелист провел смычком по струнам. Служанка открыла дверь в комнату, где было совсем темно и только на импровизированной сцене горели свечи.

Франческа замерла на пороге, потом шагнула на сцену, дрожащими руками удерживая плотно обернутую вокруг тела накидку, лихорадочно придумывая, как завладеть вниманием мужчин.

Постарайся сделать свой танец возвышенным... священным...

Возможно... возможно, тогда они с уважением отнесутся к тебе.

Она подошла к краю сцены и застыла, изобразив смирение.

- Я исполню священный танец, его исполняют в восточных храмах, где чтят женщину и где любой мужчина, осмелившийся прикоснуться к ней, погибает в расцвете лет, сраженный таинственной, сверхъестественной силой.

Это заставит их задуматься, решила она, плавно повернувшись к ним спиной, и заскользила по сцене к свечам, где стояли маленькие золотые фигурки, священные предметы, которые выбрал для нее Алекс. Франческа склонилась перед ними в глубоком поклоне.

Теперь пути назад нет. Она вздохнула. Сбравшись с силами, сбросила накидку, скрывавшую ее длинные волосы, две прозрачные полоски, прикрепленные к золотистому воротнику, и два золотых браслета на обнаженных ягодицах. Она подняла руки, чтобы опустить на лицо вуаль, и полоски приподнялись, словно крылья, из-под них показалась золотая цепочка, спускавшаяся чуть ниже поясицы.

Мерцание свечей отразилось в сверкавшем золоте, когда она сложила руки на груди и медленно повернулась к зрителям.

Сейчас они видели ее склоненную голову, тело, обернутое в волнистый шелк, золотистые цепи, охватывающие шею, руки и лодыжки.

Она подняла голову, и музыка зазвучала атональным глиссандо. Это был сигнал начинать танец.

Она уронила руки, услышав резкий вздох, горловой звук вождения, когда обнажила высокую, упругую грудь, подчеркнутую длинным, золотистым шаром и цепью, свисавшими с золотого воротника почти до пупка.

Она заметила движение в темноте - Алекс? - и, обхватив руками грудь, начала двигаться вперед-назад, вперед-назад, то, обнажая, то, прикрывая тело, пока не оказалась почти на краю сцены. Там она вытянула руки, согнула ноги в коленях и склонилась до самого пола.

Что делать дальше? Они были околдованы ее наготой. Франческа перенесла тяжесть тела с одной ноги на другую. Мужчины, затаив дыхание, следили за каждым ее движением.

Теперь надо распрямиться, но так, чтобы они не видели ее тела, и вновь склониться, показав ягодицы.

Подняв руки, она положила их на талию, повернувшись боком, выгнулась всем телом так, что ее груди с тугими крепкими сосками стали казаться еще пышнее.

Франческа потеряла счет времени. Повращав бедрами и опустившись на колени, услышала, как прерывисто задышали и застонали в темноте мужчины.

Она подняла глаза с мольбой, опустила с покорностью. Вытянула руки, словно отдав себя на милость господину. Коснулась головой пола.

Вся атмосфера в комнате была пропитана похотью, Франческе казалось, что она чувствует ее запах.

Они не могли насытиться ею.

Она подняла голову, в отчаянии пытаясь определить, вернулся ли Алекс, но ничего не смогла рассмотреть.

Проклятие! Она так согнулась, что не знала, как грациозно выпрямиться.

Придется опереться на руки.

Выпрямившись, Франческа стала отступать в темноту, медленно, благоговейно склоняясь перед священными предметами.

Все, хватит. Больше она ничего не сможет придумать.

Она повернулась к зрителям, подняла руки, представляя в последний раз их взору обнаженное тело, и бессильно опустилась на пол.

Алекс не хотел смотреть ее представление. Он стоял у задней стены, ощущая удушающий жар желаний, наполнившего комнату.

Для нее все это не больше, чем представление, способ заработать еще сто фунтов. Деньги для женщины, привыкшей выставлять напоказ свое тело, это главное в жизни.

Сто фунтов, не считая суммы, о которой он договорился с Кардстоном.

Кардстон отчаянно хотел заполучить ее. И после представления его невозможно будет удержать. Как и других.

Но Алекс гнал от себя эту мысль. Добьется Кардстон своего или нет, его не касается, это дело Сары.

Что до него, то ему все равно. Как только он выполнит свою миссию, она может оставаться с Кардстоном хоть на ночь, хоть на неделю, хоть навсегда, если ей нравится.

Дверь открылась, и она, выскользнув на сцену, смело направилась к краю.

Ее появление оказалось замечательным трюком, давшим Алексу возможность защитить ее честь. И действительно, на какое-то мгновение все опешили.

Она сбросила накидку, подняла руки – и представление началось.

Это был сигнал ему – пока Кардстон и его друзья упивались ее наготой, он выскользнул за дверь.

Все закончилось.

Алекс прокрался в комнату как раз в тот момент, когда Сара заканчивала танец.

Он сделал все, что мог. Но его усилия оказались напрасными. На другое, впрочем, он и не рассчитывал. Прежде всего, он должен был исключить варианты, выяснить, кто это сделал, и пришел к выводу, что, скорее всего не Кардстон. А если и он, значит, так успешно скрыл всю операцию, что это невозможно обнаружить за двадцать минут.

Он просмотрел бумаги Кардстона, но там не было даже намека на то, что Кардстон занимался чем-то предосудительным помимо содержания трех любовниц, азартных игр в самых грязных притонах Лондона и накапливания долгов, которые никогда не выплачивал.

Он был богат, но слыл страшным скрягой, даже с любовницами, кроме тех случаев, когда желал чего-то очень сильно, – как, например, Сару. Единственное, что было нужно ему в жизни, так это женщины. Разумеется, покладистые. Готовые ему отдаться.

Но Алекс не мог рисковать, принимая все на веру.

Необходимо тщательно изучить все детали, не вызывая подозрений Кардстона. Он собственными глазами видел, что все взоры прикованы к Саре Тэва, никто даже не заметил его отсутствия.

Ее танец растопил бы и лед. Эти движения, это тело... Алекс мгновенно сжался в тугую пружину, когда Сара подняла руки и в последний раз предстала перед ними совершенно нагая.

Тишина, наступившая после того, как она опустилась на пол, была оглушающей. Никто не шевельнулся. Не произнес ни слова. Жар поднимался волнами, влажный воздух был пропитан ароматом чувственности.

Они никогда не заполучат ее, подумал Алекс. Никто не может владеть ею. Она не захочет ни одного из них. Он был в этом уверен так же, как и в том, что она не желает *его*.

От безысходности ему захотелось крушить все вокруг.

Нужно увести ее отсюда, но он не знал, как это сделать. Чтобы урезонить Кардстона, требовался гораздо более тонкий подход, а у него сейчас было не то настроение.

Занавеса здесь нет, нет возможности погасить свечи. Саре трудно будет покинуть комнату.

Он должен что-то предпринять.

Алекс шагнул к помосту, заслонив свет, падавший от свечей. Это было ошибкой.

– Сколько? – прозвучал голос Кардстона, дрожащий от вожделения.

Алекс вскочил на помост, схватил накидку и накрыл ею распростертую на полу Сару.

– Я спрашиваю: сколько? – Избалованный аристократ, не привыкший к отказам, Кардстон упорствовал.

Франческа села, плотно завернувшись в накидку, даже ног не было видно.

Боже, они неуправляемы, в панике подумала она. Похоть затмила их разум.

– Милорд не понимает... – начала она.

- Я понимаю, - бесцеремонно перебил ее Кардстон. - Назови ее цену - с каждым из нас.

Алекс и глазом не моргнул.

- Она не продается.

- Мой дорогой Алекс, не морочь мне голову. Кажется, я ясно изложил условия. - Кардстон придвинулся к нему вплотную, нос к носу. - Разве не для этого она нас раздрадила два дня назад?

Алекс презрительно взглянул на него.

- Нет.

- Ты не шутишь? - недоверчиво спросил Кардстон. - Ах ты, скотина! Она так многообещающе крутила своей задницей, что мы все рассчитывали с ней порезвиться, а теперь нам что делать - онанировать в качестве утешения? - Он сжал кулаки. - Ну нет, Девени. Условия были ясны, сукин ты сын, и я поймею эту девку, эту шлюху.

Он вспрыгнул на помост и схватил накидку Сары.

- Хватит ломаться, глупая потаскуха. Пора поработать на спине. - Он дернул так сильно, что Франческа, потеряв равновесие, повалилась на бок, и не успела опомниться, как он оседлал ее.

- Вот так, моя дорогая! - Слепленный желанием овладеть ею, он не заметил, как к нему подкрался Алекс. - Давай-ка на спинку и раздвинь ножки... а-а-а... - Это Алекс обхватил Кардстона рукой за шею и так дернул, что тот свалился с дрожавшей Франчески.

- Жаба уродливая. Недоносок, скотина, - бормотал Алекс, швырнув Кардстона на пол, - сучье отродье... - Он словно обезумел от ярости, выплеснувшейся откуда-то из самой глубины души; он стал душить Кардстона, бить его головой об пол и никак не мог остановиться.

Его пытались оттащить от Кардстона, но он мертвой хваткой вцепился ему в горло. Мысль о том, что Кардстон, голый, пыхтя вонзается в лоно Сары... что его пухлые руки касаются ее... а его губы впиваются в ее губы, привела Алекса в бешенство, перед глазами поплыл красный туман... ему захотелось убить этого подонка. Потом вдруг он понял, что Сары нет на помосте, и лишь тогда разжал пальцы и позволил Крукендену оттащить его.

Они оставили Кардстона на полу, хватающегося за горло и изрыгающего проклятия.

- Овладей он ею, ему бы не жить, - хрипло произнес Алекс. - Я даже не знаю, проживет ли он ночь, потому что он осмелился прикоснуться к ней. Это вам не какая-нибудь гулящая девка, а вы, ослы, вели себя, словно возбужденные гориллы во время выступления, которое для нее является священным действием.

Ему понравилось, как это прозвучало. Но, судя по их лицам, никто ему не поверил.

- Не пудри нам мозги, Алекс, - без обиняков заявил Крукенден. - Можешь морочить голову другим, пытаясь выдать эту девку за монахиню. Но нас не проведешь. Нам была предложена аппетитная штучка, и все правильно истолковали приглашение. Да, черт побери! Кардстон сказал, что в Европе мужчины проходу ей не давали, и она имела их одного за другим.

- Пока она не вышла замуж за Уильяма, - напомнил им Алекс, когда Хэнском помогал

Кардстону подняться с пола.

- Она потаскуха, - проворчал Кардстон, все еще потирая горло. - И всегда была потаскухой. Я слышал об этом, когда ездил в Европу.

- Она вдова и глубоко предана своим священным ритуальным танцам, - нравоучительно заметил Алекс.

- Да будет тебе чушь молоть, - возразил Кардстон. - Убери ее отсюда. Она мне надоела. Напрасная трата моих денег и времени. Так, мне срочно нужно утешиться с какой-нибудь шлюшкой. Кто-нибудь идет со мной? - И он вышел из комнаты.

- Смотри, как бы ее ангел-хранитель не наказал тебя, - заметил Алекс.

Крукенден взглянул на Алекса и покачал головой.

- Здорово придумано, Алекс. Но больше тебе никого не удастся провести.

Алекс пожал плечами.

- Я знаю то, что знаю. - Крукенден всплеснул руками.

- Ну тогда как хочешь. Дворецкий проводит тебя к карете. Господа...

Алекс насмешливо смотрел, как они послушно последовали за Кардстоном, разгоряченные и жаждущие овладеть первой попавшейся шлюхой.

...Сара!..

Он спрыгнул с помоста прямо к двери и распахнул ее.

Маленькая служанка забилась в угол, похожая на выпотрошенную тряпичную куклу. Больше в комнате никого не было.

Господь Всемогущий - что, если Кардстон вернулся за ней? Алекс почувствовал, как все внутри сжалось от страха.

- Где она?

- А... - выдавила из себя перепуганная до смерти служанка.

Он схватил ее и встряхнул.

- У... ушла, сэр.

Он готов был убить служанку. Что, если Сара сбежала? Если исчезла навсегда?

- Куда?

Служанка молча указала на ступеньки, ведущие к балкону.

Алекс бросился вверх, перепрыгивая через две ступеньки, пронесся через столовую... Если Кардстон завладел ею...

Нет... нет... нет...

Где она?

Он сбежал вниз, промчался через анфиладу комнат в гостиную – ее там не было.

Не было!

Он дернул шнурок колокольчика, и, словно по волшебству, тут же появился невозмутимый дворецкий Кардстона.

- Леди вызвала карету? – спросил Алекс.

- Кто-то вызвал. Она могла уехать.

Алекс бросился к дверям гостиной.

Через мгновение она будет свободна. Франческа отступила в тень двора, услышав тяжелые шаги Кардстона и остальных мужчин, направлявшихся к конюшням.

А вдруг они обнаружат ее...

Если появится Алекс... Радость волной захлестнула ее. Он сейчас ее ищет, мечется по замку, по его многочисленным коридорам и комнатам, в ярости от того, что все его дурацкие планы рухнули. Она отомстила ему.

Когда подадут карету, она прикажет кучеру отвезти ее в Линкольншир или Брейдвуд, где она будет в безопасности.

Хоть бы скорее подъехала карета, молилась она. Она сыта по горло Алексом Девени, тайнами, загадками и порочной карьерой Сары.

Ее потряс гнев Кардстона, а собственная наглость просто повергла в ужас. Она никогда не сможет забыть, как она голая выставила себя на всеобщее обозрение. Откуда только у нее взялась смелость?

Что такое со мной происходит?

Я не хочу в тюрьму из-за грехов Сары. Это был очень опасный эксперимент, который дорого обойдется Алексу, включая и ту сотню фунтов, которую он мне должен. И потом, я просто хочу выбраться отсюда.

Я не желаю больше притворяться Сарой.

Я скажу ему...

—Сара! Сара! – услышала она голос Алекса. – Проклятие...

Сара Тэва постоянно доводит его до иступления, причиняет невероятные страдания.

Она ясно представляла, как он воспринимает ее – Сару, искусительницу, терзающую мужчин, которые не в силах противиться ей.

Какой же беспомощной она себя сейчас чувствовала.

- Сара...

Алекс выскочил из парадных дверей замка как раз в тот момент, когда карета въехала во двор.

У Франчески было преимущество минуты в три, и она бросилась к карете. Алекс увидел ее, когда она уже распахнула дверцу.

- Не останавливайся, - крикнула она кучеру, ставя ногу на шаткую ступеньку. Собрал силы, она подтянулась, влезла в карету и рухнула прямо на пол.

«О Боже, не останавливайся!» - взмолилась она, услышав хруст гравия под сапогами Алекса. Карета дернулась, когда он, ухватившись за дверцу, вскочил на ступеньку и прыгнул внутрь, навалившись на Франческу всей своей тяжестью. Из груди Франчески вырвался тяжелый вздох.

Дверца захлопнулась, когда карета набрала скорость и покатила по пустынной сельской дороге.

Ни один из них не пошевелился, не произнес ни слова. Сара уже во второй раз ощутила на себе тяжесть тела Алекса и не знала, что делать. Он был так близко; почти касался лицом ее лица. Карета покачивалась, и в такт ей покачивались их тела.

Алекс ничего не мог прочитать в ее глазах. Она вновь отгородилась от него, и он ощутил знакомое раздражение оттого, что даже сейчас, после этого неприятного происшествия, лежа под ним, она не выказывала никаких чувств, не принимая и не отталкивая его.

Она знала, что может заполучить любого мужчину, и поэтому не хотела никого.

А он страстно ее желал и ждал от нее того же.

- Сара...

- Не нужно... - выдохнула она, прекрасно понимая, что его не остановить. Он был очарован Сарой, точнее, Франческой, игравшей роль Сары, и даже она, с ее невинностью, чувствовала kloкотавшее в нем желание. Он хотел того, что Сара с такой легкостью отдавала другим мужчинам, ожидал награды за то, что спас ее от Кардстона.

Но Франческа не собиралась уступать. Она берегла свою невинность для Кольма, которого полюбила много лет назад, совсем еще девочкой, и, желая спасти его, оказалась в этой жуткой ситуации.

Ее оружие оставалось прежним - молчание и высокомерие. И она отвернулась.

Тогда Алекс наклонился к самому ее уху и прошептал:

- Ты никогда, слышишь, никогда не убежишь от меня.

Она хотела опровергнуть это его самоуверенное заявление, но, как только повернулась к нему, его губы завладели ее губами, не давая ей вздохнуть, он вложил в этот поцелуй давно копившееся в нем жгучее желание, вызывая в ней доселе неведомые ей чувства.

Он упивался ее девственным ртом, распаяясь все больше и больше. Не понимая, что за сила кроется в поцелуе. Она оказалась беспомощна перед таким натиском и не сопротивлялась ему.

Но одних поцелуев Алексу было мало. Плавное покачивание кареты, судорожные движения ее тела под ним, воспоминания о ее наготы так возбудили его, что он стал подобен паровому котлу, готовому взорваться в любую минуту.

- Сара... - Его губы трепетали у ее губ.

Ее непроницаемые черные глаза смотрели на него без всякого выражения, холодные, безразличные к его страсти, к его мукам, и этот ее взгляд сказал ему все.

Сара Тэва, когда-то купавшаяся в роскоши и богатстве, не допустит, чтобы ею овладели в карете, да еще на полу. В то же время она танцует перед мужчинами нагая, выставляя напоказ все свои прелести. На самом краю сцены, отделенной от зрителей совсем узким пространством. Пусть любят, пусть доходят до исступления - больше заплатят.

Она знала, какую имеет над мужчинами власть.

И пользовалась этим.

Алекс чертыхнулся. И у нее хватает наглости вести себя так, словно она слишком хороша для него, в то время как именно он вытащил ее из нужды и позволил носить имя Уильяма.

Она порочна до мозга костей. За сотню фунтов готова продаться.

Она заработала их этим вечером, язвительно думал он, огромным усилием воли подавляя желание. Заплати он ей, она, возможно, стала бы сговорчивее, хотя в данный момент не могла бы диктовать условия.

А может, и могла бы... стоило ей посмотреть на него этим своим взглядом, и его похоть уступила бы место злости и раздражению.

О, она мастерски умеет это делать, думал он. Сначала вертится голая перед мужчиной, распалая его, позволяет насладиться ее губами, почувствовать ее тело, а потом вежливо отказывает.

Но только не ему - еще ни одна женщина ему не отказала. И она, эта шлюха из трущоб, не будет первой.

- Я все равно овладею тобой, - прошептал он, подавив ярость и снова припав к ее губам в долгом, грубом поцелуе.

Алекс с трудом оторвался от нее, презирая себя за то, что проявил перед ней слабость.

Терпение человека не безгранично, а ему еще предстоит ехать с ней несколько часов и все это время вспоминать, как она голая танцевала перед самыми распущенными мужчинами Англии.

С каким наслаждением она скользила по сцене.

Будь она проклята!

Алекс смотрел, как она грациозно села на сиденье и расправила платье, одно из тех, которые ей дала Филиппа. Она была в нем так же соблазнительна, как и без него.

Есть только один способ бороться с ее притягательностью. Он достал пачку банкнот и швырнул ей.

- Ты их заработала.

Она ловко поймала деньги и посмотрела ему в глаза.

- Да, заработала. - Теперь у нее четыреста фунтов, достаточно, чтобы убежать вопреки всем его угрозам, самонадеянным выводам и планам. Сейчас она ненавидела его так, как никогда раньше. А вот Сара не испытывала бы к нему ненависти. Она наслаждалась бы его вниманием и его деньгами, возможностью выступать перед богатыми мужчинами.

А чем наслаждалась ты, Франческа? Кстати, тебе не так уж противно было танцевать, сознавая, что твоя нагота приводит в неистовство мужчин.

Или что Алекс Девени без ума от Сары Тэва.

Нет! Даже не думай об этом... Гони прочь эту мысль.

Она уставилась в окно, за которым все было окутано мраком; факелы кареты отбрасывали причудливые тени на зловещий ландшафт.

Как в кошмаре. В кошмар превратилась и вся ее жизнь с тех пор, как она стала Сарой.

Что с ней происходит? Кажется, ей доставляет удовольствие делать то, к чему ее принуждает Алекс.

Значит, скоро, очень скоро, он поймет, что она вовсе не Сара. Страшно подумать, что тогда произойдет.

- О, даже и не думай об этом, Сара.

Она подскочила. Боже милостивый, неужели он читает ее мысли?

Он наклонился к ней, представляя ее себе обнаженной, не в силах прогнать наваждение.

- Пойми: я никогда тебя не отпущу. Никогда. Можешь играть в свои игры, изображать девственницу и недотрогу, все равно твоя репутация всем известна. Но помни, Сара, я тобой овладею, и ты будешь спать только со мной.

Глава 11

Как же соблазнить куртизанку?

Алекс размышлял над этим сложным вопросом, пока карета катилась по темной дороге, а Сара Тэва спала, не придумав лучшей защиты от его угроз и от его похоти.

Джентльмен никогда не овладеет женщиной против ее воли или если она потеряла сознание.

Но для Алекса кодекс чести кончался там, где начиналась Сара Тэва. Здесь не было никаких правил, лишь ее скандальная репутация, ее тело и жгучее желание погрузиться в него.

Вот в чем суть ее притягательности. И, конечно же, овладев ею, наверняка испытаешь разочарование.

Сотни мужчин обладали ее телом. Его плоть восстала при мысли об этом. Он представил себе Сару, распростертую на помосте, она манит мужчин к себе и удовлетворяет одного за другим,

как того добивался Кардстон. Кто же из них мог оказаться настоящим жеребцом, способным заставить ее гарцевать?

Конечно же, он.

Но прежде он заставит ее идти рысью.

Утром Маркус ворвался в комнату и, даже не поздоровавшись, обрушил на голову Алекса целый ворох плохих новостей:

- К ночи слух распространится по всему Сомерсету, Алекс. Твой проклятый распутный друг Кардстон хвастался Аластэру, что накануне вечером она танцевала голая и переспала по пять раз с каждым. Аластэр разошлет своих слуг, чтобы они разнесли эту новость. Ты запятнал имя Девени, из-за этой... этой... я не знаю, куда глаза девать от стыда. Мои прихожане... наши друзья... - Он рухнул на стул, дрожа всем телом. - Ты потерял рассудок, привезя сюда эту женщину. Ее невозможно спасти. Она этого не хочет. И ты поощряешь ее. Клянусь, она доведет тебя до беды, как и Уильяма.

- Боже милостивый, Маркус, - перебил Алекс брата, пропустив мимо ушей его причитания. - Итак, что сказал Кардстон?

- Что они все попробовали ее, и ты это прекрасно знаешь. Боже Всемогущий, был ли на свете мужчина, которого бы не искушал грех?..

- Неужели так и сказал? Это замечательно, Маркус, лучше не придумаешь. Просто подарок, и так кстати!

- Ты обезумел.

- Аластэр, говоришь? - Маркус молча кивнул.

- Он будет следующим, - сказал Алекс. - Они теперь все ее захотят, но мы не дадим им того, что получил Кардстон. Я допустил тактическую ошибку.

Маркус вскочил.

- Мне действительно нужно помолиться о твоей душе, Алекс.

- Сядь, Маркус. - Маркус сел.

- Ты что-то затеваешь.

- Кардстон лжет.

- Да? Но ему поверят, учитывая репутацию этой женщины.

- Это не имеет значения.

- В воскресенье, во время службы я не смогу поднять глаз, - простонал Маркус.

- Это Кардстон не сможет, - пробормотал Алекс. - Ну, полно, полно причитать. Клянусь тебе благополучием королевы и страны, что Кардстон и его мерзавцы не дотронулись до нее.

Маркус вскинул голову.

- Ты хочешь сказать...

- Маркус!

- Дорогая... - Маркус встал, когда на пороге появилась Филиппа.

- Собираешь всю грязь. Не можешь успокоиться, не узнав все до мельчайших подробностей, да? - Она вошла в столовую. - Алекс, убить тебя мало за то, что ты привез эту женщину в наш дом.

- Дорогая, я только рассказывал Алексу...

- Уверена, Алекс сообщал тебе все мерзкие подробности. - Филиппа демонстративно уселась напротив Алекса. - Где же твои безмозглые слуги? Ей, что ли, прислуживают?

- О, Филиппа, моя дорогая... не нужно... - Маркус мгновенно оказался у ее ног, на коленях. - Я не... ты же знаешь, что я чувствую...

- Ничего я не знаю, - холодно заявила Филиппа, - кроме того, что эта женщина все перевернула вверх дном в этом доме, и Алекс стал ее... сутенером.

Маркус отшатнулся от нее.

- Филиппа!

- Что? Ты не думал, что леди знает такие слова? Так позволь тебя разуверить. Леди знает такие слова, знает, что собой представляет эта женщина и что Алекс делает с ней в своей спальне. - Филиппа стукнула кулаком по столу. - А мужчины, эти глупцы, жаждут узнать подробности этой гнусной истории. Все до единого, включая и моего мужа.

- Филиппа... - Маркус коснулся ее руки, но она оттолкнула его. - Алекс?..

- Сами разбирайтесь, я не вмешиваюсь в семейные перепалки, - заявил Алекс.

- Известное дело, семья тебя не интересует. Только эта потаскуха. Вот какую власть может взять женщина над мужчиной. Жаль, что я не понимала этого раньше.

- Филиппа, - запротестовал Маркус, пытаясь ее обнять. Филиппа хотела оттолкнуть его - и замерла.

- А вот и она. Очень кстати, как вошла! Доброе утро, Сара. О, какая вы отдохнувшая - и удовлетворенная. Удивляюсь, что Алекс доверяет вам настолько, что позволяет разгуливать тут, как сучке перед течкой.

Это уже было слишком. Маркус взглянул на Франческу, замершую в дверях; ее лицо было мертвенно-бледным на фоне строгого черного платья. Он поднялся.

- Приношу извинения, Сара. Моя жена погорячилась. - Он потянул Филиппу за руку. - Прошу нас простить. Нам нужно идти.

Филиппа вырвала руку и встала.

- Не смей извиняться за меня перед этой потаскухой, Маркус Девени. Нет-нет, ты останься, раз тебя так завораживает грех. Уверена, Сара с радостью обсудит с тобой все бесстыдные подробности под видом исповеди. И я не сомневаюсь, что ты найдешь время и веские причины, чтобы отпустить ей грехи.

- Филиппа... - остановил жену Маркус, но она, оттолкнув Франческу, выскочила из комнаты.

- Оставь ее, - сказал Алекс. Маркус опустился в кресло.

- Не знаю, что с ней делать.

- Разберешься, - успокоил его Алекс. - Присаживайся, Сара. Завтрак подан.

- А я, наверное, главное блюдо, - пробормотала Франческа, потрясенная яростью Филиппы. - Я попрошу Уоттена принести мне что-нибудь в мою - в вашу - комнату.

- Сядь.

Она села, и служанка налила ей чаю.

- Скажи Маркусу, что вчера вечером ничего не случилось.

Она взяла чашку и посмотрела на Маркуса.

- Я бы так не сказала, милорд.

Маркус вспыхнул, видимо, с нетерпением ждал, что она скажет. В это утро все было как-то странно, включая и переданное Уоттенем приглашение Алекса присоединиться к нему за завтраком.

Она не была настолько наивна, чтобы считать, будто Алекс ей доверяет. Или же испытывает угрызения совести за вчерашний вечер. Скорее, ему что-то от нее нужно.

Спускаясь вниз, она заметила множество слуг, они стояли во всех коридорах, и ее надежда сбежать мгновенно угасла.

Она слышала почти все, что говорила Филиппа.

Но Маркус ей нравился, независимо от того, как он к ней относился. Он был слишком расстроен прямоотой Алекса и совершенно растерялся. Не знал, куда девать глаза и руки. Несмотря на его сан и его религиозность, ему очень хотелось побольше узнать о Саре.

Филиппа, кстати, была не так уж далека от истины.

- Позвольте заверить вас... - начала она и осеклась, не зная, как лучше выразить свою мысль.

Алекс уже проявлял признаки нетерпения. Молчание. Презрение. Пусть ждет. Наконец она сжалась над Маркусом:

- Позвольте мне подтвердить, что Алекс сказал правду. Я танцевала для джентльменов, как мы и договаривались. И ничего больше.

Маркус явно испытал облегчение.

- Говорят, вы не только танцевали.

- Понятно, - тихо произнесла Франческа. Почему она не была к этому готова? Особенно после того, как дала отпор Кардстону в присутствии стольких свидетелей. Конечно, он будет утверждать, что овладел ею. Десять раз кряду, да еще скажет, что она валялась у него в ногах.

Ей стало нехорошо при мысли об этом. Вчерашний эпизод явно не исчерпан.

Устремив взгляд на Алекса, она сказала:

- Ну ладно, Алекс. Меня вы не обманете. И, конечно, вам не удастся отделаться от Маркуса. Итак, чего еще вы от меня хотите?

Когда Филиппа выскочила из дома, начался дождь, и это лишь усугубило ее убежденность в несправедливости жизни. Дождь. Шлюхи. Мужья-растяпы. Все одно к одному. Постоянно одни неудачи.

Как может добропорядочная, симпатичная жена священника соперничать с прекрасной, роскошной, экзотичной иностранкой, которая готова танцевать голая для любого, кто бросит ей монету?

Одна мысль о таком развлечении должна возбуждать мужскую плоть.

И, видит Бог, Маркус не исключение. Он тоже очарован Сарой Тэва.

Такая женщина требует того внимания, которого за все годы своего замужества она не видела от Маркуса. Он был настоящим служителем церкви, благочестивым, набожным, мягким, заботливым.

Скучным.

Филиппа вышла за него потому, что хотела Алекса. Отчаянно, горячо, исступленно, и была уверена, что, в конце концов, завоюет его.

Что он обратит на нее внимание. Увидит, что у нее тело богини, и увлечет в глубину парка Миэршема, и будет ласкать до самозабвения, как это ей представлялось в мечтах.

Но Алекс за все эти годы ни разу не взглянул на нее, как на женщину. Для него она была, прежде всего, женой Маркуса, обладающей высокими нравственными принципами, спокойной и рассудительной. Он ни разу не услышал желания в ее голосе, не заметил воцеления в ее взгляде.

А сейчас он вообще никого не замечал, кроме Сары Тэва, - потаскухи, шлюхи, готовой лечь под любого, - обращался с ней, как с королевой. Уложил ее в свою постель, делал с ней все, что хотел, любовался ее телом. Она все ему позволяла.

Разве может соперничать с ней добропорядочная женщина?

Впрочем, Филиппа вовсе не была добропорядочной. Она втайне мечтала, чтобы за ней ухаживали мужчины, добиваясь ее благосклонности. Чтобы боготворили ее, преклонялись перед ней. Извергали семя при одном лишь взгляде на ее ноги, на ее грудь.

Филиппа мечтала о грешных, чувственных отношениях; ее мучило яростное желание затащить Алекса к себе в постель, чтобы он проделывал с ней все эти замечательные, запретные вещи.

Но ее мечтам не суждено осуществиться. В доме поселилась Сара Тэва, и теперь Филиппа умрет, так и не узнав, что значит взять власть над мужчиной. Алекс Девени никогда не захочет ее, и она обречена прозябать с Маркусом.

Где же то безумное желание, о котором она так мечтала в дни своей юности? Ей казалось, что она превратилась в старуху, что ее окружает непреодолимая стена из незыблемых нравственных устоев и безгрешности, а из-за стены ее манит к себе соблазнительная, будоражащая кровь греховность...

Филиппа не знала, от чего стало мокрым ее лицо – от дождя или от слез. Все ее тело изнывало от желания, жаждало прикосновений и всепоглощающей любви, способной все смести на своем пути.

Но, видно, не суждено ей, жене священника, познать такую любовь. Особенно после того, как в жизни Алекса появилась Сара Тэва. Это Сару желал каждый мужчина. Сару, с ее телом, ее танцами, ее наготой, ее все понимающей, невыносимо наглой улыбкой...

О Боже, я не должна так думать, не должна, не должна...

Филиппа огляделась и не сразу поняла, где находится. Она старалась уйти подальше от дома и теперь не хотела возвращаться, обуреваемая грешными мыслями на ее совести. Наконец она обнаружила, что забрела в самый дальний конец огороженного забором луга.

...она мечтала, что именно здесь кто-нибудь овладеет ею... Алекс...

Она судорожно схватилась руками за голову. Ей никогда не стать Сарой Тэва, не стать такой соблазнительницей, какой она представляла себя в мечтах. Она должна успокоиться, отогнать прочь эти мысли. Пусть Алекс наслаждается этой... распутной девкой. Пусть Маркус мечтает о том, чего ему никогда не получить. Пусть ее саму ожидает унылая, тоскливая, лишенная блеска жизнь с Маркусом... Пусть все катятся к...

- Боже, какая ты высокая! - Глубокий, звучный мужской голос ворвался в ее мысли так неожиданно, словно возник из воздуха.

Филиппа резко обернулась: сердце ее заколотилось, когда она увидела мужчину, спрыгнувшего с коня. Именно о таком она мечтала.

Она убрала с лица мокрые волосы, чтобы получше разглядеть незнакомца. О, он был прекрасен, с белокурыми волосами и бездонными голубыми глазами, которые ощупывали все ее тело, заставляя ее дрожать. Он был крепким, мужественным, высоким, в элегантном костюме, не очень подходящем для верховой езды.

- Я не разговариваю с незнакомыми мужчинами, - высокомерно заявила она, не в силах оторвать от него глаз. Потом заставила себя отвернуться. Он слишком соблазнителен, слишком опасен. Воплощение секса и греха. Она не сможет себе это позволить. Даже с ним. Даже в этом волшебном сне.

Он схватил ее за руку.

- Но мы уже знакомы, любовь моя. - Она замерла.

- Знакомы?

- Разумеется. - Он привлек ее к себе.

О, это замечательный сон, прекрасный, прекрасный... Филиппа прижалась к его груди, чувствуя его жар, его возбуждение, наслаждаясь ощущением его крепкого тела.

- Кто ты? - прошептала она.

- Зови меня, как хочешь, - прошептал он ей на ухо.

О Боже, это так соблазнительно. Она может назвать его именем человека, живущего в ее мечтах. Может обрести возлюбленного, который воплотит в жизнь все ее запретные желания.

Посмеет ли она?

- Ты так прекрасна. - Он положил руки ей на плечи. - Так желанна. Чаровница на дожде. - Его руки обвили вокруг ее талии. - Как же я тебя нашел? - Он обхватил своими большими руками ее грудь, провел пальцами по соскам, и она задрожала. - Я ни за что тебя не отпущу.

- Не отпускай, - прошептала она, выгибаясь ему навстречу и подставив губы для поцелуя.

Он прикоснулся губами к ее губам сначала робко, потом впился в них с жадностью и словно замер.

Филиппу никогда никто не целовал так. Она не знала настоящей ласки. Волна самых невероятных ощущений захлестнула ее. Он повернул ее к себе, расстегнул платье, спустив его с плеч, осыпал поцелуями ее шею, грудь. Потом обхватил губами ее сосок, от чего она ощутила дрожь во всем теле.

Филиппа вцепилась в его плечи - его широченные плечи, - а он, прижав ее к дереву, наслаждался тугими бутонами ее груди, лаская их губами, языком, пока она едва не лишилась чувства и не взмолилась о еще большем наслаждении.

- Я хочу тебя всю без остатка, - прошептал он, - хочу, чтобы ты принадлежала мне. Скажи, что это возможно. Не исчезай из моей жизни.

- Да разве я смогу? - простонала она.

- Послушай. Мужчина вовсе не так желает обладать своей любимой - не на холоде и дожде. - Он стал застегивать ей платье, не переставая ее целовать, шепча слова любви, которые она так жаждала услышать. - Скажи, что пойдешь со мной. Я хочу тебя. Только ты можешь прекратить мои мучения, богиня. Я должен знать, что ты хочешь этого. Хочешь меня.

О да, да. Да. Я хочу этого. Я хочу тебя...

- Я хочу тебя, - выдохнула она.

- Пойдем.

Экстаз. Вот в чем истинный секрет всех ее желаний. Чтобы мужчина довел ее до экстаза, чтобы с силой вонзался в нее, чтобы она кричала от наслаждения, и чтобы это повторялось вновь и вновь.

Она не знала его имени, не знала, сколько времени провела в деревенском домике, который он арендовал на лето. Не хотела знать.

Она лишь хотела испытать невероятное, всепоглощающее наслаждение оттого, что этот человек желает ее.

Прошли часы, а она все лежала на спине, нагая, и он все вонзался и вонзался в нее. И она наслаждалась каждым мгновением его обладания, кокетничая, дразня, соблазняя и возбуждая его, пока не добивалась желаемого.

Его пульсирующая плоть была огромной и ненасытной.

Филиппа тоже не могла насытиться. В ней словно плотина прорвалась, и она торопилась наверстать упущенное за прошедшие годы.

Он оправдал ее ожидания, неутомимо утоляя ее жажду, словно племенной бык, вонзаясь и вонзаясь в нее так, что она стонала.

- Мне пора, - устало пробормотала она, когда уже завечерело.

- Ты должна до дна испить чашу наслаждения, - сказал он, слегка прикасаясь к ее лону кончиком возбужденной, твердой как камень плоти.

- Это зависит от тебя, - подзадорила она его, и он медленными толчками, дразня и мучая ее, с торжеством наблюдая, как она сгорает от желания, вошел в нее.

- Не уходи.

- Я должна.

- Я не отпущу тебя. - Он снова вонзился в нее. - Я могу оставаться в тебе вечно.

- Я знаю... Но я не могу, не могу.

Он услышал нотки отчаяния в ее голосе ^

- Ты... замужем?

Филиппа отвернулась и застонала, когда он выскользнул из нее.

- Ты возненавидишь меня. - Он покачал головой.

- Такая роскошная женщина не может быть свободной. И все же я надеялся на чудо. Смогу ли я вновь увидеть тебя?

- Сможешь, - прошептала Филиппа. - Я хочу этого. А ты?

- Нужно ли спрашивать?

- Скажи когда? - В голосе ее звучала мольба. Как она переживет ночь без него? Без его страстных ласк?

Он на мгновение задумался.

- Завтра... здесь, в это же время. Сможешь?

- Смогу, - прошептала она.

- Еще раз, прежде чем ты уйдешь... - Его плоть была напряжена до предела, так сильно он желал *ее*.

Филиппа ощутила себя властной, желанной. Она раскрыла объятия и раздвинула ноги.

- Еще раз, мой жеребец. А потом еще...

Алекс хотел, чтобы Франческа снова танцевала. Боже всемогущий, после вчерашних неприятностей, после сплетен, вспыхнувших, словно огонь, после слухов, которые еще будут распространяться, он все равно хотел, чтобы она танцевала.

Она закрыла глаза, лишь бы не видеть его. Теперь у нее появился союзник в лице Маркуса.

Маркус без обиняков высказал то, что думал.

- Ты безумец, Алекс, ты зашел слишком далеко. Ты всех огорчаешь. Мама не выходит из своей комнаты с тех пор, как здесь побывал сэр Эдмунд. А теперь ты еще обрушил на наши головы все эти сплетни. Самое разумное - откупиться от нее и отпустить, а то, что ты задумал, придется выполнить иным способом.

- Ты же знаешь, я никогда не был разумным, - возразил Алекс.

- Иными словами, всегда поступал по-своему и получал то, что хотел, - рявкнул Маркус.

- Я и впредь собираюсь так поступать, брат мой. Имя Девени выстоит. А тебе советую держать свое мнение при себе.

- Прекрасно. Разговаривать с тобой, как всегда, невозможно. Буду молиться за тебя, Алекс. Чувствую, что только Господу дано проникнуть в твою душу. - Он кивнул Франческе. - Я и за вас буду молиться, Сара. Надеюсь, что вы найдете в себе силы изменить свой греховный образ жизни.

Франческа отвернулась, и Маркус покинул комнату. Ложь на лжи, и ей не видно конца. Она должна признаться Маркусу, должна довериться ему прежде, чем ей снова придется танцевать.

Но ведь Сара никогда не отказалась бы от шанса заработать деньги или выставить себя напоказ перед толпой.

Сара танцевала бы.

- Сплетни Кардстона лишь разожгут их аппетит, - нарушил тягостную тишину Алекс. - Бьюсь об заклад, сегодня я получу новое предложение.

- Я бы лучше пошла в тюрьму, - прошептала Франческа.

- Вовсе нет. Поверь, ты предпочла бы танцевать. Ты предпочла бы делать все, что угодно, даже со мной. И подумай о деньгах.

Да, деньги. Она не может не считаться с этим. Четыреста фунтов, спрятанные у нее на груди, - это путь к свободе и к новой жизни.

Если она сумеет убежать от Алекса. Если сумеет найти Кольма.

- Вы не сказали, что для вас так важно, милорд. «Ты», - подумал он и тут же прогнал эту мысль.

- Какое это имеет значение? Ведь тебе платят, у тебя есть все необходимое.

Франческа открыла рот, чтобы сказать, насколько это для нее важно, и снова закрыла его. Для Сары это не имело бы значения.

- Просто любопытно узнать, ради чего я рискую своей честью.

Алекс моментально подумал о десятке причин, в том числе о его задании искоренить зло, обосновавшееся в Англии, возможно, где-то совсем рядом.

Но сказал совсем другое:

- Ради меня.

- Вы этого не стоите, - пробормотала она.

Он мгновенно напрягся. Она снова отмахнулась от него.

- Постараюсь повысить свою цену. Как же соблазняют куртизанку? - Она пожала плечами.

- Как вам будет угодно, милорд.

Она все же перехитрит его. Она не будет танцевать - никогда и ни за что.

Алексу хотелось встряхнуть Сару. Ее пустой, бездушный взгляд приводил его в бешенство. Ее ничто не волновало, по крайней мере, так казалось. Она была его марионеткой, его куклой, которой он мог манипулировать, как пожелает.

Он хотел заманить ее в свои объятия, в свою постель. Заставить ее реагировать на него. Но даже после их вчерашней стычки в карете она оставалась совершенно безразличной.

И это еще больше выводило Алекса из себя. Сара умела разжечь воображение мужчины. Чем холоднее была она, тем неистовее он ее желал. Это была для него настоящая пытка - находиться с ней в одном доме, в одной комнате, в одной постели. Но менять он ничего не хотел.

Она принадлежит ему, и если ее можно удержать только угрозой тюрьмы, то пусть так пока и будет.

- Думаю, мы понимаем друг друга, Сара. Ты можешь свободно бродить по Миэршему, если хочешь. Но пойми: за тобой все время будут следить, так что любая попытка бегства бессмысленна.

- Милорд способен предусмотреть все, кроме подлой природы мужчин.

- С которой ты, должно быть, давно свыклась, не так ли, Сара? Не нужно прикидываться застенчивой девственницей, миледи. Любой мужчина знает, что ты собой представляешь; они пожирали глазами твое нагое тело, умоляли тебя о милостях - от Парижа до Марракеша и, судя по всему, получали их. - Алекс все больше распалялся при мысли о тех мужчинах, которых она одарила своей благосклонностью, о тех, кто познал ее.

- Ты с наслаждением красуешься перед ними, их безумие приводит тебя в восторг. Так было вчера, так будет завтра и все последующие дни. Тебе нравится доводить их до полного изнеможения, когда они валяются у тебя в ногах.

Таково было его представление о Саре Тэва. Слепленный, он не понял, что перед ним совсем другая женщина. Не пытался понять.

- Знаете, от всего можно устать, милорд.

- Замечательное высказывание из уст такой скандальной личности, как ты. Надеюсь, ты понимаешь, что, если тебя поймают с этими бумагами, пощады не будет.

Значит, его по-прежнему занимают бумаги. Он не забыл о них и ни за что не выпустит ее из своих сетей.

- О, снова эти бумаги!

- Нечего притворяться, ты лучше всех знаешь, что придется дорого заплатить за тайный ввоз в страну бумаг, содержащих государственную тайну.

- Не дороже, чем за то, что я стала вашей сообщницей, - возразила она.

- Это намного безопаснее, черт возьми, - рявкнул он, и в душе Франческа с ним согласилась. Только никто не принял бы ее за Сару, как Алекс, тогда в Берлине. Ее спросили бы, кто она такая и что делает в комнате знаменитой танцовщицы. Но не стали бы интересоваться Кольмом. Она пожила бы в Берлине до тех пор, пока не закончила портрет генерала, и вернулась в Англию ждать Кольма.

Но все обернулось самым неожиданным образом. Этот безумец захватил ее - Сару - исключительно для того, чтобы использовать в своих целях: чтобы попасть в дома некоторых вельмож, непонятно зачем. И он не отпустит ее потому, что эти бумаги, что бы там в них ни было, все еще очень важны для него.

Он по-прежнему искренне убежден, что бумаги у нее, у Сары.

Только каждый момент этого сценария был реальным.

- Сара... - Что?

- Ты не глупа.

- Да, милорд. Благодарю вас. Чего не скажешь о вас. - Алекс в раздражении хватил кулаком по столу.

- Тебе нужно лишь отдать мне бумаги.

- Я уже говорила вам, что у меня, их нет.

- Никто этому не поверит после того, что ты сделала для Кольма.

Франческа застыла. О Боже... снова Кольм...

- Он не появлялся. Я была больна. Почему мы опять все это обсуждаем?

- Потому что я не получаю то, чего хочу, - с какой стороны ни посмотри...

Его слова, полные двусмысленности, повисли в тишине.

- Потому что... - Ее голос прозвучал резко, даже гневно. Алекс встал со стула и склонился, приблизив лицо к ее лицу.

- Потому что мне нужно то, чего я хочу, - а хочу я *тебя*.

- Милорд не любит, когда его прихотям не потакают? Животным, перед которыми я вчера танцевала, это тоже не нравилось.

- Но в отличие от них я могу себя сдерживать. А вот ты, судя по тому, что я видел, не можешь.

Итак, он безжалостен к Саре, хотя страстно желает ее. Что же, теперь она знает, как вести эту игру. Слова тоже имеют власть...

Остановись, не нужно отвечать угрозами на угрозы, потому что придется их выполнять.

Мне все равно. Хочется задеть его за живое, и я сделаю это, несмотря ни на что. Что может быть страшнее вчерашней ночи?

- Вы имеете в виду вчерашний вечер, милорд? Считаете, что мой танец был непристойным, слишком откровенным? Дождитесь следующего выступления. И вы увидите настоящую Сару Тэва - полностью раскрепощенную. Надеюсь, на сегодня все, милорд?

Алексу захотелось сжать пальцами ее гибкую шею, чтобы она замолчала. Он просто не выносил этот ее высокомерный, насмешливый тон. Он бросился к ней, когда она вызывающе встала, рывком привлек к себе и накрыл ее губы своими губами, погружаясь все глубже в мир чувственности и желания.

И она, открывшись перед ним, как истинная обольстительница, уступила его жаркому натиску, давая ему ощутить сладость ее поцелуя, даря ему, всего на одно мгновение, власть над собой. И тут же неторопливо отстранилась, мягко и скромно, словно девственница.

Алекс почувствовал, как жгучее желание раздирает все его тело.

Она опасна. Гораздо опаснее, чем он предполагал.

Сара Тэва должна ответить за многое, подумал он со злостью. Она уверена, что довела его до крайности и что он находится во власти собственной похоти. Но она еще узнает, что он в силах побороть собственное желание.

И что в этом сражении воли и чувств ей никогда не победить.

Недаром говорят, что добрые дела вознаграждаются, решила Филиппа, завершив благотворительные визиты и возвращаясь, домой.

Маркус, разумеется, был на месте, как всегда погруженный в какую-то книгу, в надежде почерпнуть оттуда очередную глубокую мысль для новой проповеди.

- Маркус, милый, - мягко сказала она, подходя к нему и положив руку ему на плечо.

Он похлопал ее по руке.

- Да, дорогая?

Сердце ее заколотилось, она никогда не лгала и не знала, способна ли на это. О да, конечно, способна, ради того, чтобы вновь очутиться в объятиях незнакомца.

Ее сердце больно сжалось, когда она сказала:

- Я закончила все дела на сегодняшнее утро. День так хорош, пойду, прогуляюсь.

- Упражнения - замечательная идея, - рассеянно пробормотал он.

- Вернусь где-то через час.

- Я подожду, дорогая.

- О, я это знаю, я знаю...

Филиппа, даже не переодевшись, выскользнула из комнаты. Времени совсем немного. Ей придется идти к домику кружным путем, чтобы никто не заметил ее.

А если заметят, все должно выглядеть так, словно она просто прогуливается. Поэтому торопиться нельзя, хотя она готова была мчаться со всех ног к своему возлюбленному.

Если только это не сон. Даже сейчас, после того, как она повела себя столь непристойно, Филиппа думала, что, возможно, это просто плод ее фантазии.

Она едва не споткнулась, торопясь к домику. Коттедж Висмара, так его называли в округе. Домик обычно сдавали в аренду городским жителям, желавшим подышать сельским воздухом, подальше от городской суеты.

Кто он? Но разве это важно?

Филиппу затрясло, когда она подошла к двери. Иначе и не могло быть. Она никогда не сможет прийти к нему с гордо поднятой головой, и открыто назвать его своим любовником.

И когда-нибудь он, конечно же, уедет.

Она повернула ручку, и дверь распахнулась. Филиппа вошла в тускло освещенную кухню. Затем дальше, в гостиную, где были опущены шторы и горели ароматические свечи.

В этом пристанище ничто не могло им помешать, даже реальность жизни.

Он кое-что существенно поменял в обстановке. Исчезли жесткие диваны и стулья.

Теперь перед камином стояла широченная кровать с толстыми, мягкими матрасами, на которых он будет до самозабвения вонзаться в ее податливое тело.

И сейчас он ждал ее, обнаженный, охваченный безудержным желанием.

- Вот что ты со мной сделала, - сказал он севшим от похоти голосом. - Я не мог спать. Моя плоть так возбуждена, так разгорячена, что еще немного, и я взорвусь. Умоляю: подойди, прикоснись ко мне, моя богиня, докажи, что любишь меня.

Она судорожно сглотнула; все тело запылало при одной лишь мысли о предстоящем наслаждении.

- Что ты сказал?

Его глаза потемнели, тело судорожно дернулось.

- Умоляю, сжался надо мной. - Его бедра дернулись, и тело Филиппы мгновенно откликнулось сладостной влагой в ее лоне.

Он умоляет ее. Он хочет погрузиться в нее. Разве может женщина отвергнуть такую мольбу?

Он весь в ее власти - пульсирующий, напряженный, страстно желающий ее... Она не могла оторвать взгляд от возлюбленного, о котором так долго мечтала, и вдруг у нее перехватило дыхание.

Нет, у нее нет времени любоваться им. Либо она будет вожделенно взирать на его набухшую плоть, либо позволит ему глубоко вонзиться в нее. Она еще успеет дразнить и искушать его. А сейчас надо наслаждаться.

Филиппа задрала юбки и взобралась на постель, предоставляя ему возможность делать с ней все самое непристойное, что только может подсказать ему воображение.

Глава 12

Франческа выбежала на свежий воздух, и Алекс медленно вышел в коридор, желая убедиться, что она действительно покинула дом.

Он давно ждал возможности порыться в ее вещах, и сейчас решил воспользоваться моментом. Он не вынесет еще одной ночи в одной комнате с ней, если не узнает правду об этих бумагах.

Перескакивая через ступеньки, он взбежал наверх. Дверь спальни была приоткрыта - это Агнес приходила прибираться, и было так странно, что Сары там нет.

Неужели они вернулись из Берлина всего неделю назад? Ему казалось, что прошла целая вечность. И все это время он добивался ее. Бедный Уильям, как он мог это выносить?

Бедный, влюбленный Уильям. Эта жестокая женщина обманывала его ради денег, использовала как прикрытия для своих тайных махинаций. Вполне вероятно, что Кольм организовал его убийство, учитывая все то, что рассказала Сара. И если Кольм и ее использовал...

Он не хотел думать о последствиях подобного варианта, и недоумевал, почему ему хочется верить, что она невинна, что все, что она рассказала ему, - не хитрое переплетение лжи. Она призналась, что знает Кольма и работает на него. Она ждала доставки бумаг. Она хладнокровно соблазнила Уильяма, чтобы с его помощью проникнуть в Англию с единственной целью - передать по назначению бумаги.

Но, прежде всего она была искусительницей, сиреной, иллюзией.

Мечтой.

Он должен быть сильным, решительным, даже жестоким. Не допустить, чтобы мечта встала на его пути.

Он стал выдвигать ящики шкафа, где хранились костюмы Сары.

Сверкающая иллюзия из кисеи и газа. Скрывающая и обнажающая. Суть и сущность Сары Тэва.

Перебирая костюмы, Алекс увидел те, в которых она для него танцевала, и судорожно провел рукой по тонкой ткани.

Бумаг он не обнаружил; разве что блески содержали какой-то тайный код. Будучи достаточно подозрительным, такую возможность он не мог исключить.

Он принялся рассматривать костюмы, которых еще не видел. Один состоял из крошечных чашечек и прозрачных шаровар, разрезанных по бокам, от чего воображение Алекса тут же заработало в полную силу. Еще здесь был пояс и лиф из полых, соединенных между собой шелковых колец, которые не закрыли бы и родинку, не говоря уже о миллиметре кожи; крошечная кружевная накидка, явно набрасываемая на голое тело; пояс с подвязками и нагрудные чашечки из кружева и тонких золотых колец; лифчик из тончайшей сетки, расшитой сверкающим бисером, который едва прикрывал соски.

Эти прекрасные, тугие соски – он потер пальцем вышивку, и его обдало жаром.

Он подавил желание и засунул костюмы обратно в ящики. Не хватало только мечтать о сосках Сары, когда они доступны любому – за определенную цену.

Дальше была одежда, пропитанная ее запахом. Все черное, чопорное, достойное. В карманах пусто. Среди юбок и нижнего белья он тоже ничего не нашел. Белье было скромным, из муслина и хлопка, ничего эротичного, не то, что костюмы, в которых Сара демонстрировала свою наготу за деньги.

Почему же он так возбудился, полыхая, словно пламя? Почему плоть стала твердой, как камень?

Алекс занялся чемоданами в поисках потайных мест под подкладкой, под замками, между слоями тонкого, потертого картона.

Ничего роскошного у Сары Тэва нет. Ни денег, ни драгоценностей. Все ушло. Теперь эта женщина на все готова, чтобы остаться живой легендой.

Все в ее рассказе сходится – и не сходилось.

В верхнем ящике туалетного столика Алекс нашел золотые цепочки, которые во время танца обхватывали ее руки, свисали в ложбинке между грудями. Ему казалось, что он прикасается к ее телу, ощущает нежность и бархатистость ее кожи.

Ему хотелось заковать ее в эти цепи, приковать к своей постели, своему телу, своей душе. Боже, он погиб. Стоило закрыть глаза, и воображение рисовало ему одну и ту же картину: Сара совершенно голая скользит по сцене.

НЕТ! Черт побери, нет! Он не имеет права... И тут его плоть, не выдержав испытания, излилась.

– О Боже, мы тут уже целую вечность, – простионала Филиппа. – Мне пора. Меня будут искать.

- Это я тебя ищу, - пробормотал он, снова заваливая ее на постель. - Разве тебе не нравится, как все придумано? Нам и шевелиться не надо. Не уходи!

- Я должна идти. - Филиппа села и стала судорожно одеваться.

- А что он за человек, твой муж? - словно невзначай спросил он и тут же спохватился: - Нет, я поклялся не задавать вопросов...

- Он очень спокойный, очень добрый, - ответила Филиппа. - Очень... совсем лишенный воображения.

- Ну конечно, я мог бы и догадаться.

- Поглощен идеей греха.

- Неужели? И при этом даже не подозревать о том, что творится у тебя в душе.

- Узнай он, ему наверняка стало бы дурно.

Филиппа поднялась, одернула платье, хотя вряд ли ему можно было придать свежий вид после того, как оно несколько часов провалялось на полу.

- Муж проявляет любопытство только к чужим тайнам.

- Однако твои грехи ничто по сравнению с тем, что говорят о женщине, которая гостит сейчас в Миэршем-Клоуз, - заметил он. - Вот это штучка! Ты просто святая, если то, что я слышал, правда.

- Ручаюсь, что это правда, - сказала Филиппа наигранно безразличным тоном. Ей не хотелось говорить о Саре; ему незачем знать, что она как-то с ней связана.

Он почувствовал, что она отдалилась, и привлек ее к себе.

- Ты ангел. Ты - амазонка.

- А ты, - она накрыла рукой его возбужденную плоть, - ты бычок, любовь моя.

- О Боже, не уходи.

- Не искушай меня... - взмолилась она.

- Это ты меня искушаешь, - прошептал он, прижимая ее к стене. - Подними платье, моя амазонка. Ты не можешь уйти, пока я еще раз не возьму тебя.

Наконец-то она освободилась от него, размышляла Франческа, вот уже полчаса бродя по землям Миэршема. Только от него, потому что повсюду за ней неотступно следили невидимые глаза.

Но не он. Только не он.

Она присела у небольшого пруда, плеснула водой в разгоряченное лицо и осмотрелась. До самого горизонта простирались изумрудные луга.

День выдался великолепный; ярко светило солнце, в небе не было ни облачка. Идеальный образец настоящего летнего дня в Англии.

Франческа сжала кулаки. Как опрометчиво было с ее стороны выдать себя за совершенно непохожую на нее женщину, взять на себя ее грехи и пытаться ей во всем подражать. И все из-за того, что Алекс ей угрожал, пытаясь подчинить ее себе.

В этот погожий солнечный день все, что она делала на протяжении последней недели, показалось ей легкомысленным, безответственным и непорядочным. Даже само нахождение в его доме. Она чувствовала, что изменилась, притворяясь Сарой. Иначе и быть не могло.

Она оказалась уязвимой и только сейчас начала понимать и ту власть, и ту страсть, которыми обладала Сара.

Особенно власть.

Боже! Она могла подчинить себе всех этих мужчин одним движением бедра. От сознания этого кружилась голова даже у нее, неопытной и неискушенной.

И потом, взять власть над таким, как Алекс Девени...

Она не думала, что вынесет его поцелуи, потому что ненавидела его.

Но эти поцелуи... эти поцелуи вызывали еще неведомые ей ощущения. Эти поцелуи дразнили, будоражили и заставляли желать большего.

Что она знала о поцелуях? Все, чему она научилась, это лишь демонстрировать свое тело. И поняла, что это тело сводит его с ума.

Возможно, это и неплохо. Но что нашло на нее утром, когда она решила бросить ему вызов и в итоге оказалась в том же самом положении, что и раньше?

Он. Его высокомерие. Его самонадеянность.

И все это таинственное дело с Кольмом.

Еще раз, подумала она, вставая. Всего только раз она сможет выставить себя на всеобщее обозрение и получить за это сто фунтов. Исключительно для того, чтобы он убедился в ее порочности. Ведь именно такой он ее считает?

Она что, сошла с ума? Неужели она хочет его спровоцировать?

Он и так уже доведен до предела, балансируя между любопытством и одержимостью. Доведен Сарой.

Нет, ею, Франческой.

Это власть женщины...

Она повернула к дому. С холма заметила фигуру, то пропадавшую в тени, то вновь появлявшуюся, которая двигалась крадучись. У Франчески мурашки побежали по телу.

Это оказалась женщина. Рассмотрев ее, Франческа узнала Филиппу. Она прячется? Или просто пытается избежать встречи с ней?

Филиппа сбилась с ноги, заметив Франческу. Но это было лишь минутное замешательство. Ей нечего бояться. Сара не могла видеть, откуда она вышла. И все же Филиппа задрожала. А что, если видела?

О Господи, она не вынесет скандала именно сейчас. И убьет любого, кто помешает ей посещать этот милый сельский домик.

Надо отвлечь Сару, чтобы не задавала вопросов.

- Добрый день, Сара, - поздоровалась Филиппа. - Прекрасный день для охоты на самца. - Она намеренно пошла к дому другой дорогой.

Всегда в раю найдется змея, готовая ужалить, раздраженно подумала Франческа. Впрочем, много она и не ожидала. Филиппа ненавидела ее, ненавидела Сару.

Только... только почему-то сегодня Филиппа была какая-то другая. Франческа обернулась и посмотрела ей вслед. Что-то изменилось, но она не могла понять, что именно.

И вообще ей до этого нет дела.

Вернувшись с прогулки, Франческа столкнулась у дверей с Джудит.

- Бог мой, - застонала Джудит, опираясь на перила. - «Оно» еще здесь. «Оно» преследует меня. Сгинь! Сгинь! Алекс!

Тут же появился встревоженный Уоттен.

- Мадам, мадам...

И Алекс, сбежавший вниз по ступеням.

- Ради Бога, мама...

- Я думала, никакой опасности нет. Решила пойти в гостиную моего собственного дома и провести время за шитьем - и смотрите, кто вошел в парадные двери. Объясни, Алекс. Почему это создание все еще в моем доме? Я считала, что ты откупился от нее.

Алекс был вне себя.

- Отведи ее в гостиную, Уоттен, и принеси ей чаю. Пошли кого-нибудь за Филиппой, чтобы составила ей компанию. А ты, - он указал на Франческу, - пойдешь со мной.

Она мгновенно напряглась:

- Это обязательно?

- Обязательно. - Алекс схватил ее за руку и подтолкнул к библиотеке. - Тебя нельзя выпускать одну из дома. Ты опасна.

- Возможно, - пробормотала она. - Чего вы хотите? - Тебя...

Он подавил свои низменные инстинкты.

- Рассказать о записке, полученной с почтой. Аластэр, как всегда, проявил деловую хватку. Я

не рассказывал об Аластэре? Он не выносит, когда кто-то его опережает. Таков наш Аластэр. Его способность распространять сплетни обернулась для нас целым рядом приглашений.

Франческа опустилась на стул.

- Чего вы добиваетесь? - Тебя...

- Завтра вечером едем в Тафтонборо. В дом Селфриджа. - Оказалось, Аластэр продумал все. Он желал сидеть только в первом ряду, несмотря на свою нетрадиционную ориентацию. Исключительно потому, что хотел везде быть первым. Он пришел в ужас, узнав, что пропустил дебют Сары Тэва. И сейчас всеми силами старался исправить эту оплошность, играя тем самым на руку Алексу.

- Почему вы не хотите сказать мне, в чем дело? - Алекс переложил бумаги на столе, потом взглянул на нее.

- Потому что это не обязательно тебе знать. - Она долго смотрела на него.

- Дело не в этом. Просто вы считаете, что я уже все знаю.

- А ты знаешь? - вкрадчиво спросил Алекс. Он перерыл все ее вещи, ничего не нашел, но по-прежнему считал, что она знает, где бумаги.

- Сколько раз мы будем к этому возвращаться?

- Много раз. У нас масса времени, Сара. Ты никуда не денешься. И я узнаю правду.

Она поежилась.

- Вашу правду.

- Любую правду. В том числе и правду Сары Тэва. Просто интересно, какова она, эта правда?

О, вот и наступил момент - прекрасная возможность рассказать ему все. Как он отреагирует, если узнает, что она вовсе не Сара?

Нет, не сейчас, надо еще подождать.

- Танцы Сары. Вот все, что она, по-вашему, умеет.

- Нет, не все, - пробормотал он, и перед его глазами мгновенно возник образ Сары, которая танцует перед мужчинами, а потом отдается им во всех мыслимых и немыслимых позах.

Эта женщина в своем скромном траурном платье способна совратить и святого.

- О да, я знаю, что вы думаете, - язвительно заметила она.

- Я знаю то, что знаю, Сара, и это лишь затишье перед бурей.

Что он имеет в виду? Свои необузданные желания или фурор, который произведет ее танец? Все это так тесно переплелось. И не в ее силах распутать этот узел.

Ей все труднее противостоять Алексу.

Алекс, в свою очередь, не знает, что делать с ней, с этим ее самоуверенным, холодным видом, который буквально бесит его. Она загадка, которую он не может разгадать. Отступить тоже не может.

Как же соблазняют искусительницу?

Алекс заметался по библиотеке, не в силах думать ни о чем другом.

- И все же солнце по-прежнему сияет, ничто не предвещает бурю, несмотря на прогнозы сэра Алекса Миэра, - язвительно сказала она. - Зачем вам ехать в Тафтонборо, Алекс? Наверное, собираетесь искать там что-то очень важное, если я снова понадобилась вам, чтобы отвлекать этих мужчин?

Он подошел к ней, склонился и прикоснулся к ее губам.

- Для меня нет ничего важнее этого. - Франческа не отстранилась. Тогда он приник губами к ее губам, и она раскрылась ему навстречу, словно бутон. - И вот этого... - Он обхватил ладонями ее лицо и еще крепче прижался к ее губам, вовлекая ее в головокружительный водоворот страсти.

Ему казалось, что какая-то сила затягивает его в омут, и он не может ей противостоять. И этой силой была она, в плотно облегающем фигуру платье, ее крепкая, высокая грудь и завораживающие губы.

Алекс вновь был совершенно очарован и на этот раз почувствовал в ее поцелуе зарождающееся желание.

Казалось, и она не может совладать с собой.

Свежо предание... Ни одна женщина не умела владеть собой так, как Сара. И сейчас он мог наслаждаться лишь этим моментом полного обладания ее губами.

Он мягко привлек ее к себе. Она не сопротивлялась, и он, обнимая ее, почувствовал ликование.

Она была идеальна для него - идеальна. Словно создана для него, для его крепкого тела. Создана для любого мужчины... Эта предательская мысль подкралась внезапно.

Она способна заставить мужчину забыть обо всем, но лишь на какой-то момент. После чего реальность обрушивается на него подобно урагану.

Он отстранился, удерживая ее рукой за талию, все еще чувствуя сладостный вкус ее губ.

Она выглядела слегка ошеломленной, губы ее приоткрылись, глаза мерцали чувственным светом.

- Вы нашли, что искали? - прошептала она, вдруг остро ощутив его жар, его могучее тело, его руку на плече. Увидела свет, струящийся в окна, услышала голоса за открытой дверью.

Голоса Уоттена и Филиппы. И обеспокоенный голос Маркуса.

Но в волшебном мире объятий Алекса она чувствовала себя защищенной. Этот головокружительный поцелуй превратил ее во Франческу Рэй, она снова стала самой собой.

Сара проглотила бы такой поцелуй, словно конфетку, даже не распробовав, целиком.

А Франческа Рэй не могла себе такого позволить.

Она распрямилась, желая показать, что ей не нужны ни его поцелуи, ни его власть над ней. Его рука заскользила по ее руке, по груди, к запястью, претендуя на то, чего она не желала отдать.

- А ты? - пробормотал он, когда она отстранилась, с недоумением глядя на него, и добавил: - Нашла что хотела?

«Да, - подумала она, вскинув брови, как это сделала бы Сара, словно не поняла, о чем речь. - Я нашла тебя».

Алекс ничего не мог с собой поделать. Его неотступно преследовали воспоминания о поцелуе, о ее теле в его объятиях, и при малейшей возможности он стремился остаться с ней наедине.

- Вероятно, миледи пожелает осмотреть окрестности, - предположил он, когда Уоттен вошел доложить, что ленч подан. - Ты едешь верхом?

Он не ожидал утвердительного ответа. Но движимый какой-то дьявольской силой, задал этот вопрос, чтобы подчеркнуть свое превосходство над ней, как-никак он пэр Англии, а она распутница низкого происхождения. Казалось, он стыдился своих чувств к ней. Хотел увезти ее из дома и овладеть ею.

Или, по крайней мере, убрать ее с глаз Джудит и Филиппы.

- Вы же знаете, что я не езжу верхом, - холодно ответила она, словно прочитав его мысли.

- Жаль, - пробормотал он. - Ну, тогда возьмем коляску с пони. Уоттен, распорядись, пожалуйста.

- Хорошо иметь дворецкого, - пробормотала Франческа. - И как только люди обходятся без него?

- Тебе это, полагаю, известно.

Она встретила его сверкающий взгляд с той же безмятежностью, что и раньше.

- Полагаю, да. - Тетя Ида была противницей столь фривольной демонстрации их положения. Она считала, что можно обойтись кухаркой, домоправительницей, служанкой для верхнего этажа и сезонными работниками. Все остальное делалось по книге миссис Битон.

Алексу вряд ли доводилось слышать нечто подобное; тема была исчерпана, но Алекс так смотрел на Франческу, что ей показалось, будто он пригвоздил ее своим взглядом к месту.

К счастью, Уоттен был расторопен. Проводил Джудит, Филиппу и Маркуса в столовую и одновременно приказал подать коляску, чтобы они больше не столкнулись с Франческой.

И даже не забыл о соломенной шляпе для Франчески, заботливо положив ее на сиденье.

- Без кучера? - пробормотала она, усевшись у низкого бортика коляски.

- Я не безрукий, чтобы не справиться с этой старушкой, - сказал Алекс, похлопывая ладонью запряженную в коляску кобылу. Он устроился рядом с Франческой, заняв почти все узкое сиденье, и дернул вожжи. Коляска неторопливо покатила вдоль дома, к полям.

Это было роскошное, тщательно ухоженное имение, с сотнями акров земли, которая возделывалась как самим Алексом, так и десятком арендаторов, живших в аккуратных уютных домиках, разбросанных тут и там. Они давно миновали тот пруд, у которого она уже побывала, и сейчас ехали по дороге, ведущей в глубину парка Миэршема.

Парк был поистине сказочный, темный и светлый, грозный и спокойный. Плечо Алекса касалось ее плеча. Они были одни в этом волшебном лесу, а злая ведьма Джудит осталась в замке! Кто знает, что она там наколдовала, какие заклинания набормотала, какие чародеи прячутся за деревьями?

Алекс был кудесником, с его опасным ртом и недоверчивым взглядом. Он хотел одного, верил в другое и пытался соединить эти противоречия в единое целое, чтобы понять ее.

А Франческа была чаровницей, околдованной им.

Чего никак не могла себе позволить.

Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев, хлопаньем крыльев, пением птиц, журчанием воды в ручейках, стуком копыт кобылы.

Алекс был так близко, слишком близко. Ему не нужны слова. Она и так видит все, что окружает ее: богатство, нажитое поколениями, гордость обладания этой землей, привилегиями и рождением.

Он изо всех сил старался преодолеть свое влечение к ней, изгнать ее из своей жизни. На какое-то мгновение ей показалось, что он хочет избавиться от нее здесь, в лесу.

Но Сара будет преследовать его – он это знает. Он остро чувствовал ее близость. Она тщательно скрывала свое любопытство, лицо ее оставалось безмятежным, и он вновь ощутил раздражение от того, что ей нет дела до земли его предков, его семейной гордости.

Но его желание обладать ею не ослабевало. Он добьется своего и отошлет ее прочь.

Алекса раздирали самые противоречивые чувства. В нем боролись два желания: овладеть ею и оставить ее в покое. Он понимал, что она для него опаснее Евы.

Вероломная, хитрая... скользкая, как змея, она впиалась в его душу своим ядовитым жалом, отравила его кровь...

Он должен освободиться от нее...

Он судорожно сжал поводья, резко развернул кобылу и направил в ту сторону, откуда они приехали. Быть может, там их ожидает мрак и невыносимая боль?

Черные тучи заволокли небо. Надвигалась гроза.

Если он снова поцелует ее, не сразит ли его молния?

Предзнаменования и предостережения – и Сара была средоточием их.

Франческе тоже было не по себе. Она чувствовала, что Алекс сгорает от желания, сопротивляется ему, жаждет завладеть ее душой.

Борется с ее желанием противостоять ему, защитить себя и сохранить секреты Сары, чего бы

ей это не стоило.

И ей придется дорого заплатить, потому что она уже назвала цену, поступилась всеми нравственными принципами, на которых воспитывалась. Путь до падения совсем короткий, скорее она превратится в Сару не только на словах, но и на деле.

Но она уже все для себя решила; главное сейчас – удержать Алекса на расстоянии.

Хотя Сара выбрала бы совсем иное.

Как скоро наступит момент расплаты?

Возможно, скорее, чем они доедут до дома. Пламя чувственности уже полыхало, и укрыться от него ей было некуда.

Она вдруг почувствовала себя в западне – а он еще ни словом, ни жестом не выдал своих намерений.

- Я хочу пройтись, – сказала она, и в тишине ее голос прозвучал как-то вымученно.

- С чего это, Сара? До дома еще добрых две мили. – Она боялась взглянуть на него.

- У меня все тело затекло. Мне нужно размяться. – Ее страшила его близость и собственная беспомощность.

- Это не то, что тебе нужно.

Она вся сжалась. Ну вот, ей снова придется сопротивляться его натиску. Это просто невыносимо. Уж если быть честной, то не это ей нужно.

Но она все еще не знала, хочет ли его.

Он почти слился с ее телом – так близко он сейчас был, так грозен, так разгорячен. Он мог бы взять ее прямо здесь, в этом лесу, и никто не услышал бы ее стонов.

Но этого она тоже не хотела, а все возможности сопротивления уже исчерпаны.

Молчание и презрение – вот ее оружие.

- А что, по-вашему, мне нужно, милорд?

Тут он повернулся, и она поняла, что ей не укрыться от этих горящих глаз и его неутолимой жажды обладать ею. И что он привез ее сюда именно затем, чтобы околдовать, беззастенчиво соблазняя поцелуями.

Он приподнял рукой ее подбородок.

- Вот что, – пробормотал он, скользя пальцами по ее бледной, нежной коже. – Вот что, – он провел пальцами по ее презрительно сжатым губам, – и вот что, – он припал губами к ее губам в нежном поцелуе, и волна удовольствия захлестнула ее.

Всего лишь поцелуй, и она в смятении.

- Мне нужно одно, – заявила Франческа, – взять заработанные деньги и исчезнуть.

Совсем не таких слов он ожидал в это почти романтическое мгновение; но ничего другого и нельзя было ожидать от нее. Она ничего не подарит. Ей за все надо платить. Сначала он застал ее врасплох, но теперь она уже подсчитала, какую выгоду ей сулит его желание обладать ею, и сумма получилась кругленькая.

Его охватило знакомое чувство ярости.

- Я еще не закончил с тобой, Сара Тэва. - Его голос дрожал от негодования. Эта шлюха не желает подарить ему даже поцелуй при свете дня. - Это только начало. - Он дернул вожжи, и кобылка затрусилась к дому. - И клянусь, Сара, ты будешь молить Бога, чтобы не наступил конец.

Глава 13

Теперь Франческа считала часы до поездки в Тафтонборо. Она нависла над ней, словно дамоклов меч. Сара Тэва вновь должна танцевать. Или это - или тюрьма. Еще сто фунтов или смерть.

Ожидание этого вечера витало в воздухе весь день и во время обеда, закончившегося катастрофически. Джудит демонстративно отказалась обедать, а Филиппа вплыла в обеденный зал с опозданием.

- О, леди Сара сегодня обедает дома. А у Алекса такой вид, словно он хотел бы пообедать ею. Дорогой, я что-нибудь пропустила?

- А где ты была? - спокойно поинтересовался Маркус.

- В деревне, дорогой. Ты закончил свою проповедь?

- Эта задача становится все труднее и труднее в свете того, что происходит в моей собственной семье, - посетовал Маркус. - Разве можно в такой ситуации требовать соблюдения нравственных устоев? Я сделал все, что мог. И, возможно, изменю проповедь завтра. Передай, пожалуйста, овощи.

- Дорогой Алекс, - взмолилась Филиппа, - нельзя ли закончить этот спектакль? Ты поставил нас в щекотливое положение.

Алекс приподнял брови.

- Не понимаю, что ты имеешь в виду. А ты, Сара?

Да, судя по всему, вечер не сулит ничего доброго. А Франческе еще нужно было пережить предстоящую ночь наедине с Алексом и его необузданными желаниями.

Она так устала притворяться Сарой, так устала бояться, что они - особенно Алекс - разоблачат ее.

Она долго не выдержит такого напряжения. Ей нужно прекратить весь этот фарс до завтрашней ночи.

Она с тоской оглядела пустой коридор, когда Алекс вел ее в свою комнату.

Ни одного слуги, никто не следит. Часы в библиотеке пробили девять. Будь у нее время... пятнадцать минут... хотя бы десять минут... она даже не стала бы укладывать чемодан. Взяла

бы деньги и быстрее молнии выскочила за дверь.

Но у нее нет этого времени...

Уоттен появился из-под лестницы, как всегда начеку. Преданный дворецкий, которого невозможно купить. Это так замечательно!

Франческа знала, что этим вечером все будет иначе. Все изменилось – за каких-то два дня.

Она изменилась.

Алекс заметил вспыхнувшее в ней желание, свойственное скорее Саре, этой роковой женщине.

Франческа не была роковой женщиной. Не знала, как ею стать. Да и не хотела.

Алекс втолкнул ее в спальню и Демонстративно запер за собой дверь.

Франческа устало опустилась на постель.

Еще одна ночь. Еще один ужасный, бесстыдный танец. Она этого не выдержит. Алекс между тем отправился в гардеробную и через несколько минут появился с одним из костюмов Сары в руках.

Он швырнул его на постель – пояс и полоску из плетеных атласных колечек.

- Ты наденешь это завтра вечером. А сейчас – для меня.

Франческа закрыла глаза. И тут же открыла, вздрогнув, когда что-то довольно увесистое упало ей на колени.

Деньги. Он хотел купить то, что желает, у женщины, готовой продать все, что у нее есть. Даже самое себя.

Что же ей теперь делать? Это не тот случай, когда можно подразнить, поискушать, а потом закрыть дверь. После той встречи днем, после тех поцелуев пути назад нет.

Она вошла в гардеробную и стала раздеваться. Теперь его невозможно было сдержать. Куртизанка с такой дурной славой не могла сказать «нет» выгодному клиенту. Могла лишь помучить его ожиданием.

Алекс испытывал такое же возбуждение, как и тогда, когда впервые заставил ее примерять костюмы. Но сейчас ему уже было знакомо ощущение ее стройного тела, сладостный вкус ее поцелуев, и воображение тут же заработало при мысли о том, как она будет выглядеть в этом костюме из прозрачных колечек.

Она раздевается для него. Для него одного.

Франческа приоткрыла дверь гардеробной. Колечки ничего не скрывали; они обхватывали ее бедра и грудь, словно золотые цепи, оттеняя кремовую кожу и соски, отчетливо, чувственно проступавшие сквозь прижатый к груди атлас.

Она не знала, что делать дальше, поэтому взобралась на кровать, прекрасно понимая, что сейчас ее тело предстанет перед жадным взором Алекса во всей красе.

Сара надевала этот костюм, танцевала в нем, сводила мужчин с ума. Франческа чувствовала, как этот костюм действует сейчас на Алекса, стоявшего у двери. Даже на нее он действовал, рождая в голове мысли о порабощении и власти.

Ее тело затрепетало. Вот в чем была суть Сары – капитуляция и власть. Франческа тоже осознавала эту власть, сидя неподвижно, словно сфинкс, под пристальным взглядом Алекса.

Но он хотел большего. Она видела это по его напрягшемуся телу. На этот раз он не собирался держаться от нее на расстоянии. Сейчас это вопрос времени. Как долго он сможет сдерживать себя.

Возможно, если она не шевельнется, он не подойдет?

Наивно было на это надеяться.

Алекс начал медленно приближаться к кровати. Его комната, его кровать, все в ней и на ней принадлежит ему, думал он, сдерживая себя. Все.

Она.

Эти холодные, бездонные глаза, следящие за ним. Это выражение лица недотроги.

О, он хотел прикоснуться к ней. Он хотел поработить ее и заставить умолять. Его угрозы сделали ее более сговорчивой, но холодное, безразличное выражение лица говорило о том, что она никогда не покорится.

Что бы он ни придумывал, что бы ни говорил. Если даже он овладеет ею, она никогда не будет принадлежать ему полностью.

Но это не должно его беспокоить. Он возьмет ее, и черт с ними, с последствиями.

Она следила за ним своими непроницаемыми глазами, когда он сел на постель. Теперь ей некуда деваться. Алекс Девени собирается получить от нее то, что Сара с легкостью отдавала любому мужчине.

Франческа прочла в его глазах настойчивую решимость. Слова тут излишни. Все было ясно с того самого момента, когда она впервые танцевала перед ним.

Он обхватил ее лицо руками, дрожащими от желания. Сначала губы. Он будет овладевать ими неторопливо, чтобы понять, как ей удастся, при всем ее опыте, наполнять эти поцелуи такой невинностью, такой искренней страстью. Он будет целовать ее долго, бесконечно.

Но выдержит ли он? Не сорвется ли? Ведь она могла удовлетворить любую его прихоть, и он жаждал войти в нее одним мощным рывком.

Но вместо этого он принялся ласкать ее, нежно гладил ее плечи и грудь.

И когда прикоснулся к твердым, упругим соскам, почувствовал, как она затрепетала. Он сжал соски, и по телу ее пробежала судорога. Он обрел над ней власть, иначе она не реагировала бы так сильно на его ласки.

Какое наслаждение! Жар ее губ, упругие бутоны между его пальцами. Может, этого достаточно?

А может, и нет.

Он толкнул Франческу на постель и накрыл своим телом. Именно это ему и нужно: чувствовать, что тела их слились, утолить мучившую его жажду из этого драгоценного сосуда.

Он не отрывался от ее губ, возбуждал ее, демонстрируя свою силу.

Никогда еще она не испытывала ничего подобного: эти восхитительные ощущения струились по телу ласковым, нежным потоком, от его жарких, настойчивых поцелуев кружилась голова.

Она вся была в его власти, он мог делать с ней все, что хотел. Она даже не могла вздохнуть под тяжестью его тела.

Она оказалась такой, как он хотел... И в то же время не такой. Она была уступчивой, покорной, открытой – но, черт возьми, витала где-то в облаках.

Никогда еще он не испытывал такого отчаяния. Знаменитая Сара Тэва оказалась всего лишь тряпичной куклой, с которой можно делать все, что угодно, использовать ее тело так, как только пожелает мужчина.

И мужчины покупались на это, обманутые иллюзией ее танцев, убежденные, что это чувственное создание только и мечтает, как бы заманить мужчину в постель и дать ему полную волю.

Но получить полную свободу действий и обладать ею – это, оказывается, совершенно разные вещи. И Алекс уже начинал верить, что она настолько порочна, что ничто не может тронуть ее, и получает удовольствие лишь оттого, что заставляет мужчину молить ее о милости.

Господи, да что же она за женщина? Как все это выносил его брат?

Он осторожно отстранился, помня о состоянии своей возбужденной плоти. Он не позволит себе увлечься притягательностью этой женщины. Она просто фантазия, призрак, мираж.

Мужчины погибали в погоне за миражами, в погоне за водой, которая оказывалась всего лишь пригоршней песка.

И такова была Сара Тэва – просто пригоршня волос, кожи, костей. Мужчина может умереть от голода, пытаясь насытиться ею.

Франческа застыла, пытаясь осознать произошедшее, причину его гнева и внезапно исчезнувшего желания.

– Встань, – грубо сказал он, поднимаясь с постели и пристально глядя на нее: это тело в прозрачных колечках, это всепонимающее, словно у Евы, выражение лица.

Да, она осознавала, что сделала с ним, и продолжает делать.

Он видел ликование в ее глазах. Сучка решила, что поставила его на колени.

Будь она проклята.

– Веселье окончено, Сара. Ты получила, что хотела: довела меня до крайности. Но я не доставлю тебе удовлетворения, ты не заставишь меня сдаться. Я тебя насквозь вижу, миледи, все твои трюки и выходы. Большинству мужчин до этого нет дела, но меня ты больше не

обманешь. Как глупо ты выглядишь, Сара, с этим невинным выражением лица. Вставай, готовься ко сну. И наслаждайся этой постелью – в одиночестве.

Филиппа никогда не любила утро и часто подолгу лежала в постели, вспоминая, какие благотворительные дела ей предстоит выполнить в тот или иной день, и, размышляя о том, стоит ли вообще вставать с постели.

Но как сильно переменилась ее жизнь за какие-то три дня. И для этого понадобился всего лишь решительный мужчина, вонзавшийся в нее, словно бык, имеющий твердое представление о порядке и важности вещей.

О ее важности.

Он стал неотъемлемой частью ее жизни, и она просто представить себе не могла, что будет с ней, когда он уедет.

Но это случится еще не скоро. Он сам так сказал. И еще сказал, что мечтает лишь об одном – проводить каждый день между ее ног, и ради этого готов даже умереть.

Стоило ей представить себе его восставшую, возбужденную плоть, как ее охватывала дрожь.

В первый же раз она поняла: чем быстрее она сбросит одежду, тем скорее он оседлает ее и вонзится в ее лоно.

Он был неутомим. Она и вообразить не могла, что бывают мужчины, способные раз за разом изливать свое семя. Он заставлял ее придумывать все новые и новые бесстыдные способы, чтобы довести его до экстаза.

Филиппа сегодня оделась специально для него, набросив свободное, длинное платье и фартук поверх него и собрав в узел волосы на макушке. Визиты с благотворительной целью, которые ей предстояло сделать, становились все короче и короче, она постепенно научилась не задерживаться, соблюдая при этом вежливость.

Ворочаясь в постели рядом с Маркусом, она могла думать только о нем, представляя его окаменевшую от возбуждения плоть, его муки и терзания.

Быстро, гораздо быстрее, чем накануне, она завершила визиты и выполнила поручения, которые ей каждый вечер аккуратно записывал Маркус.

Раскраснелась ли она? Заметно ли ее нетерпение?

Впрочем, ей все равно; она еще не с ним, но ее тело уже трепещет в предвкушении наслаждения. Вот он, очаровательный маленький домик, в котором поселились все ее мечты.

Она на ходу начала расстегивать платье.

Дверь распахнулась – еще одно чудо – и она, ступив за порог, сбросила платье на пол. Он уже ждал ее и, прижав к двери, вонзился в нее без единого слова, без единого вздоха, твердый, жаркий, охваченный желанием.

Она застонала, когда он неудержимо, вновь и вновь вонзался в нее. Его губы безжалостно завладели ее губами; резкие, хриплые звуки вырывались из его горла.

Он вонзался и вонзался в нее, прижав к двери, не давая пошевелиться. А она впиалась пальцами в его плечи так, что побелели костяшки, и стонала, пока он не излил в нее семя.

- Ааа, ах... ах... - вторил он ее стонам.

Он без конца повторял ей слова любви, не переставая ласкать ее тело, возбуждая ее и себя. Он овладел ею, поставив на колени, затем усадив на табурет в кухне.

После этого они некоторое время валялись в постели, болтая о том о сем и, конечно же, о любви.

- Ты доводишь мужчину до полного изнеможения, - прошептал он.

- Только не тебя. Ты взгляни на себя.

- Ты самая удивительная женщина на свете.

- Почему?

- Ты проделываешь такое, чего можно ожидать разве что от Сары, женщины, о которой все говорят.

Филиппа вспыхнула от удовольствия и в то же время ощутила укол ревности.

- Ничего особенного в ней нет.

- Я слышал, она прекрасна. Но уверен, она не может сравниться с тобой, у нее нет таких божественных рук, такого бархатного тела, такого гнездышка между ног.

Она раздвинула ноги, чтобы он мог проникнуть пальцами в ее лоно.

- Говорят, она сегодня танцует, - продолжал он. - Но я предпочитаю смотреть, как танцует для меня моя амазонка... - Он еще глубже проник пальцами в ее лоно, и она тут же стала вращать бедрами. Его плоть пришла в боевую готовность. - Танцуй для меня, моя амазонка. Покажи все, что умеешь... Забудь стыд. Ты знаешь, как раздражить мужчину, чтобы он вонзался в тебя еще и еще. Чтобы не думал об этой шлюхе, Саре. - Филиппа еще быстрее стала вращать бедрами, словно совокуплялась с мужчиной, а ее возлюбленный приговаривал: - Вот так, хорошо, прекрасно. Посмотри на меня... Умоляй, чтобы я взял тебя. Покажи, как ты это делаешь...

Он шумно выдохнул, когда Филиппа, обхватив рукой его плоть, стала двигать ею в такт скольжению его пальцев внутри ее лона.

- Господи... ты прирожденная куртизанка, моя амазонка.

- Ну, тогда вонзись в меня, и я доведу тебя до изнеможения.

Он оседлал ее, готовясь к решающему толчку.

- Ты чувствуешь, что нужно мужчине, не хуже шлюхи, моя амазонка, никакая шлюха не сравнится с тобой в постели, не возбудит мужчину так, как это делаешь ты.

Филиппа никак не могла покинуть его. Мужчину, который находил ее более соблазнительной и чувственной, чем самая знаменитая распутница Европы. Не говоря уже о его невероятной

мужской силе. Она хотела знать о нем все, но он ничего не рассказывал.

- Ну, какой в этом смысл, моя амазонка? Чтобы мы оба страдали, если так случится, что тебе придется покинуть меня? А ты покинешь. Потому что по сути своей ты не куртизанка, а добропорядочная супруга... пусть священника, пусть еще кого-нибудь.

Как же он близок к истине.

- Я бы умер, если бы сделал тебя частью своей жизни, а потом нам пришлось бы расстаться.

- Но я и так стала частью твоей жизни. А ты моей.

- Нет. Это сказка. Просто мы встретились в тот момент, когда были нужны друг другу. Ты мечтала о страстном любовнике, я - об амазонке в постели. И вот ты тут. Рядом со мной. Это подарок судьбы. - Он погладил ее грудь. - Это все, что нам нужно знать друг о друге.

Но ей этого было мало. Она хотела знать больше. Хотела знать о тех женщинах, которые так отточили его мастерство в постели. Хотела знать все о его другой жизни.

- Нет у меня сейчас другой жизни. Я имею все, что хочу. Любовницу, с которой не сравнится ни одна шлюха, и гнездышко у тебя между ног. Ты ни в чем не уступаешь той сучке, которая танцует голая перед мужчинами. Признайся, ведь это так.

Почти. Он считал, что она в постели гораздо лучше той женщины, которую она так ненавидела. И это ей льстило. Он наверняка имел сотни женщин и мог выбрать любую в деревне - но предпочел ее.

- Скажи, чего ты желаешь, - горячо прошептал он ей на ухо. - Будь хорошей маленькой шлюшкой и возбуди меня так, чтобы я не расслаблялся ни на секунду, а плоть моя была твердой, как камень.

Это были бесстыдные, шокирующие, возбуждающие слова, к которым привыкли такие женщины, как Сара, и они распалили Филиппу так, что она изо всех сил обхватила его ногами и втянула в себя его набухшую плоть.

На этот раз Франческа решила сразу надеть костюм, под платье. Вспоминая предыдущий вечер, когда Алекс так яростно отверг ее, она подумала, что ее вновь спасла репутация Сары. Но так и не поняла, чем вызвала его гнев.

Впрочем, это не имело значения. Она покинет Миэршем-Клоуз, даже если для этого ей понадобится вылезти из окна спальни Джудит или поджечь конюшни.

В дверь постучали.

- Леди Уильям? - Это пунктуальный и учтивый Уоттен пришел, чтобы проводить ее вниз, где уже ждала карета.

- Благодарю вас, Уоттен.

Пока они шли длинными коридорами, Франческу мучила мысль о том, что все слуги знают, куда она едет и что собирается делать. Джудит знает, знают Маркус и Филиппа. Наверное, и Уильям все знает, взирая на нее с небес.

Ну и разумеется, Алекс. Он сидел в карете, и лицо его не выражало ничего, кроме презрения. Воображение уже нарисовало ему ее предстоящее выступление.

Уоттен усадил ее напротив Алекса и дал знак кучеру трогаться.

- Это в последний раз, - сказала она, Алекс в ответ издал короткий, лающий смешок.

Воцарилось молчание. Гнетущее, тягостное, чувственное.

Кружочки из атласа плотно облевали тело. И Франческа остро ощущала каждую его частицу, особенно грудь, средоточие женственности, а ведь на ней было строгое платье, застегнутое на все пуговицы.

Она испытывала томление, словно костюм каким-то волшебным образом превратил ее в страстную женщину, за которую она себя выдавала. Этот костюм еще больше, чем нагота, заставлял ее тело полыхать чувственным жаром.

Тафтонборо оказался совсем недалеко.

Внутри у Франчески все сжалось, когда они стали приближаться к дому Селфриджа. Она закрыла глаза, стараясь не думать о том, что собирается делать снова, но не могла прогнать эту мысль.

Зачем ему нужно, чтобы Сара отвлекала зрителей?

Очень скоро карета свернула с дороги, въехала в парк имения Селфриджа и покатила по длинной аллее, между двумя рядами деревьев, к ярко освещенному дому.

Дом был массивнее и менее вычурный, чем замок Кардстона. Напротив входа место для карет. Все главные комнаты располагались на первом этаже, вдоль главного коридора, с приставными столиками и стульями; стены были украшены картинами.

Их встречали так, словно они приехали на бал. И дворецкий действительно провел их в бальный зал, тянувшийся во всю длину здания на втором этаже.

Здесь не было никакого интима. Зал оказался огромным, со стенами теплого голубого цвета, украшенными лепниной; такая же лепнина украшала высокий потолок. В конце зала была сцена, видимо, для музыкантов, которых приглашали, и домашних спектаклей.

А также для экзотичных танцовщиц, умеющих развеять скуку.

Около десятка мужчин расположились у сцены, четверо уже были знакомы Франческе: Крукенден, Хэнском, Шефферс и Фогг. Самым высоким оказался Селфридж, остальных Франческа не знала. Один из них был одет ярко и броско; такого вычурного стиля одежды у мужчин Франческа никогда не встречала.

Впрочем, что она знала о мужчинах?

- Мисс Сара. - Селфридж был сама учтивость, словно устроил не мужскую вечеринку, а званый вечер с чаепитием. - Это Аластэр.

Аластэр поклонился.

- Мисс Сара... - Взяв ее за руку, он продолжил: - Все ошеломлены, поражены, взбудоражены.

Вы – мечта. Просто не верится, что тот человек... мог так обойтись с вами. Поверьте, здесь собрались ваши друзья. Ни одна ваша тайна не выйдет за эти стены.

Франческа растерянно улыбнулась, вспомнив, что Алекс сказал о нем: «Самый большой сплетник. Любит узнавать все первым». Значит, все, что произойдет здесь, к утру станет известно всем.

Что ему ответить, чтобы он не смог исказить ее слова?

– Ценю вашу рассудительность, – сказала она. Аластэр похлопал ее по руке.

– А, вижу остальные уже рассаживаются. Так приятно познакомиться с вами, моя дорогая. Увидимся позже. – Он заторопился к мужчинам, уже выбравшим места.

Алекса снова охватила ярость, когда он увидел, как Сара старается обворожить Аластэра.

Проклятие. Она способна превратить в мужчину и гомосексуалиста. Аластэр чуть из штанов не выпрыгнул, увидев ее. Как, впрочем, и все остальные. Как она это делает? Алекс не мог разобраться в своих противоречивых чувствах.

Селфридж между тем говорил ей:

– Мы привезли тех же музыкантов – они за занавесом. Решили, что так вам будет удобнее.

– Благодарю вас, – сказала Франческа, хотя ее совсем не устраивало, что музыканты будут находиться за занавесом.

– И одна из моих служанок поможет вам. Она за занавесом.

Там оказалась небольшая гардеробная, и служанка, напомнившая Франческе Агнес, – хорошенькая, веселая, готовая помочь.

– О, мэм... – воскликнула служанка, когда Франческа сняла платье. – О, мэм. Я такого в жизни не видала!

– Я тоже, – пробормотала Франческа, вытаскивая шпильки из волос.

– Давайте я помогу вам расчесать их. – Франческа позволила девушке заняться волосами.

– Да, вот так хорошо. Что-нибудь еще, мэм?

– Зеркало.

– Ах да. Хозяин сказал, что я должна приготовить зеркало. Оно тут, надо только занавеску отдернуть.

– Спасибо.

– Хозяин не велел мне уходить, пока вы не будете готовы.

Франческа приуныла. Где бы она ни находилась, Алекс всегда приставлял к ней охрану, и, хотя она была гораздо сильнее этой хрупкой девушки, ей не удалось бы оттолкнуть ее и выскочить за дверь полуголой.

Девушка открыла зеркало, и Франческа увидела отражение Сары, воплощение пылающего, манящего к себе греха.

На этот раз ни в costume, ни в самом танце не было и намека на религиозность, не было и священных предметов, и объявлений о сверхъестественных силах.

Но на этот раз она предусмотрительно взяла с собой большой шелковый шарф, прозрачный, как вуаль, чтобы прикрыться после танца, не остаться на сцене обнаженной.

Хотя этот шарф скрывал не так уж много, все же она могла завернуться в него с головы до ног, к тому же его можно было использовать в танце.

Служанка посмотрела в щелку между занавесями.

- Господа расселись, мэм.

Ну, тогда им предстоят двадцать минут чувственности и греха, благодаря любезности знаменитой и скандально известной Сары Тэва.

Она велела служанке дать сигнал музыкантам. Представление началось.

Франческа стояла, завернувшись в шелк и потупившись. Но как только заиграла музыка, подняла голову и медленно, очень медленно стала стягивать шарф, пока он ласковым ветерком не соскользнул с ее тела.

Музыка звучала тихо, вкрадчиво, такими же вкрадчивыми были движения ее рук, атласные колечки на обнаженном теле подчеркивали округлость ее груди.

Франческа скользила по сцене под негромкие, монотонные звуки, то, укутываясь в легкий прозрачный шарф, то, сбрасывая его, словно лаская им тело.

Своими плавными, чувственными движениями она, казалось, хотела поведать известную только ей одной историю.

Музыка текла, как вода; шелк скользил, словно руки возлюбленного, по ее груди, ее соскам, ее телу. Звуки виолончели, казалось, вобрали в себя всю неумную страсть собравшихся здесь мужчин.

Под эти звуки она рассказывала им свою историю. Рассказывала без слов. Достаточно было движений. Они никогда не забудут ее. Не смогут забыть. Она самая желанная, самая прекрасная женщина на свете.

Она ощущает, как напрягаются соски, когда она проводит шарфом по телу. А если проведет им между ног, каждый из этих мужчин готов будет отдать ей душу.

Власть... она чувствует ее кожей.

Скрипач ускорил темп, она стала двигаться быстрее, руки заметались, как вспугнутые птицы, тело затрепетало, все сильнее и сильнее распалая мужчин...

В нее словно вселилась Сара. Весь мир исчез. Осталась только чувственная страсть и рыдающие звуки скрипки.

Мужчины, дрожа от похоти, следили за каждым ее движением, с трудом сдерживаясь, чтобы

не броситься на сцену.

Снова заиграла виолончель, заглушив скрипку, как бы утверждая власть мужчины над женщиной.

Это было для Франчески сигналом. Она завернулась в шарф и стала кружиться, и совершенно неожиданно скрылась за занавесом.

Такой финал гораздо лучше, цинично подумал Алекс, воспользовавшись моментом, чтобы вернуться на свое место. Интуиция у этой женщины потрясающая. Она поразила всех своим внезапным исчезновением, и они жаждали продолжения.

Но аукцион будет более тонким. Посредником станет Селфридж, который сообщит Алексу о поступивших предложениях. Он уже обговорил с Алексом плату за выступление Сары. Настоящий джентльмен. С ним можно вести дела.

Размышляя о порядочности, Алекс тем не менее не испытывал угрызений совести, обыскивая дом и имение. Здесь было земель не меньше, чем в Миэршеме, достаточно места, чтобы построить вокруг целый городок, – все это свидетельствовало о положении и богатстве Селфриджа и не имело отношения к тому, что он искал. Пока не имело.

Селфридж был необычайно щедр в самых невероятных ситуациях. Из чего Алекс сделал вывод, что он либо безрассуден, либо фантазер, либо опасен, либо слишком прост.

По крайней мере, отсюда можно начать долгий и мучительный путь, который пока не привел ни к чему, за что можно было бы зацепиться.

- Алекс. – Селфридж был тут как тут, хлопнув его по плечу.

- Алекс, Алекс, Алекс... – Аластэр буквально наступал па пятки Селфриджу. – Почему ты не сказал мне? Она богиня. Она невероятна. Она почти заставила меня пожалеть, что я... Впрочем, нет, не уверен, что я смог бы зайти так далеко.

- Избавь меня от эвфемизмов, Аластэр. Картина ясна.

- Нам нужно обсудить дело, – подчеркнул Селфридж.

- Правда? – пробормотал Аластэр. – О, я должен знать, о ком речь.

Селфридж возмущенно взглянул на него.

- Я насчитал четверых, – сказал Алекс. – А ты? – обратился он к Селфриджу.

- Если она согласится.

- А остальные?

- Нравственность превыше всего. А может, они сомневаются, что будут способны на что-нибудь с ней.

- Может, они со мной сумеют, – шутливо предложил Аластэр.

- Место, мальчик. Иди на свое место и зализывай раны. Здесь для тебя нет лакомого кусочка.

- Жаль. - Он отошел, и Алекс, прищурившись, проследил за ним. Дорогой Аластэр. Предсказуемый, как дождь, делающий именно то, что на руку Алексу, - он распустил невероятно заманчивые сплетни о танце Сары.

- Я передам ей, - сказал он Селфриджу и направился к сцене.

Крукенден перехватил его.

- Надеюсь, сегодня не будет сверхъестественных ангелов-хранителей?

- Я тебя понял, - сказал Алекс. - Я передам ей. И заметь, Крукенден: вот так надо делать дело. И тогда никто не окажется в неловком положении.

Он вскочил на сцену и проскользнул за занавес, не уверенный в том, что найдет ее там и что будет ее искать так же упорно, как в прошлый раз, если она исчезла.

Будет. Он пойдет хоть в преисподнюю, черт возьми, если только она исчезнет.

Но она была на месте, уже одетая, что ясно говорило о ее дальнейших намерениях.

- Чего вы хотите? - нелюбезно спросила она. - Когда мы уедем?

- У меня есть предложения.

- О Боже, только не это.

- Четверка Кардстона и Селфридж. И, возможно, Аластэр, если, конечно, сможет.

- Сводник, - прошипела она.

- Ты им нравишься, - невозмутимо заявил Алекс. - И они предлагают чертовски большую сумму.

- Нет, мне никогда не нравилось кувыркаться в грязи со свиньями. У меня все же есть гордость.

А он был уверен, что на этот раз она польстится на деньги, и постарался сдержать свою неукротимую ярость.

- С каких это пор у тебя появилось чувство порядочности?

- С тех пор, как встретила вас, Алекс. С тех самых пор. - Он чуть не взорвался, но ему еще нужно было передать Селфриджу ее отказ.

- Пожалуйста, сделайте это, - язвительно сказала она. - Скажите, что очень сожалеете, но Сара не позволит им насладиться своим телом. Она бережет себя для чего-то более достойного.

Так оно и есть, думал он, закипая от гнева. Чем меньше она давала, тем больше они хотели. Для этих пятерых ничего не закончилось. Ее отказ лишь разожжет их аппетит.

Да, она оказалась замечательным тактиком.

Или же эти мужчины самые доверчивые на свете. Алекс не мог решить однозначно этот

вопрос, и всю дорогу размышлял, задумчиво глядя в окно. Они все поняли, ничуть не обиделись и сердечно распрощались с ними.

Что за связь возникает между клиентом и шлюхой? Он никак не мог этого понять.

И совершенно не мог понять ее.

Франческа решительно отправилась наверх, едва они вернулись домой.

Она решила больше не танцевать перед мужчинами, возьмет деньги, включая сто фунтов, причитающихся ей за это выступление, и исчезнет.

Проклятие! Она ударила кулачком по постели. Почему он не отпускает ее? Все что могла, она уже сделала для него. Но он так ничего и не нашел. И потом, он вполне мог попасть в эти дома и без танцев Сары.

Необходимо прекратить этот глупый фарс.

Она вновь ударила кулачком по постели и почувствовала, как слезы потекли по щекам. Все ее добрые намерения превратились в кошмар, и все из-за Кольма.

Никогда она больше не пойдет на такое. Даже ради него.

Единственное, чего она хочет, это отправиться домой, к тете Иде, и жить, как жила раньше.

Так она и поступит.

Он не сможет остановить ее, если все остальные хотят, чтобы она исчезла.

Франческа решительно вошла в гардеробную.

Вся одежда – ее и Сары, все до единого костюмы, были изрезаны на мелкие кусочки и разбросаны по полу.

Глава 14

От потрясения у нее подогнулись колени, и она опустилась на пол, перебирая кусочки сетки и газа.

О Боже! Сколько злобы и ненависти в этом поступке! Ей показалось, что эта ненависть направлена против нее, Франчески.

Кто мог это сделать? Кто мог бы изрезать в клочья вещи Сары? Кто так сильно ненавидел ее?

Кто больше не мог выносить ее в этом доме?

Все.

Все до единого.

Франческа медленно встала; слезы навернулись на глаза. Бедная Сара. Она дернула шнурок звонка.

Спустя мгновение появился Уоттен.

- Вы не могли бы... - Не было необходимости заканчивать фразу. Увидев ее лицо и изрезанную в клочья одежду, он мгновенно покинул комнату.

Спустя еще минуту в комнату ворвался Алекс.

- Посмотрите... - Она вся дрожала. Так больно было смотреть на эти жалкие обрезки - все, что осталось от жизни Сары. Тот, кто орудовал этим ножом, мог с таким же успехом зарезать и Сару, находись она в комнате.

Одна лишь мысль об этом повергла Франческу в ужас.

Любой в Миэршем-Клоуз мог сделать это.

Алекс толкнул ее на постель и стал собирать изрезанные кусочки ткани.

Господи! Все уничтожено с такой бессмысленной жестокостью! Теперь совершенно ясно, что у Сары никогда не было тех самых бумаг.

И что теперь?

Кто в его доме настолько жестокий и подлый, чтобы сотворить такое?

Кто? Джудит. Маркус. Филиппа. Они хотят, чтобы Сара покинула дом.

Она плакала.

- Посмотрите, посмотрите. Это все, что осталось от... жизни Сары Тэва. Посмотрите... - Ей было так больно за Сару; кто-то яростно ненавидел ее.

Кто-то желал ее смерти.

И убил то, что целиком и полностью принадлежало ей: ее костюмы, а с ними и ее танцы.

Алекс послал Уоттена за Маркусом и Филиппой, а потом и за Джудит. Они пришли, очень недовольные тем, что их разбудили.

- Что за срочность, Алекс? - сердито спросил Маркус. - Ты убежден, что весь мир должен вращаться вокруг тебя и этой женщины... О! - Он заморгал, наконец, заметив обрывки костюмов. - О Боже. И что?

- Это вы скажете мне, - холодно произнес Алекс. - Мама?

- В чем дело?

- Это не шутки.

- Слава Богу, кто-то, наконец, приложил руку к этому бесстыдству, - пробормотала Джудит.

- Ты, мама? - вкрадчиво поинтересовался Алекс.

Она плотнее завернулась в халат и презрительно скривилась:

- Я ни за что не прикоснулась бы к этим... вещам... вообще не вошла бы в эту спальню... о... Алекс, это невыносимо. Я лучше уйду... - Она попятилась к двери.

- Филиппа?

- Оставь ее в покое, - в один голос заявили Маркус и Джудит.

- Понятно. Итак, вы не имеете никакого отношения к этой жестокости. Я вас правильно понял? Видимо, кто-то таинственный проник в дом мимо слуг и принял одежду Сары за семейные драгоценности.

- Это не смешно, - сказала Джудит.

- Кто-то, неспособный отличить один сверкающий предмет от другого, - продолжал Алекс.

- Мне не нравится то, что ты говоришь, - сказал Маркус.

- Кто-то, разрезавший их на куски, обнаружив, что это вовсе не бриллианты матушки.

- Я иду спать, - заявила Джудит. - Я не потерплю оскорблений. Хотя считаю, что это давно следовало сделать, едва это создание переступило порог нашего дома. И я умываю руки. - Она остановилась на пороге. - А может, это было предупреждение, Алекс? Может, теперь эта женщина исчезнет?

Все уставились на нее.

- Мама, пожалуйста, права, - начал Маркус.

- Кто мог попасть в дом, минуя слуг, Маркус? - Алекс удивлялся собственной выдержке. Ему хотелось как следует встряхнуть мать и придушить Маркуса. - Значит, никто из вас этого не делал, Маркус? Впрочем, утро вечера мудренее, я, будь уверен, узнаю, кто совершил эту подлость, и тогда пощады не ждите.

- Настоящая мелодрама, Алекс, и все из-за такого отребья, как она. А может быть, это и в самом деле предупреждение и ей пора взять предложенные нами деньги и уехать?

Алекса захлестнула волна гнева.

- Лучше я откуплюсь от тебя, и тогда ты сможешь уехать. - Теперь и Маркус по-настоящему разозлился:

- Знаешь что, Алекс...

- Еще не все сказал, Маркус? Иди, помолись о своей лицемерной душе.

- Несчастный, - пробормотал Маркус. - Пойдем, Филиппа. Он скоро успокоится.

Но Алекс вовсе не был в этом уверен; кто-то совершил против него два отвратительных, гнусных преступления: проник в его комнату и уничтожил то, что принадлежит ему. Все в доме знали, куда и зачем он отправился с Сарой, знали, как долго он будет отсутствовать.

За это время вполне можно было пробраться в комнату и сотворить это черное дело. Филиппа постоянно навещала Джудит, и никто из слуг не обратил бы на нее внимания.

Обе ненавидели Сару.

Джудит. Филиппа.

Изрезать одежду можно быстро и без особого труда.

Алекс не мог прибегнуть к помощи властей, для этого не было веских оснований. Это была демонстрация ненависти к человеку, которого все в доме презирали. Собрав куски материи в мешок, принесенный Уоттенем, Алекс положил его на полку.

- Они ненавидят меня, - прошептала Франческа. - Я не должна была приезжать с вами в Англию. Мне следовало остаться в Берлине и дать Саре Тэва умереть.

Потом, много позже, Алекс раздумывал над тем, как она это сказала. Глубокой ночью, когда она беспокойно металась во сне в его постели, Алекс перебирал в памяти все, что связывало его с Сарой.

Уильям был не самым важным звеном в этой цепи. Всего лишь винтиком в колесе огромной машины, двигавшей людьми ради скрытых целей. И если бы он после смерти Уильяма не приехал в Берлин, Сара Тэва исчезла бы навсегда.

Какой дьявольский план придумал Кольм - убить Уильяма, чтобы заставить Алекса приехать в Берлин. Кольму нужны были эти бумаги в Англии, и Алекс знал почему. Потому что все уже было сделано, с молчаливого и тайного одобрения, и не по указу.

Стало известно, что в одном секретном зашифрованном документе содержится дерзкий план создания нового мира.

И Кольм был настолько уверен в успехе, что доверил документ простой уличной танцовщице, на которую не может пасть подозрение. Но Кольм опоздал, Алекс первым добрался до нее.

Господи... если бы документы у нее были... Земля бы перевернулась.

Викки, дочь королевы и жена кайзера, была уверена в существовании этих бумаг, в том, что план так называемого нового мира разрабатывался задолго до того, как Вильгельм стал кайзером, с его полного согласия. Поэтому неудивительно, что она пыталась вывезти эти бумаги из Германии до смерти Фридриха. В той печально известной черной шкатулке, исчезнувшей в хаосе событий, последовавших за смертью Фридриха, находился план мирового господства и смерти.

Сети. Хрупкие, крепкие, переплетающиеся между собой. И где-то в Англии находится Главный Игрок, так Алекс его называл. Именно его ищет Алекс. Того, кто создал философию зла и растления.

Все это Алекс знал потому, что имел доступ к письмам Викки, адресованным королеве. И все в этом деле было непросто. Виктория должна была просто хранить у себя шкатулку до тех пор, пока Викки выберется из Германии. Ей в голову не приходило, что премьер-министр задержит ее или потребует все бумаги покойного императора, включая и те, что хранились в черной шкатулке.

Казалось, ее сын навсегда порвал с ней, вырвал ее из своего сердца, прекратил все связи с Англией.

Оставив только одну.

Алекс искал Главного Игрока, но это было все равно, что гоняться за тенью. И все же где-то среди его друзей и врагов действовал Главный Игрок, выжидал и строил свой маленький

мирок.

Алекс не считал Главным Игроком Кольма. Кольма правительство использовало в других, более важных целях, этот человек мог свободно вращаться в обоих мирах, а для этого нужен талант, которым, кстати, обладал и сам Алекс.

Нет, Главный Игрок был всегда здесь, в Англии, и только ждал сигнала к действию.

Алекс должен был найти этого Игрока. Благодаря Саре он получил возможность бывать в домах богатых, пресытившихся жизнью людей, готовых подчиниться Главному Игроку.

Идея, мягко говоря, странная, а если поразмыслить – отчаянная. И все ради королевы и страны, которые так опасались милитаристских устремлений Вильгельма и его ненависти к британскому флоту.

И вот теперь в его постели лежит прекрасная куртизанка. И кто-то очень желает ее смерти.

Выскользнуть из дома рано утром не представлялось возможным. Ведь Маркус мог вернуться с полпути, забыв что-нибудь.

Она постепенно начинала ненавидеть Маркуса. Он, если и исполнял свой супружеский долг, делал это с такой неторопливой, равнодушной отстраненностью, что она оставалась холодна, как лед. Будь на то ее воля, она проводила бы весь день со своим любовником, единственным мужчиной, который жаждал ее.

Теперь у него было имя. Она назвала его Аполлоном – своим прекрасным, идеальным богом солнца.

Она не сможет жить без него.

Ей было трудно уходить от него, но еще труднее сдерживать свое чисто женское любопытство.

- Не спрашивай меня ни о чем, – говорил он ей. – Какая от этого польза?

- И ты можешь быть счастлив, ничего обо мне не зная?

- Я знаю самое важное – что у тебя между ног.

Она таяла каждый раз, когда он говорил ей это и шептал на ухо:

- Ты самая лучшая распутница из всех, которых я знал. – им нравилась чувственная игра слов, нравилось делать вид, будто ее добивались многие. – Если бы ты стала себя продавать, моя амазонка, то превзошла бы саму Сару Тэва.

- Что ты имеешь в виду? – не без удовольствия спросила она.

- Я хочу сказать, что ни одна женщина не может сравниться с тобой ни телом, ни пылкостью, ни жадной наслаждений. Стоит мужчине взглянуть на тебя, и он готов, не успокоится, пока не овладеет тобой.

Она задрожала от желания при мысли об этом.

- Не представляю, как сдерживаются мужчины, чтобы не броситься на тебя. Слава Богу, мне

не нужно этого делать, так ведь, моя распутница? Твое тело в моем распоряжении, и я могу бесконечно вонзаться в тебя, прижав к стене. Не представляю себе мужчину, который мог бы устоять перед тобой. – Филиппа подумала об Алексее. Ему это вполне удавалось.

– А может, я просто не хотела их. Ждала тебя.

– А я искал такую, как ты, – прошептал он. – Чтобы все позволяла. И, наконец, нашел. Даже не верится.

– Я позволю тебе все что угодно, хоть десять раз в день, если пожелаешь.

– Правда?

– Я хочу этого.

– Ты настолько лучше ее, – прошептал он, оседлав Филиппу. – Сара Тэва не смогла бы удовлетворить мужчину десять раз в день. Она не настолько распутна. А ты можешь. Ты, ты... прирожденная шлюха, – прошептал он, вонзаясь в нее. От этих слов у Филиппы дух захватило. Волна наслаждения пробежала по телу. – Прирожденная... шлюха... – повторил он, как заклинание, способное снова и снова доводить ее до экстаза.

Возможно, именно этих слов всегда недоставало Филиппе. Она готова была слушать их вновь и вновь. Когда они занимались любовью.

– Она все еще в деревне, – устало произнесла Филиппа, положив голову ему на плечо. – Она все еще здесь, и от нее одни неприятности.

– Когда она уедет, ты займешь ее место, моя амазонка. И всегда будешь помнить, что я первый разглядел в тебе распутницу и сказал, что ты намного лучше Сары.

– Мы устраиваем бал.

– Прошу прощения? – Джудит посмотрела на Алекса поверх очков и сжала пальцы. – Что мы устраиваем?

– Бал. В честь Сары. Пора представить ее нашим друзьям и соседям.

– О Боже! Мне сейчас будет дурно.

– Тебе ничего не придется делать, мама. Я все сделаю сам.

– Все сделаешь сам? Да ты только и умеешь, что причинять неприятности, Алекс.

– В таком случае я тебя не приглашу. Я просто хотел сообщить, что бал через два дня.

– Но ты не сумеешь его организовать...

– Это неофициальный бал, мама. И поверь, в разгар лета, когда совершенно нечем заняться, приедут абсолютно все.

– Даже твои новые друзья? – спросила Джудит, задетая за живое. Да нет, конечно же, ее друзья не придут, если почетной гостьей будет это создание. Джудит даже вздрогнула при мысли об этом.

- Абсолютно все, - повторил Алекс.

- Но зачем, Алекс? Разве ты недостаточно для нее сделал?

- Нет. Кстати, и она для меня еще не все сделала. Она мед, на который должны слететься пчелы.

Джудит сжала кулаки.

- Какой ты вульгарный.

- И, однако же, ты все равно любишь меня.

- Я не приду.

- Конечно, нет.

- Я уйду к себе.

Таким образом, проблема была решена. Уоттен, повар и экономка позаботятся об остальном. Есть еще одна проблема: где найти подходящее платье для Сары.

У Филиппы целый гардероб, доставшийся ей от его матери, так что наверняка там найдется платье для Сары.

- Скажите, зачем вы опять хотите унижить меня? - спросила Франческа.

- Полагаю, что нам нужно как-то развеяться, разрядить атмосферу.

- Я знаю, как это сделать. Мне надо уехать.

- Ты не уедешь.

- Так что, мне навечно оставаться вдовой Уильяма? Тогда почему бы вам не построить мавзолей рядом с его усыпальницей и не поместить меня туда? Впрочем, вы уже практически это сделали. Что такое компания призраков по сравнению с убийцей, прячущимся в вашем доме?

Алекс не был уверен, что Джудит и Филиппа не уничтожали ее вещей. Теперь у Сары осталось лишь одно траурное платье, и каждый вечер Агнес стирала ее вещи, сушила и гладила, чтобы утром ей было что надеть.

Джудит отказалась дать Саре что-нибудь из своих платьев.

- Осквернять мои личные вещи? - буквально завизжала она от ужаса. - Я прежде убью себя. А Филиппа куда-то запропастилась. Алекс поручил Саре организовать бал вместе с Уоттенем. Она держалась так, словно была в доме хозяйкой и знала, что необходимо, а что - нет.

Он наблюдал за ней из библиотеки, когда она, Уоттен и экономка обсуждали приглашения из списка, подготовленного Алексом, музыку, цветы и меню.

Она держалась настолько естественно и уверенно, словно всю жизнь занималась этим.

Поразительные противоречия натуры Сары Тэва. Он размышлял над ними прошлой ночью,

когда смотрел на спящую Сару.

Где-то есть человек, который знает ее, как пешку в руках Кольма. Человек, которому поручили связаться с ней, когда она прибудет в Англию.

Где? Этот вопрос свалился на него совершенно неожиданно. Он всегда считал, что этот человек в Англии, но не знал, где именно, и не осознавал, насколько это важно.

Она получила приказ уговорить Уильяма, привезти ее в Англию. А куда мог поехать Уильям, если не домой?

Интуиция подсказала Алексу привезти ее сюда, и не подвела его.

Ее связной где-то здесь – в окрестностях Сомерсета. И Алекс не ошибся, используя ее, чтобы получить доступ в незнакомые дома.

Пусть даже он не раскопал ничего стоящего.

И почему бы теперь не собрать все эти знакомые и незнакомые лица вместе, чтобы посмотреть, кто попытается связаться с ней?

Так что бал в разгаре лета мог оказаться вполне уместным.

Конечно, рассылать приглашения буквально накануне было несколько неучтиво, но он мало что терял, а выигрывал много.

К тому же ему самому ничего не приходится делать, Сара и слуги вполне справляются с задачей.

В данный момент его больше всего интересовало, куда могла подеваться Филиппа, когда срочно понадобилась ему.

Филиппа и Аполлон отдыхали в постели после бурных любовных игр. Филиппа томно потягивалась. Каждый день она задерживалась у него все дольше и дольше, оба затягивали момент расставания.

О, как ей хотелось остаться. Ее бросало в дрожь при одной лишь мысли о том, что она могла ощущать это роскошное, мускулистое тело всю ночь, каждую ночь. Она вообразила, что они – Адам и Ева и что вот-вот им откроется какое-то новое тайное наслаждение.

Право же, в этом нет ничего постыдного.

Кроме того, она была вне себя из-за этой идеи устроить бал в честь Сары.

– Это самая безумная из всех идей Алекса.

– Он что, все еще не отослал ее? – спросил Аполлон. – Просто любопытно, что же такое он в ней нашел? Чем она его приворожила? А теперь еще и устраивает бал в ее честь? Ах, моя дорогая амазонка, думаю, я недооценил эту шлюху.

– Ты и не представляешь насколько.

– Не ревнуй, дорогая. Я бы устроил для тебя бал, если бы мог.

«А другой может, но не устроил», – обиженно подумала Филиппа, но тут же подавила обиду. Ей нельзя потерять Аполлона, во всяком случае, сейчас, из-за какой-то там ревности к этой дряни Саре, которая и в подметки ей не годится.

А у Сары нет Аполлона, который только что исцеловал ее всю с головы до ног, вонзался в нее вновь и вновь, до самозабвения. Нет, у нее не было ревности к Саре, она лишь завидовала, что Алекс хочет ее.

Если бы Алекс имел хоть малейшее представление о распутной душе Филиппы, он бы хотел и ее, и намного сильнее, чем Сару.

Филиппа даже задохнулась от этой мысли. Ее молитвы услышаны. Судьба послала ей Аполлона, чтобы он научил ее, как покорить Алекса и навсегда подчинить себе.

– Ты каждый день устраиваешь для меня бал, – пробормотала она, обхватывая рукой его плоть. – Почему я должна ревновать эту сучку, когда у меня есть вот это. – Она сжала пальцы, и его плоть мгновенно напряглась.

– Ты знаешь все уловки распутниц, – сказал он, переворачивая ее на спину. – Смотри, что ты со мной сделала.

– То, что хотела, – прошептала Филиппа. – Танцуй со мной, Аполлон. Доведи меня до экстаза.

Теперь у Франчески набралось семьсот фунтов, которые сейчас были разбросаны по всей постели тугими, толстыми пачками. Ради таких денег идут на убийство, подумала она.

И такие деньги дают людям свободу.

Она уже не была той наивной Франческой, которая приехала в этом дом. Теперь ей не обязательно возвращаться в Брейдвуд, когда все закончится.

А закончится это скоро, потому что она скажет Алексу правду.

Чтобы он больше не строил планов в отношении Сары. Это единственное, что она может для него сделать, потому что не собирается впредь танцевать, выдавая себя за Сару.

Впрочем, вряд ли ей это удастся, поскольку предстоит бал, и ей наверняка придется танцевать.

Агнес разложила на постели самое красивое платье из тех, что Джудит отдала Филиппе, а та пожертвовала его Саре.

– Бери его себе. Оно давно вышло из моды, – язвительно заметила Филиппа, – да и не годится мне. Впрочем, и в нем ты не будешь выглядеть леди.

«Да нет, как раз буду», – думала Франческа, разглядывая платье с длинным, изящным лифом из шелка цвета лаванды, отделанного светло-серым кружевом. Подол ниспадал мягкими складками. К нему полагались длинные, до локтя, перчатки и светло-серые туфли, которые ей не подошли.

Никогда в жизни у нее не было ничего подобного, и она чувствовала себя настоящей принцессой.

Но деньги – куда ей деть деньги на время бала?

Золушка потеряла туфельку, а она может потерять жизнь.

Она не желает доверять Прекрасному Принцу – потому что Прекрасный Принц на поверку оказался Большим Страшным Волком.

Она даже не подумала о последствиях. Невозможно спрятать все эти деньги в таком облегающем платье...

И в комнате негде спрятать, когда в доме полно гостей, да еще этот таинственный враг, изрезавший всю одежду.

Она не знала, что делать. А времени оставалось мало.

Гости уже начали съезжаться.

Обстановка была совсем не такая, как неделю назад, когда Алекс давал обед. Сегодня здесь собралась целая толпа гостей, царили оживление и веселье.

Легкая, мелодичная музыка встречала прибывающих в парадную приемную.

В парадном зале сотни свечей полыхали в канделябрах; официанты разносили на подносах шампанское. На небольшом балкончике в дальнем конце гостиной играл струнный квартет.

- Такая замечательная идея, – сказал один из гостей Алексу. – То, что нужно.

- Дорогой мальчик, замечательная идея – собрать вместе всех этих новых людей. Нам нужна новая кровь. Сомерсет в последние годы как-то замкнулся...

- Алекс, а ты хитрая бестия. – Это появился Аластэр. – Поверишь ли, у меня тоже возникла такая идея! Большой прием, масса новых лиц, масса сплетен. А где несравненная Сара?

- Надеюсь, готовится к своему дебюту. Подержи мой бокал, а я схожу за ней.

Ему не пришлось идти далеко. Она оказалась в дальнем конце площадки второго этажа, разглядывая с детским любопытством всю эту суету и многоцветье, царившие внизу.

Женщина, представшая его взору, не имела ничего общего с Сарой Тэва, соблазнительницей. Перед ним была настоящая леди, он просто глазам своим не верил.

На ней было элегантно платье цвета лаванды, придававшее ей изысканность. Роскошные волосы собраны в узел, украшенный цветами, в руке, затянутой в перчатку, кружевной веер.

Она стояла, облокотившись о перила, и постукивала веером в такт музыке.

- Сара.

Она вздрогнула, обернулась и выпрямилась.

- Милорд? – Маска безразличия вновь появилась на ее лице.

Он сжал губы.

- Пора идти вниз. – Разумеется.

Спускаясь по лестнице, они выглядели так, словно были созданы друг для друга, и все гости замерли, не отрывая от них глаз.

- Позвольте представить вам нашу почетную гостью. Леди Сара Девени.

О Боже! Франческа вздрогнула. Уж лучше выдавать себя за Сару Тэва, чем за благородную леди. По крайней мере, меньше лицемерия.

- О, мой Бог, - к ней подлетел Аластэр. - Вы... У меня просто нет слов...

Раздался смех.

- Зато завтра будут, - сказал кто-то, и все снова засмеялись.

- Но мне известно то, что не известно вам, - возразил Аластэр.

- Ты всегда знаешь то, чего не знаем мы, - вмешался кто-то в разговор. - Пока ты нам не расскажешь.

- Не обращайтесь внимания, дорогая. Послушать их, так можно подумать, что у меня ужасная репутация. Вот моя рука, леди Сара, и пойдете вальсировать.

Ей не нужно было произносить ни слова; Аластэр болтал без умолку, задавал вопросы и сам на них отвечал, все время смешил ее.

- Давайте помянем Уильяма, - сказал он, наконец. - Нельзя забывать беднягу.

- Да, - пробормотала Франческа. - Если бы не Уильям...

- Действительно. Вы так преуспели. Очень умно с вашей стороны.

- Не представляю, что вы имеете в виду, - беззаботно сказала Франческа.

- Это наш маленький секрет, дорогая, - ответил Аластэр, понизив голос. - Обещаю никому его не раскрывать.

- Вот и хорошо, - сказал Алекс, нависая над ними. - Теперь, если и поползут слухи, я буду знать, кого убивать.

- О Боже, как страшно! - с притворным ужасом воскликнул Аластэр. - И хуже всего то, что ты сказал это совершенно серьезно.

- Не будем отрывать его от друзей, - сказал Алекс. - Пойдем, я должен представить тебя еще очень многим гостям.

- Сколько здесь собралось народу! - У Франчески голова пошла кругом. Здесь были знакомые и друзья Уильяма, его бывшие одноклассники. Все пришли выразить свои соболезнования. И это было только начало.

Алекс пригласил также мужчин, для которых она танцевала. Селфриджа, Хэнскома, Фогга и Крукендена с женами. А также Бэзила Иденбриджа с Хайлой и Элстона Сизрла.

Здесь были соседи, друзья и давние знакомые. Филиппа в темно-синем атласном платье с перьями. Джудит, которая пряталась в приемной.

Музыка увлекла Франческу. Сначала Аластэр кружил ее по залу. Потом Алекс, высокий и грозный, слишком сильно прижимавший ее к себе.

Все было словно в тумане, танцы, банкет, снова танцы. За обедом подавали фаршированные яйца, маринованные огурчики и грибные тосты, хрустящие креветки и сочный свиной бок, печеночный паштет и тартинки со шпинатом, сыры, фрукты, кофе и чай.

Алекс следил за ней, словно ястреб. При таком скоплении людей Саре можно было передать все, что угодно. И, по сути, Алекс должен был признать, что не смог бы отличить друга от врага.

И потом, этот Аластэр, который все время увивался вокруг нее. Создавалось впечатление, что это он ее открыл, что она была его творением, его триумфом.

И она действительно была триумфом. В этот вечер все в ней было идеально. Глядя, с каким достоинством она держится, Алексу просто не верилось, что всего две ночи назад она танцевала почти нагая перед некоторыми из этих гостей.

- Мама.

- Да, Алекс. Я здесь.

- Я и не сомневался в этом.

- Ты слишком самоуверен. Эта тварь надела мое старое платье.

- И она в нем прекрасна, - пробормотал Алекс.

- Избавься от нее. Откупись.

- Старая песня, мама. Я не готов это сделать.

- Ты, скорее, готов свести меня в могилу, - раздраженно заявила Джудит. - Да и кто из детей считался когда-нибудь с мнением родителей?

- Действительно, мама. Она держится просто великолепно.

Джудит проводила глазами ненавистную фигуру.

- Игра. Всего лишь игра. Она насквозь лжива, Алекс. И ко всему прочему, развращает мою семью. Не знаю, как я все это выношу, просто не знаю.

- Ты даешь бал, мама. И ты встретишься со старыми друзьями. Вон Аластэр. Уведи его от Филиппы.

Джудит фыркнула, но повиновалась. Филиппа не спеша, подошла к Алексу.

- Она сносно выглядит в моем платье, - сказала она, глядя на Сару, кружившуюся в вальсе.

- Благодарю, Филиппа.

- Для тебя - все, что угодно, - прошептала она, коснувшись его руки.

Алекс отстранился.

- Мне кажется, Маркус ищет тебя.
- Лучше бы это был ты.
- Никогда. - Господи, как ему противны ее заигрывания.
- Не торопись говорить «никогда», Алекс. Всякое может случиться.
- Что может случиться? - резко спросил он.
- Видишь ли, среди твоих знакомых может оказаться женщина, с которой Саре никогда не сравниться. - Она пристально следила за ним, ожидая реакции, но он лишь продолжал искать глазами эту шлюху.

И тут он приподнял бровь.

- Допускаю.
- Именно. Ты не хотел бы потанцевать со мной, Алекс?
- Нет. Я бы хотел найти Сару. - Но на самом деле он ее уже нашел, и Филиппа своими приставаниями лишь досаждала ему. Он быстро зашагал прочь, оставив ее одну.
- Ооо... когда-нибудь, Алекс Девени... когда-нибудь, - сказала она, едва не плача, - я застану тебя одного в твоей спальне.
- Кого ты застанешь одного, дорогая? - спросил Маркус, внезапно появляясь у нее за спиной.

Поморгав и прогнав слезы, Филиппа подняла голову.

- Ну, разумеется, тебя, дорогой.
- О, - сказал Маркус, переваривая эти слова. Он так устал притворяться, будто ничего не произошло, что вряд ли был способен удовлетворить Филиппу. - Ну, конечно, мы будем одни. Ты и я.

Бал длился уже три часа, и гости постепенно начали разъезжаться.

Франческа стояла в холле с Алексом, провожая гостей.

- Дорогая, дорогая Сара.
- Аластэр.
- Я никогда не забуду вас. - Он поцеловал ей руку.
- И я вас.
- До встречи, моя дорогая.
- Буду считать часы.

Аластэр послал ей воздушный поцелуй.

- Она - само совершенство, Алекс. Не отпускай ее.

- Только ради тебя, старина.

- О, я... вряд ли... что ж, это мысль. До встречи, дорогая... - Он уходил последним, и задержаться хотя бы на минуту было бы уже дурным тоном. Алекс закрыл за ним дверь.

- Он может утомить.

- Он очень милый, - заметила Франческа.

- И очень хорошо тебя знает.

- Да, он наговорил лишнего. - В этом платье Сара буквально преобразилась, будто и не было у нее греховного прошлого. - А в остальном все прошло хорошо.

Все действительно прошло великолепно, однако Алекс так и не получил доказательств того, что посланец Главного Игрока был где-то рядом. Хотя мог поклясться, что пригласил всех, кто жил в радиусе десяти миль от Миэршема.

Это было смелое предположение, и даже сейчас Алекс не был уверен, что контакта не состоялось. Возможно, произошло нечто, о чем даже она не знала.

Алекс указал на лестницу, и Франческа стала неохотно подниматься наверх, остановившись на площадке, чтобы посмотреть в зал, сейчас пустынный, без каких-либо следов бала.

Он открыл дверь и пропустил ее вперед.

- О Боже, Алекс, Боже мой...

Он мгновенно оказался рядом, обхватив ее рукой за плечи, и они оба уставились на разгром, царивший в спальне: матрас и все постельное белье были изрезаны в клочья и разбросаны по комнате.

Глава 15

- Я кому-то очень не нравлюсь, - заметил Алекс, поддев матрас ногой. - Если только ты не спрятала здесь все свои деньги.

Франческа застыла.

- Нет, не спрятала. - Перед балом она прикрепилась все деньги к корсету, к нижней юбке и к подкладке платья.

В комнате царил такой разгром, словно ярость душила человека, поработавшего здесь ножом. Разрезы были неровными, глубокими; все было разворочено с каким-то животным наслаждением.

Она не могла оставаться в этой комнате ни минуты и подумала, что должна сказать Алексу правду, пока не произошло что-то еще более ужасное.

Алекс вызвал Уоттена.

- Таинственный враг вновь нанес нам удар. Подготовь комнату для гостей и распорядись, чтобы здесь убрали.

- Хорошо, сэр.

- Ты, конечно, не видел, чтобы кто-то входил в эту комнату?

- Нет, милорд, но я могу спросить у служанок. Возможно, кто-нибудь из них что-то видел.

- Спасибо, буду очень признателен. - Однако Алекс не сомневался, что никто ничего не видел. В этот вечер в доме было слишком много шума и суеты. И никто бы не обратил внимания на гостя, поднимающегося наверх, чтобы освежиться или привести в порядок костюм.

Фактически было два реальных подозреваемых, и они этим вечером вновь очернили Франческу. Да и эти загадочные намеки Филиппы... Она в последнее время казалась взвинченной, словно ходила по острию ножа.

Алекс давным-давно знал, что Филиппа его добивается. Это была грустная история, но он нисколько не жалел Филиппу, не сочувствовал ей. В браке с Маркусом есть свои плюсы и минусы, и она должна нести этот крест.

Но Филиппа настолько ненавидит Сару, что вполне может попытаться запугать ее. И, скорее всего это была Филиппа, потому что у Джудит не хватило бы сил так орудовать ножом.

Или все же это она? И кто знает, на что способна его мать в припадке яростного гнева? Эта мысль ужаснула его, впрочем, не больше, чем разгром в комнате.

- Пойдем, комната для гостей готова. Агнес должна принести туда чай.

- Правда? А как я смогу заснуть, зная, что кто-то в этом доме так ненавидит меня?

- Я думаю, ты сможешь все, что угодно. Ты же смогла сегодня.

Она открыла рот, чтобы признаться ему, и снова закрыла его.

- Мне нужна ночная рубашка. Мне нужно побыть одной. Я должна уехать.

- Нет. Никакого уединения. И ты никогда не уедешь отсюда. А ночную рубашку тебе принесут.

- Тогда скажите мне, когда закончится эта наша договоренность?

- Моя дорогая Сара, вряд ли та сумма, которую ты имеешь, может удовлетворить твою алчную душу.

- Напрасно вы так думаете, - пробормотала она. - Я не хочу умирать.

- Если бы я оставил тебя в Берлине, ты бы умерла, - сказал он, пристально глядя на нее.

- Да, - сказала она, - Сара Тэва определенно бы умерла.

- Почему? - резко спросил он.

Она посмотрела на него темными, холодными, бездонными глазами.

- Я была больна, милорд, или вы забыли? В пансионе жила женщина, которая помогала мне. Я могла бы умереть.

- Ты не это имела в виду.

Она долго и задумчиво смотрела на него, в душе упрекая себя за неосторожность. А может, она и хотела, чтобы он заметил ее оговорку. Она разрывалась между желанием прижаться и стремлением пройти путь до конца и ответить за последствия.

- Если бы вы не приехали, - наконец сказала она, - я бы никогда больше не танцевала.

- А что бы ты делала? - с любопытством спросил он. Существовали такие вопросы, на которые у нее не было ответов. И она слишком устала, чтобы думать.

- Ты продолжала бы работать на Кольма, не так ли? - спросил Алекс. - Ты все равно приехала бы в Англию, как только он передал бы тебе содержимое черной шкатулки.

Опять Кольм. Каждый раз, когда она думала, что наконец избавилась от лжи Сары, Алекс вновь упоминал о Кольме. Это не ее Кольм. Нет, не ее.

- Ну, право же, милорд. Вы видели, что осталось от моих костюмов. Я не могла бы спрятать там даже иголку, не то, что ваши таинственные бумаги. И почему вы все время говорите о них? Он ведь так и не появился.

- Он пришел бы, - пробормотал Алекс. - И, возможно, пришел, когда мы уже уехали.

- Так, может, он сам привез в Англию эти несчастные бумаги?

Алекс раньше не задумывался о такой возможности. Кольм, несомненно, знал, куда отправилась Сара. Почему же он не попытался связаться с ней? Потому что это было опасно, и в определенных кругах Кольма слишком хорошо знали. И он не мог быть уверен в преданности Сары.

Потому что Алекс, как никто другой, понимал, что Сару Тэва можно купить.

- Возможно, - ответил он. - Но, видимо, он не стал так рисковать. Прощу сюда. Комната в передней части дома.

- Комната для гостей, вы сказали.

- И ты - моя гостя.

- Вы хотите сказать - ваша пленница.

- Не будем пререкаться. А, все уже готово. Выпей чаю.

Эта комната, поменьше и поуютнее покоев Алекса, располагалась в передней части дома, слева от лестницы. Стены были отделаны штофом с вытканными на нем розами; мебель из красного дерева, как и в комнате Алекса: туалетный столик, умывальник, кровать с балдахином и скамеечкой в изножье. У камина - два стула и стол, который можно использовать и для работы, и для чаепития. Сейчас там стоял дымящийся чайник, принесенный Агнес.

Шелковые шторы были зелеными, в тон листьям на обоях. Шторы, покрывало и подушки на стульях отделаны золотистым шелковым галуном.

Здесь тоже была гардеробная, но не такая просторная, как у Алекса, полки встроенных шкафов пустовали. Лишь на вешалке сиротливо висело траурное платье; внизу было аккуратно

сложено нижнее белье и ночная рубашка из цветастого муслина. В уголке приютился ее чемодан, в котором остался единственный костюм Сары – атласный пояс и лиф – память о карьере Сары Тэва.

Алекс налил в чашку чая и передал ее Франческе.

- Здесь ты будешь в безопасности.

- Еще бы, при таком неусыпном наблюдении, – сказала она, добавив сахару, размешав его миниатюрной серебряной ложечкой и сделав небольшой глоток.

Скажи ему сейчас. Сколько можно жить в этой лжи ?

Момент был вполне подходящим...

Франческа чувствовала себя такой незащищенной, испуганной. А Алекс казался неустрашимым. Даже когда вокруг царил полный разгром.

Она подняла голову и взглянула на него.

- Алекс...

Столько граней было в Саре, столько лиц, что он никак не мог соединить их в одно целое. Она была сейчас такой нежной, такой женственной, неуверенной в себе. Куда девалась та высокомерная, соблазнительная, невозмутимая роковая женщина?

И Алекс, несмотря на всю его осторожность, потянулся к ней.

- Мне нравится, когда ты называешь меня по имени... – пробормотал он.

Она спохватилась.

- Милорд...

- Слишком поздно. – Он обхватил ладонями ее лицо. – И мне нравится, когда ты слегка растеряна.

- Любой бы растерялся, увидев свою постель изрезанной. Или для вас это привычно?

- Я найду того, кто сделал это. – Она не сомневалась.

- Мой чай, – пробормотала она.

- Поставь его.

Она поставила на стол чашку. Ее тревожила его близость, ее страх, его желание, ее ложь.

Ничто сейчас не могло сдержать его. Уж как он разъярился в последний раз, а сейчас так же яростно хотел ее целовать. Казалось, его влекло к этой новой Саре, играющей роль леди, хозяйки его дома.

Подумать только: Сара Тэва, хозяйка Миэршем-Клоуз!

Что за мысли ей лезут в голову? Она же пытается забыть о Саре, а не жить ее жизнью.

И, тем не менее, сейчас он был рядом, стремясь познать в ней ту суть, которая никогда не была присуща Саре. Он покрыл легкими поцелуями ее губы, затем привлек к себе и жадно припал к ним, как изголодавшийся, измученный болью человек.

И теперь, наконец, она тоже жаждала этих поцелуев, наслаждалась ими, потому что сегодня была самой собой, Франческой.

И Алекс почувствовал это, ее уступчивость, податливость ее тела, ее жадные ответные поцелуи. Теперь никаких секретов, никакой лжи. Сара Тэва больше не может от него прятаться. Сегодня она безраздельно принадлежит ему, жаждущая и податливая.

Что-то изменилось, но он не хотел задумываться о причинах. Хотел лишь одного – чтобы эта женщина, ее губы, ее тело принадлежали ему.

Он боготворил ее, обращаясь с ней как с леди, с трепетом и жгучим желанием, которое только она могла удовлетворить. И она понимала это.

Она целовала его жадно, безрассудно, не скрывая своих желаний.

От этих поцелуев она была, словно в тумане. Вспыхивала, как порох. К тому же чувствовала себя такой незащищенной, испуганной.

Надо признаться, сказать ему правду. Нет, не сейчас, еще нет... еще не время.

Налетевший на нее ураган чувств оторвал ее от земли, унес в облака, и теперь она парила там, охваченная блаженством. Ничего подобного она никогда не испытывала. Вот что знала Сара, мелькнула мысль. Вот какие испытывала ощущения.

Это возбуждение, это желание, этот жар между ног...

Она выгнулась навстречу ему, и он еще крепче прижал ее к себе.

Вот оно... что-то горячее, твердое прижималось к ее ногам... вот что... знала Сара.

Но она не Сара! Боже, она должна сказать ему. Должна.

Алекс уже расстегивал крючки на ее платье. И она не сопротивлялась. Она страстно желала этого. Платье, шурша, упало к ее ногам.

- О Бог мой, - воскликнул он, с трудом сдерживая смех. - Все твои деньги.

Она остановила его нежными, неторопливыми, головокружительными, бесконечными поцелуями.

- Сара, - прошептал он у ее губ. *Сейчас - скажи ему сейчас!*

—А что, если... что, если бы я оказалась не Сарой? - Голос ее дрогнул, колени подогнулись. Она не упала только потому, что он крепко прижимал ее к себе. Она едва не умерла от страха.

Он может убить ее за ложь.

Он рассмеялся. Он просто рассмеялся и стал расстегивать ее рубашку.

- Не Сарой? Кем же тогда? . *Собой.*

Но ему сейчас было не до шуток. Сара была его наваждением, и он хотел овладеть именно ею.

Как она раньше этого не поняла?

Сейчас ей стало по-настоящему страшно. Весь пыл угас, когда он снял с нее белье.

Настало время расплачиваться за свою глупость. Она стояла перед ним нагая, Сара его мечты.

Он легко подхватил ее на руки, такую нежную и податливую, и понес к постели.

Такую Сару он никогда не видел; такой она представлялась ему в мечтах, – все понимающей, умелой, сдержанной и застенчивой.

Именно такую он хотел; ее тело было гибким, кожа шелковистой, словно атлас, соски упругими и напрягшимися от возбуждения.

Это была не та Сара, что исполняла экзотические танцы. Эта Сара молила о любви. И он не желал медлить ни минуты, опасаясь, как бы она не передумала и снова не замкнулась в себе.

Сначала поцелуи, жаркие, настойчивые, долгие и неторопливые. Он сбросил одежду и лег на Франческу, накрыв ее своим телом. И она помогала ему. Видит Бог, помогала, забыв обо всем на свете, кроме жгучего, всепоглощающего желания.

Он уже оказался у цели, готовый вонзиться в нее.

Франческа замерла, ощутив его плоть, оружие и силу мужчин. То, что познала Сара и что было неизвестно ей, Франческе, сейчас рвалось в ее лоно.

Он вошел в нее и тут же остановился, подавшись назад, довольствуясь пока возможностью хотя бы проникнуть в это бархатное лоно.

Ощущения были невероятными. Она отвечала так, словно только его и ждала, жаждала отдаться ему, потому что в этом, как она вдруг поняла, и состояло предназначение женщины.

Как она могла зайти так далеко? Она не в силах была думать об этом сейчас, когда он осторожно продолжал проникать в ее лоно, и ее тело, словно по собственной воле, открывалось ему.

Вот за что платят мужчины, ради чего умирают; и вот почему, увидев ее обнаженной, они так хотели овладеть Сарой.

Видимо, этого нельзя было избежать: узнавая секреты Сары, она раскрывала свои. Возможно, у нее просто не было выбора: она должна отдаться ему, иначе он не поверит в ее признание.

А может быть, уже слишком поздно рассказывать правду.

Алекс понял, что желал именно этого – долгого, неторопливого, жаркого проникновения в лоно Сары, а не мгновенного удовлетворения своей похоти.

Эта женщина, мечта любого мужчины, какой бы она ни была, нынешней ночью стала такой, какой он ее себе представлял в своих самых сокровенных фантазиях.

Ему хотелось погрузиться в нее без остатка. Вонзаться и отступить и снова вонзаться, терзая свою плоть невыносимой мукой, отказываясь взять у женщины то, что она готова отдать.

В его воображении вновь вспыхнул образ обнаженной, танцующей Сары, Сары в золотых цепях, и только теперь, когда на Алекса накатила волна возбуждения, он вонзился в нее, но вдруг ощутил преграду на своем пути.

Не может этого быть. Она потеряла счет обладавшим ею мужчинам, почему же ее лоно не пускает его?

Он раздвинул ей ноги пошире и приготовился к решительному штурму.

Все кончено. Сары больше нет. Она умерла так, как ей и подобало.

О Боже, не надо было заходить так далеко, он должен был поверить мне-е-е-е...

Она вскрикнула от резкой боли, и он замер, но уже не мог остановиться.

Что, если... Он даже не хотел думать о последствиях.

Долгое время он не мог пошевелиться, потом отстранился от нее, накрыл ее и стал приводить себя в порядок.

Франческа свернулась калачиком и смотрит своими бездонными глазами в никуда.

Его душила ярость. Женщина, которую он так жаждал последние две недели, уверенный в том, что ею обладали сотни мужчин, и страдавший из-за этого, женщина с самой скандальной репутацией на континенте, выставившая свое тело на всеобщее обозрение, вдруг оказалась девственницей!

Он во что бы то ни стало должен узнать, как, черт побери, могло случиться, что он потерял контроль над ситуацией.

Он протянул ей ночную рубашку.

- Оденься. - Господи, он едва смог произнести эти несколько слов. - Я отвернусь.

- Поздно, - выдавила она.

- Все слишком поздно, - прорычал он.

- Я же вам говорила. - Это было такое жалкое оправдание! За прошедшие десять дней она могла бы рассказать ему все. Но Алекс даже не стал напоминать ей об этом, все еще не придя в себя после потрясения.

Он налил ей чаю. Он почти остыл, но, по крайней мере, ей было чем занять руки, смочить горло и эти прелестные, лживые губы.

Кто же эта женщина, преследовавшая его во всех сновидениях?

- Могу поклясться, у тебя *есть* что рассказать мне.

Франческа отпила чаю, смочив пересохшие губы. Господи, зачем она втравила себя во все это? Ведь можно было и дальше лгать. Не пускать его в свою постель.

Он устроился в одном из кресел у кровати.

- Как только будешь готова... Сара...

- Сара никогда не будет, готова. Она умерла.

Еще одно потрясение. Умерла? Он застыл в недоумении.

- Черт! Когда? Как?

- За неделю до вашего приезда в Берлин. Я ухаживала за ней, когда она заболела, все долгие месяцы после смерти Уильяма.

- Иисусе! - Он обдумывал услышанное. Сара мертва, и какая-то незнакомка по совершенно непонятной причине занимает ее место. Как? Почему? - Как тебя зовут? - с усилием спросил он.

- Франческа. Франческа Рэй.

Даже не родственница, вообще не имеет к Саре никакого отношения. Он ничего не мог понять. Непорочная Франческа Рэй взялась играть роль самой знаменитой куртизанки континента? Если есть хоть какое-то разумное объяснение этому, он хотел бы его услышать.

- Франческа... Итак, ты ухаживала за Сарой во время ее болезни?

- Больше некому было. И денег не было.

- Ты знала Уильяма?

- Немного. А с Сарой познакомилась очень близко после его смерти.

- Понятно. - Ничего Алексу не было понятно и менее всего то, как она сумела проделать этот трюк. Сейчас она была похожа на испуганного ребенка, ничем не напоминая опытную, чувственную женщину, которой была Сара.

- Итак, Сара умерла. Что дальше? - Франческа посмотрела Алексу прямо в глаза.

- Вы появились, милорд, и приняли меня за Сару. Вот я и стала Сарой.

Он долго думал, прежде чем сказал:

- Ты могла бы в любой момент убедить меня в обратном.

- Возможно. Но не стала этого делать. На то у меня были свои причины, - смело заявила она.

- Не хочешь сказать какие?

- Не знаю, стоит ли.

- Я могу подождать, у меня масса времени. - Она казалась такой юной и незащищенной, сжавшись в комочек в его постели. Как же ей удалось провести всех? И как она отважилась танцевать обнаженная перед зрителями?

Он решил начать с хорошего, нейтрального вопроса.

- А твои родные?

- Они здесь, в Англии. А в Берлине я работала, писала портрет по заказу и ждала... друга.

Он уловил нерешительность в ее голосе.

- Мужчину. - Конечно, ничего иного и быть не могло. Она кивнула.

- И по какой-то непонятной причине ты позволила мне поверить, что ты - Сара, после чего стала выдавать себя за нее.

- Мне это было нелегко.

Ему не терпелось узнать о причинах ее поступка. И он настойчиво продолжал:

- Почему?

Она вздрогнула. О, как ему хочется узнать почему.

Почему. Такое гладкое, всеобъемлющее, короткое и емкое слово, Одно слово, одно объяснение, которое вновь отбросит ее в сети обмана и предательства.

- Кольм, - быстро произнесла она, боясь струсить. Еще одно потрясение.

- Кольм?

- Я ждала Кольма.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба, перевернув все с ног на голову. Он отчаянно пытался разобраться в ситуации, ему это было просто необходимо.

- Ждала Кольма - зачем?

- Он устроил мою поездку в Берлин. Чтобы мы были вместе. Видите ли, он мой кузен. Нас воспитали наши тети в их доме в Стоунборне. Мы с детства решили быть вместе. И когда вы спросили, приходил ли Кольм, я... - ее голос дрогнул, когда она увидела выражение его лица, - я должна была защитить его, если вы действительно говорили о моем Кольме, во что я совершенно не верю.

Предательство везде и повсюду. Алексу казалось, что все, что он построил, рушится, и он сам стал жертвой из-за жадности обладать этой женщиной. Но женщина всегда становится причиной краха мужчины. И он в этом смысле не исключение.

- Я действительно говорил о нем, - жестко заявил Алекс. Но главным ударом было то, что проделал Кольм. Как умело он вынудил Алекса Девени, отъявленного скептика, броситься в Берлин и привезти в свой дом Франческу, личного агента Кольма, которая, хотя и имела ограниченный доступ к важным комнатам, тем не менее, была неотъемлемой частью плана Алекса по разоблачению Главного Игрока.

Кольм играл им, словно пешкой, и Алекс угодил прямо в его ловушку. Возможно, он искал мотивы слишком далеко, в то время как они с самого начала были у него перед самым носом.

Сейчас он все это отчетливо себе представлял. Он несколько не удивился бы, узнав, что Кольм помог Саре умереть, дав возможность его кузине занять ее место. Чего бы она не сделала ради любимого мужчины? Она доказывала свою преданность ему снова и снова, жертвуя собой, выдавая себя за Сару.

Верность женщины. А он-то думал, что ее можно купить.

Он был сама наивность, а она оказалась такой же распутной, как и Сара, да еще и девственницей. И это было единственное, что ему удалось забрать у Кольма, нечто очень ценное и редкое, о чем он ни капельки не жалел.

Вся эта история никак не укладывалась у него в голове. Уильям мертв, Сара мертва, а шпионку Кольма он поселил у себя в доме, как гостью.

Кольму удалось отвлечь Алекса от его цели, пока бумаги не будут доставлены в Англию.

Алекс был потрясен грандиозностью плана и его разработкой до мельчайших деталей, среди них – убийство Уильяма, поездка Алекса в Берлин и подмена Сары Франческой.

Но как мог Кольм рассчитывать на то, что Франческа согласится выдать себя за Сару Тэва со всеми вытекающими отсюда последствиями?

Кольм был хозяином марионеток, и все они беспрекословно подчинялись ему.

- Твой Кольм, – категорично заявил Алекс.

- Нет. Я не верю. И приехала сюда, чтобы это доказать.

- И доказала? – поинтересовался Алекс. Она отвернулась.

- Нет.

- Как ему удалось заставить тебя сделать это?

- Что?

- Взять на себя роль Сары.

- Он не заставлял. Это была моя идея. К тому же подействовали ваши угрозы.

- Неплохая легенда... Франческа. А между тем все мы – его пешки, и Кольм диктует нам свои правила. Ну что же, мы зашли в тупик. Перед нами преграда.

- Вы уже преодолели преграду, – язвительно заметила она.

- А ты сожгла за собой все мосты, что бы ты там ни говорила.

- Вы не верите мне.

- О, думаю, кое-что здесь похоже на правду. А может, и все, но не так, как ты говоришь. Как это может быть при том, что Кольм, Главный Игрок, передвигает пешки?

- А кто тогда уничтожил мою одежду и учинил разгром в вашей спальне?

- Может, кто-то из обитателей дома. Может, кто-то другой. Тот, кто распознал в тебе змею, которую мы пригрили на своей груди.

- И все из-за Кольма?

- Из-за Кольма. И не притворяйся, будто ты не знаешь, кто он такой.

- Я знаю, кто он такой, - твердо произнесла Франческа. - Человек, которого я люблю.

Алекс был подавлен. Франческа притворялась Сарой Тэва ради Кольма, да еще берегла себя для него. Ее верность Кольму и его делу казалась невероятной, чудовищной, выходит, она с самого начала знала, что играет против Алекса.

И какова была грань между невинностью и желанием? Она и это знала, соблазняя его поцелуями, до самого последнего момента, когда было уже слишком поздно.

Все части, наконец, соединились в одно целое, и Алекс оказался в дураках, сбитый с толку, как любой, ослепленный страстью мужчина.

Непростительная ошибка. Почти неисправимая. Главный Игрок продолжает делать свое черное дело. А его, Алекса, обвели вокруг пальца.

Франческа. Ее имя - Франческа, и она вовсе не простолюдинка, не иностранка, росла вместе с предателем.

Алекс угрожал ей тюрьмой, что же, он мог бы...

Осознание собственной вины привело его в такое отчаяние, что он заметался по комнате.

- Значит, история такова. Уильям умирает. Сара умирает. А ты очень кстати оказываешься в том же пансионе, где живут они, и Кольм поручает тебе поближе познакомиться с Сарой. Узнать о ней все, чтобы подготовиться к своей миссии и, как только она умрет, занять ее место. Я ошибся, предположив, что ты привезла в Англию те злополучные бумаги. У тебя было другое задание - следить за мной. Какой потрясающий план. Приходится лишь удивляться твоей смекалке и проницательности.

- Все было вовсе не так, - запротестовала она, тщетно пытаясь противостоять его ярости.

- Нет, именно так, - настойчиво повторил он. - Иначе просто быть не могло. Ты знаешь Кольма и знала, что делаю я. Эта дымовая завеса невинности не может меня обмануть. Но масштаб самого обмана потрясает. Я уже не говорю о последствиях, даже тех, что лежат на поверхности. И не знаю, что делать с тобой.

- Вы уже сделали, - с горечью, едва слышно, произнесла Франческа. Господи, как он мог так исказить всю ситуацию?

Он посмотрел на нее долгим, оценивающим взглядом.

- Я никогда больше не хочу видеть тебя. Но сейчас мои желания - не самое главное. Все, что ты до сих пор говорила, сплошная ложь. Что еще ты мне собиралась сказать?

- Ничего. - Она возмутилась. С ним просто невозможно разговаривать. Она не лгала ему, это доказывали ее поступки, зато в его рассказах о Кольме не было и доли правды.

Она так любила Кольма, он не мог ее обмануть.

Кольм - уважаемый врач на службе у короля, а не хладнокровный предатель. Она уверена в этом, что бы ни говорил Алекс Девени.

Он вообще перевернул все с ног на голову после того, как лишил ее невинности. Наговорил бог знает что. Овладел ею потому, что думал, что она Сара, а она по какой-то непонятной

причине ему отдалась.

И зачем только она открылась ему, рассказала всю правду? Большой глупости она не могла совершить. Ведь он все равно не поверил.

Песчинка правды растворилась в потоке лжи и исчезла.

Так же, как ее невинность, окутанная сетями тайн и обмана, которую она не сумела сберечь. И теперь уже ничего не исправишь.

Однако сейчас проблема была не в этом. Алекс Девени рвал и метал, обратив весь свой гнев на нее, Франческа должна узнать о его тайной деятельности, чего бы это ей ни стоило. Так вот, оказывается, чем занималась Сара. Однако Кольм тут совершенно ни при чем.

- Да, тебе нечего мне сказать, - заявил Алекс. - Ты прекрасно поработала, Франческа Рэй. У тебя куча денег, которые ты сможешь использовать на лучших юристов, когда я брошу тебя в тюрьму за измену.

Холод сковал ее тело до самых кончиков пальцев.

- О нет, нет. Мы договорились, заключили сделку. Я не причастна к этому. Вы должны меня отпустить.

- Я ничего тебе не должен, Франческа, черт побери. Мне до тебя дела нет, можешь хоть сгнить в аду. И я позабочусь о том, чтобы и твой Кольм присоединился к тебе. Вы сыграли великолепный спектакль, миледи. - Он замер на пороге, словно его осенило. - Святой Боже, Франческа, ведь и твоя невинность была фальшивой.

Глава 16

Франческа знала, что у ее двери дежурят два лакея, и еще двое под ее окнами.

Уоррен приносил ей еду, а сам Алекс бесследно исчез.

Джудит и Филиппа наверняка рады до смерти, мрачно думала Франческа. Сара Тэва больше не будет им докучать, а совсем скоро и Франческа Рэй исчезнет из их жизни.

Боже милостивый, зачем только она впуталась в эту историю?

Франческа провела ночь без сна, оцепенев от обвинений Алекса, от его недоверия, от того, как ее ложь обернулась против нее самой.

Одно совершенно ясно: Алекс намерен избавиться от нее любым способом. Даже бросить ее в тюрьму. Туда, где Кольм не сможет ее найти. Если действительно он задался целью не допустить ее встречи с Кольмом. С другим Кольмом.

Она должна выбраться из этого дома. Глубокой ночью Франческа стала обдумывать план побега. Она должна хорошо есть, чтобы сохранить силы. И следить за тем, как меняются лакеи, и сторожат ли они дверь, когда Уоттен приносит еду.

Еще надо выяснить, сочувствует ли Уоттен ее беде.

Алекс не отнял у нее деньги - пока. Она носила их с собой, прикрепляя к одежде. И, как оказалось, не напрасно, учитывая тот разгром, который учинил в комнате неизвестный

злоумышленник. Она ведь могла спрятать деньги под матрас – и тогда распростилась бы с ними.

Франческа упаковала банкноты в небольшой чемоданчик, умылась, оделась.

Времени на размышления нет. Нужно действовать быстро.

Совершить побег лучше всего, разумеется, ночью. Но не в ее случае. Ночью темно, а Франческа не ориентируется на окружающей местности и может сбиться с дороги. К тому же в ночное время наверняка увеличилось количество охранников.

Так что придется ей бежать на рассвете. Меньше риска.

Мысли об Алексе, Саре и том кошмаре, который ей пришлось пережить, исчезли. Их вытеснили мечты о свободе, о доме, где она сможет жить в безопасности. И на душе стало легче.

Она никогда не думала о Брейдвуде как о доме, но сейчас он привлекал ее своей надежностью и покоем. На тетю Клариссу и даже тетю Иду всегда можно положиться.

Кольм наверняка сейчас там или оставил ей записку. И рассказал тетушкам, как разминулс с ней в Берлине. Да, именно так он и скажет, чтобы их успокоить. И сообщит, что Франческа уже едет домой.

День был на исходе, и волнение Франчески все нарастало. Она прикинула в уме время смены охранников, посмотрела, где именно они стоят. Пододвинула чемодан к самой двери. И сейчас ей нужен был всего один шанс, чтобы освободиться.

Но что, если появится Алекс?

Нет, он больше не желает ее видеть, и дал ей это ясно понять. Она не станет ждать, когда он, наконец, решит от нее избавиться.

На рассвете Франческа была уже готова и только ждала удобного момента, чтобы выскользнуть за дверь. Все в доме еще спали.

Она тихонько постучала в дверь. Дверь приоткрылась, и показалось лицо лакея.

– Да, мэм?

Франческа улыбнулась ему самой очаровательной улыбкой, на какую только была способна.

– Я... мне... нужно – вы понимаете...

– Да, мэм. – Он открыл дверь.

Он один! Надо действовать немедленно!

Она ударила его по коленям и, когда он со стоном согнулся, нанесла удар в пах, схватила чемодан и побежала.

Вниз по ступеням, слыша, как разозлившийся охранник зовет на помощь. Господи, у нее и трех минут нет, но она все равно успеет, успеет.

Еще один слуга бежал ей навстречу по лестнице. Франческа толкнула его чемоданом в грудь, и он, потеряв равновесие, кубарем покатился вниз.

Топот, крики – дом проснулся.

Вниз в приемную, ей навстречу несся еще один слуга. Франческа схватила чемодан обеими руками, с размаху ударила его, и он тоже покатился вниз.

Дверь, дверь... О Господи, если дверь закрыта, все кончено... Она открылась легко, без скрипа – петли были хорошо смазаны... Скорее, туда, во влажный серый рассвет. Вслед ей неслись крики и шум.

Как спрятаться от погони?

Франческа обогнула дом, держась в тени, и укрылась под аркой.

Погоню возглавил Уоттен.

Они растянулись в цепь, чтобы охватить побольше территории, уходя все дальше в поле, пока не превратились в маленькие точки.

Лишь тогда она выбралась из-под арки, бросилась в тень стоявших неподалеку деревьев и крадучись перебиралась от куста к кусту к дороге.

Из комнаты наверху Алекс и Маркус наблюдали за ней.

- Ради Бога, Алекс, не дай ей уйти.

- У слуг есть инструкции. Они пропустят ее. Я знаю, куда она направляется, Маркус. И использую ее, чтобы убить сразу двух зайцев.

Филиппа не знала, радоваться ей или злиться. Сучка исчезла из комнаты Алекса, из дома, из их жизни.

Она пробралась в маленький коттедж пораньше, чтобы сообщить новость Аполлону.

Она не переставала поражаться тому, что он всегда там, всегда обнаженный и всегда ждет ее.

- Не говори ни слова, дорогая. Расскажи про бал.

- Все было очень, очень... мило.

- И ты была прекрасна, – прошептал он. – Я знаю.

- Откуда? – испугалась Филиппа. Что, если он видел ее с Маркусом? Что, если он понял... если решил... Что, если ее идиллия закончится?

- Намного прекраснее той шлюхи, моя амазонка. В своем синем платье ты была центром внимания. Но ведь тебе это нравится, да?

Он уже раздел ее и уложил на постель.

- Да. – Филиппа сразу раздвинула ноги. – И ты это знаешь. – Она наслаждалась, ощущая в себе

его плоть. – Эта сучка исчезла.

– Ты о ком? – рассеянно спросил он.

– Ты знаешь, о ком. О ней. – Он оцепенел.

– Правда? Как это произошло?

– Он... – начала она, – мне сказали, что он, наконец, ее отослал.

– Так, так. Значит, и у великого Алекса Девени есть предел терпению. И действительно, эта шлюха может, кого угодно довести до белого каления. Ее можно выносить и держать рядом с собой лишь в том случае, если она незаменима в постели.

– Как я, мой Аполлон, – прошептала Филиппа, и тело ее затрепетало.

– День только начинается, моя распутница. Так почему бы тебе не попробовать снова?

– Что ж, Алекс. Насколько я понимаю, ты, наконец, одумался.

– Бал был прекрасный, мама, благодарю.

– И ты получил то, что хотел? – спросила Джудит. Алекс вопросительно взглянул на нее.

– Ты никогда ничего не делаешь просто так, ты что-то задумал.

– Хотел представить Сару нашим друзьям и соседям, чтобы выразить ей то уважение, которого она заслуживает, как жена Уильяма. Вот и все.

– И поэтому она убежала.

– Похоже, что так.

Уоттен подал завтрак позднее обычного; все слуги участвовали в погоне за Франческой, и Джудит, услышав новость, сочла возможным за завтраком присоединиться к Алексу.

– Ты несносен, Алекс, всегда поступаешь, как тебе заблагорассудится, ни с кем не считаешься.

– Хорошо, что ты это понимаешь, мама, потому что я отправлюсь за ней уже на этой неделе.

– Клянусь Богом, у меня участился пульс. С какой стати?

– Это мое дело.

– Я не собираюсь больше обсуждать эту тему, – возмущенно заявила Джудит.

Собственно, и у Алекса не было ни малейшего желания говорить о случившемся. Он еще не пришел в себя после всех откровений и предательства.

– Ты все равно поступишь по-своему, – сказала напоследок Джудит. И Алексу стало даже как-то спокойнее, что все вернулось на круги своя.

Поднявшись к себе, Алекс почувствовал аромат Франчески. Никогда больше он не поддастся ему. Его так ловко провели, заманив в чувственные сети, ни один нормальный мужчина не

смог бы устоять перед ней.

Ну что ж, теперь все предельно ясно, и он готов встретиться с Сарой Тэва – Франческой Рэй – еще один раз.

Но он даст ей время добраться до Стоунборна. Чтобы она успела встретиться со связным.

Шахматные фигуры. Он рассчитывал на них. Кольм – не единственный, кто умеет играть в эту игру.

Деньги значительно облегчили ее положение. Фунт здесь, шиллинг там – никто не смотрел косо на женщину с чемоданом, у которой имелись наличные.

Франческа все время была начеку. Даже садясь в карету у пивной «Меретон», все еще была уверена, что Алекс настигнет ее. Но этого не случилось. Проведя весь день в пути, Франческа благополучно добралась до Рилстона, где пересела в почтовую карету до Вернон-Вейл.

Путь был долгий, утомительный, с ужином и ночевкой в гостинице, но деньги избавили ее от некоторых неудобств.

Прошел еще целый день, прежде чем она доехала до Стоунборна. И тут вдруг ее охватила тревога. Как ее встретят дома? Ведь она отсутствовала чуть ли не год.

Столько всего случилось за это время. Она очень переменилась. И, кажется, она совершила глупость, сказав Алексу, где живут ее родные.

Господи, кажется, сказала.

Но теперь уже поздно сожалеть. Она едет домой.

Алекс был терпелив, он умел ждать. Но не прошло и двух дней после побега Франчески, как ему уже захотелось отправиться за ней следом.

Ему так и не удалось изгнать из своих мыслей ее образ. Даже сейчас, лежа в постели, он мог думать только о Саре Тэва. О противоречивости ее натуры, которая теперь легко объяснялась.

Но совершенно невероятно, чтобы история, которую рассказала Франческа, оказалась правдой. Он просто не может поверить в эту сказку, иначе снова окажется в дураках.

Нет, все совершенно ясно: она – марионетка Кольма, его возлюбленная, его агент, и ее главной и единственной задачей было соблазнить Алекса и шпионить за ним.

Он был готов отправиться в Стоунборн в любой день. Но надо дать ей время оценить там обстановку и составить план действий. Он был уверен, что Сара, то есть Франческа, отлично с этим справится. Будь она наивной, ей не удалось бы свалить его, как старый гнилой дуб.

В ночной тишине на Алекса снова нахлынули воспоминания о ней, о ее поцелуях и ласках, сводивших его с ума.

Он испытал облегчение, когда на следующий день появился Аластэр.

- Ты действительно отпустил ее, Алекс? Как жестоко с твоей стороны!

- Все когда-нибудь кончается.

- Но, право же, дорогой мой, она была невероятна. Я приехал сказать тебе, какой замечательный был бал. И прелестная шлюха. Я надеялся заполучить ее для закрытого вечера, который собирался устроить.

Алекс вскинул бровь.

- Правда? Сожалею, но должен тебя разочаровать: она оставила свое ремесло.

- Да будет тебе, Алекс! Оставила? Эта распутница? Не верю. Нет, правда, куда она отправилась? Я сам договорюсь с ней. На тех же условиях, что и Селфридж. И, конечно же, приглашу тебя.

- Я бы рад помочь, но не знаю, где она.

- Ах, Алекс, Алекс. Бережешь ее для себя. Так-так. Ну ладно, все образуется само собой. Прощай, дорогой, - И, махнув фалдами сюртука, Аластэр ретировался.

Они желали ее. Даже Аластэр. Господи, она стала своего рода развлечением для мужских компаний. Новый трюк с участием прелестной распутницы, готовой снять с себя одежду.

Проклятие, проклятие, проклятие...

Вот и еще один день прошел. Завтра он отправится в путь.

Вдруг он заметил, что в его комнате горит свет. Наверное, Уоттен укладывает вещи.

- Закрой дверь, Алекс.

Филиппа, обнаженная, лежала на его постели; в неярком свете свечей он увидел ее налитое желанием тело, пышную, красивую грудь. Белокурые волосы струились сверкающим водопадом по ее плечам.

Она подвинулась, приглашающе похлопав по подушке рядом с собой.

- Филиппа, прекрати! Ты не должна была этого делать.

- Почему? Ведь эта тварь исчезла. А я хочу тебя. Маркус меня совершенно не удовлетворяет. Не бойся, никто ничего не узнает. - Она пошевелила бедрами, выставляя все свои прелести напоказ. - Ты знаешь, я давно этого хотела.

- Но я не хотел.

- Ты все еще одурманен этой сучкой. Но это пройдет, а пока я тебя утешу. - Она встала на колени. - Иди ко мне, Алекс. Я хочу тебя!

Алекс не был каменным. Его плоть напряглась. Воображение разыгралось. Он представил себе Сару, ее тело в цепях.

- Филиппа, не заставляй меня повторять дважды. Я не хочу тебя. Ты - жена Маркуса.

Ее охватило отчаяние. Алекс не хочет ее. А ведь Аполлон клялся, что ни один мужчина не устоит перед ней, что ее тело может любого свести с ума.

Филиппа спустила ноги с постели.

- Я обуза для Маркуса. Алекс, подумай. Ну, кому от этого плохо? С ней ты был, а со мной не хочешь? Поверь, я гораздо лучше в постели и всегда буду рядом с тобой.

Алекс, конечно, не был ни святым, ни монахом, но не мог себе позволить спать с женой родного брата. А Сара Тэва не в счет.

- Оденься, Филиппа. И иди домой.

- Ты не представляешь, от чего отказываешься.

- Почему же, представляю, - ответил он, чтобы не обидеть ее.

- Ну, тогда попробуй. Попробуй меня.

- Филиппа...

Ее губы задрожали от боли и обиды.

- Я тебе этого не забуду, - заявила она, решительно направившись к гардеробной за платьем и туфлями. - Я не прошу. - Слезы бежали по ее щекам.

- А ты сможешь после этого смотреть мне в глаза, когда мы будем сидеть за обеденным столом?

- Не надо шутить. Я предложила себя.

- Тебе пора домой.

Униженная его отказом, она пронеслась мимо своего дома, не заботясь о том, что ее могут увидеть.

Ей нужен был сейчас Аполлон, тот, кто предпочел ее всем остальным женщинам.

В полной темноте она бежала через деревню по длинной, извилистой дороге, которая вела к коттеджу.

Но в доме было темно.

- Аполлон, Аполлон... - Она подергала ручку. - Открой! - Она еще раз подергала ручку. Дверь была заперта. - О Боже... Аполлон... - Ее голос дрогнул, когда она обошла коттедж и попробовала открыть переднюю дверь. Закрыта.

Она заглянула в окно гостиной, освещенной светом камина.

Кровати возле камина не было, на ее месте снова стояли стулья и диван.

Филиппа стала громко стучать, и дверь медленно отворилась.

На пороге появилась старушка, согбенная и морщинистая, как ведьма из сказки.

- Мужчина, что жил здесь... - в отчаянии произнесла Филиппа.

- Уехал, моя дорогая. Уехал вчера. А я слежу за домом, пока его снова не сдадут. Он - он уехал.

И даже адреса не оставил.

Тетя Ида встретила Франческу так, словно та ненадолго отлучалась по делу в деревню:

- А, это ты. Входи, Фрэнсис.

- Франческа, - произнесла она, готовая к новым стычкам с тетей Идой, и поставила чемодан у вешалки.

Тетя Ида направилась в гостиную. В Брейдвуде мало что изменилось. Плотные бархатные шторы по-прежнему закрывали окна, не пропуская в комнату воздух и свет. Мебель была под стать тетке - такая же чопорная и надменная. В общем, комната не сулила радушного приема.

- Присядь, - сказала тетя Ида.

Франческа села, искоса взглянув на тетку; та тоже ничуть не изменилась, только морщинки стали поглубже, особенно возле поджатых сейчас губ.

- Итак, Фрэнсис...

- Франческа.

Тетя Ида проигнорировала поправку.

- Это просто визит или ты одумалась и, отказавшись от легкомысленной идеи стать художницей, вернулась домой насовсем?

- И то и другое... Ни то ни другое... Не знаю. - Она снова почувствовала себя десятилетней девочкой, но тут же взяла себя в руки. Не затем она приехала в Брейдвуд, чтобы все повторилось.

- Понятно, - сказала тетя Ида. - И все же, какие у тебя планы? Как долго ты здесь пробудешь?

- Пока не знаю.

- Моя дорогая Фрэнсис, здесь тебе не пансион, хотя, полагаю, ты уже привыкла к такой жизни. Либо ты здесь, Фрэнсис, либо тебя нет. Середины быть не может.

- Франческа, - машинально поправила она тетку. - Ну, тогда я здесь - пока.

Последовало долгое молчание, видимо, тетя Ида обдумывала услышанное. Что было, мягко говоря, удивительно.

- Ну что же, - наконец сказала она, - придется тебя принять, раз денег у тебя нет, в чем я почти не сомневаюсь.

Франческа уже открыла рот, чтобы возразить, но передумала. Тете вовсе не обязательно знать о надежно спрятанных нескольких сотнях фунтов, которые ей удалось заработать.

Впрочем, можно и чуть-чуть соврать...

- Вообще-то я получила немного денег. Генерал, чей портрет я писала... - тетя Ида фыркнула, - очень щедро мне заплатил, и я сумела скопить немного денег. Так что я не буду для вас

обузой, тетя Ида. Думаю, вам интересно это узнать.

На самом деле Франческа была уверена, что тетя Ида предпочла бы увидеть ее нищей, а не самостоятельной и независимой.

- Что же, слава Богу, и за малые милости. Очень хорошо. Будешь жить в своей прежней комнате. Едим в то же время. Надеюсь, ты не откажешься помогать по дому.

- Конечно.

- И реши, наконец, что ты предпочитаешь - жить богемной жизнью или выйти замуж?

- Мне претит и то и другое, тетя Ида.

- Я смотрю, Фрэнсис, ты так же остра на язык, как и прежде. Год, прожитый вдали от дома, не расширил твой кругозор.

- Но и не сузил его. Спасибо, тетя Ида. Приятно оказаться дома. Кстати, где тетя Кларисса?

На мгновение Ида растерялась.

- А, Кларисса. Она сейчас придет, Фрэнсис. Должно быть, она в саду. Или еще где-то. Почему бы тебе пока не пойти к себе? Там осталось кое-что из твоей одежды. Надеюсь, ты снимешь это тоскливое черное платье.

- Да, тетя Ида.

Она взяла чемодан из холла.

- Когда ты уезжала, у тебя было намного больше вещей, Фрэнсис. Где они?

- Франческа. Когда придет время, скажу, тетя Ида. - Она уже поднималась по лестнице, ощущая знакомые запахи духов и шариков от моли.

Она снова почувствовала себя десятилетней девочкой. Франческа открыла дверь своей комнаты, выходящей окнами на север. Здесь тоже ничего не изменилось - все та же узкая кровать, крашеный туалетный столик, обгоревшие свечи. У окна - ее мольберт, на книжной полке - засохшие, потрескавшиеся краски... ее первые миниатюры с изображением дома, ее теток... портрет Кольма.

Господи, Кольм... ну почему же ты не появился?

В гардеробной на вешалках висели ее полотняные платья. Она увидела свои туфли, нижнее белье. Яркие ленты и кружева высыпались из коробки. Ее стол у окна казался невероятно маленьким.

Или она выросла с тех пор, как уехала?

Ей нужно как следует спрятать деньги, чтобы тетя Ида, когда будет здесь рыться, их не нашла.

Услышав торопливые шаги в коридоре, Франческа засунула чемодан подальше.

- Франческа, Фрэнни, милая... - послышался воркующий голосок тети Клариссы, и через мгновение она вбежала в комнату, заключив Франческу в объятия.

- Ну, вот и ты, - воскликнула она. - О, мы так волновались за тебя, но, слава Богу, ты здесь, и теперь все хорошо. - Кларисса выпустила Франческу из объятий и взгляделась в ее лицо. - Ты похудела, дорогая, но, по-моему, тебе это идет. И выглядишь ты совсем взрослой.

Франческа всегда чувствовала себя счастливой в обществе тети Клариссы.

- Я просто стала на год старше. Так хорошо вернуться домой!

- И надолго? - спросила Кларисса.

- Поживу здесь какое-то время.

- Вот и хорошо. Ида сказала, что ты снимешь это траурное платье и спустишься вниз к чаю.

- Ты хочешь сказать - на допрос.

- И это тоже, - засмеялась Кларисса. - Ну, давай, Франческа, поторопись.

И она оставила племянницу одну.

Так - теперь деньги... нет, сначала переоденусь. Это проще и быстрее. Но старые платья ей уже не годились. Стали короткими, может быть, она выросла? Она выбрала платье из голубой саржи с широкой подпушкой, которую потом можно будет отпустить.

Ей опять десять лет.

Так, где же спрятать деньги?

В Брейдвуде к дому была пристроена небольшая веранда, и именно там они обычно пили чай летом, вопреки упорным возражениям тети Иды. Тетя Ида не любила свежий воздух, в отличие от тети Клариссы.

Тете Клариссе хотелось узнать все сразу.

- Ну, расскажи, как там было в Берлине? Ты попутешествовала. Мы получили твою открытку. И знаем, что Кольм поселил тебя в пансионе. Там было прилично? А как еда? Как генерал? Остался, доволен твоей работой?

- Настолько доволен, что даже заплатил Фрэнсис, - сказала тетя Ида недовольным тоном.

- Заплатил! Это замечательно, Франческа, - воскликнула тетя Кларисса, нарочно назвав ее именем. - Заплатил? Боже! И каков он собой?

- Ну, его представление о собственной персоне явно расходилось с моим, - сказала Франческа, - но мы с этим разобрались. Деньги помогают убеждать. Пансион чистенький, в оплату входил и стол. Все обитатели держались особняком.

- А Кольм...

- Я его ни разу не видела. Он так и не появился. Надеялась застать его здесь.

Тетя Кларисса покачала головой.

- Это в высшей степени странно. Ну да ладно. Он - мужчина и, скорее всего, придет сюда,

когда пожелает. Выпей чаю, дорогая.

Чаепитие оказалось довольно приятным, и Франческа обнаружила, что питает симпатию, по крайней мере, к тете Клариссе. А тетя Ида сидела с сердитым видом, свежий воздух явно портил ей настроение.

Франческа рассказывала о Берлине, о том, как легко понимала язык, учтиво поклонившись при этом теткам за их дальновидность, за то, что обучили ее языкам.

Она вспомнила несколько забавных историй о генерале и упомянула, о царящей в Берлине неразберихе после смерти императора.

- Полагаю, Кольм все еще занимается этим делом. Они продолжают обвинять врачей! - воскликнула тетя Кларисса с негодованием. - Ну, ничего, Кольм - самый лучший из них, у него все в порядке, и он наверняка скоро приедет домой.

Вот именно, подумала Франческа, ликуя. Кольм не имеет никакого отношения к агентам и пропавшим бумагам. Он просто занят, устанавливая причину смерти Фридриха.

Франческа чувствовала себя отмщенной. Она ликовала. Наконец-то она дома.

Тетя Ида, извинившись, ушла, а Франческа еще долго болтала с тетей Клариссой, радуясь, что за время ее отсутствия ничего не изменилось.

- Интересно, о чем мы будем говорить за обедом? - спросила Кларисса. - Мне кажется, мы исчерпали все темы. Ступай наверх, отдохни.

О, она отдыхала с того самого момента, как переступила порог этого дома, в котором в свое время ей было так неудобно. Сейчас она чувствовала себя здесь, словно в раю.

Опасения Франчески оказались не напрасными. Вернувшись в свою комнату, она обнаружила там тетю Иду, рывшуюся в ее вещах.

- Одно платье? Одна ночная рубашка? Один чемодан? А где все твои краски и кисти? Знаешь, сколько денег мы на них потратили? И что это за ужасные кольца? Право же, Фрэнсис, свобода вскружила тебе голову. Ты совершенно не ценишь то, что для тебя делали.

- Перед отъездом я оставила все в пансионе. Его владелица хранит мои вещи у себя.

- Да? Ты что, вернешься туда? Проклятие, сама себя загнала в угол.

- Возможно.

Тетя Ида вздохнула.

- Ты несколько не изменилась, Фрэнсис.

- Франческа. Да и вы тоже, тетя Ида. Не могли бы вы покинуть мою комнату?

Вот от таких изматывающих стычек и убежала Франческа в Берлин. Она отодвинула лежавшие на кровати колечки и легла, заложив руки за голову.

Хорошо, что она спрятала деньги, прежде чем спуститься вниз.

Она нашла для них идеальное место: прямо над дверью, в небольшом углублении между стеной и дверной рамой. Тете Иде туда будет трудно добраться, да это ей и в голову не придет.

Но все остальное тетушка тщательно проверила.

Франческа подскочила на постели. Колечки!

Единственное, что осталось от Сары Тэва. Напоминающие о том, что натворила Франческа. Незачем вызывать у тети Иды подозрения.

Пора похоронить мертвых.

Она взяла ножницы и принялась резать пояс. Подкладка оказалась мягкой и податливой. Она засунула палец в одно из атласных колечек, но там вообще не оказалось подкладки.

Странно.

Потянув, Франческа обнаружила, что это свернутая в кольцо тончайшая бумага.

Франческа осторожно развернула ее и, подняв к свету, увидела ряды цифр и букв, четко написанных убористым почерком.

Дрожащими руками Франческа распоролла еще одно колечко и вытащила еще один рулон бумаги. Потом еще один. И еще.

Не в каждом колечке была бумага, но таких рулонов набралось достаточно. Франческа разложила их на кровати. Сомнений нет: перед ней те самые многострадальные бумаги из черной шкатулки, о которых Сара якобы ничего не знала.

Глава 17

Франческа провела дрожащей рукой по тонкой бумаге, разложенной на постели. Все листки были исписаны какими-то непонятными буквами, знаками и символами. Сложенные вместе листочки составляли примерно одну страницу размером с деловое письмо.

Бумаги...

Господи, бумаги, ставшие причиной раздора. И это означало, что все, в чем Алекс обвинял Сару, правда.

И что теперь ей делать? Одно ясно - никто не сможет увидеть бумаги, из-за которых погибали люди. И тот разгром и Мизэршеме явно был связан с ними. Человек в здравом рассудке сжег бы их немедленно.

Когда Сара получила их? Могло ли это произойти после смерти Уильяма?

Но стоит ли гадать? Теперь бумаги у Франчески, и она не собирается их уничтожать. Пока не собирается.

Она устала на обрезки ткани, разбросанные на постели. Это тоже нужно убрать, чтобы не увидели тетушки и не задавали лишних вопросов.

Господи, она еще и дня не пробыла дома, а ее снова преследуют какие-то тайны.

Как и говорил Алекс...

Франческа вздрогнула. Паутина лжи обволокла ее. И ей предстоит сплести еще одну.

Что, если кто-нибудь сейчас войдет?

Нужно убрать все эти бумажки.

Она начала складывать тончайшие листочки в стопку.

Разглядывая их, время от времени встречала значки, которые были ей знакомы. Число. Слово. Крест. Но никакого смысла.

Сколько их? Двадцать? Пятьдесят? Стоит дунуть, и они улетят.

А костюм? Она даже не проверила его до конца. Но сначала необходимо спрятать бумаги.

Нужно чем-то придавить листочки. Может, стеклом и бумагой? Или положить их под один из ее рисунков. Потянувшись, Франческа взяла написанный ею портрет Кольма, и через минуту портрет лежал на постели, а она прижимала стопку листочков к задней части рамки. Так, теперь сверху портрет Кольма, и опять в...

...секунду!

На верхнем листке ей бросилось в глаза слово. Она подняла листок к свету, чтобы разглядеть его.

Аббатиса.

Ей знакомо это слово.

Откуда?

Франческа положила портрет Кольма поверх листочков и засунула всю стопку в рамку. Одно дело сделано.

Теперь колечки. Можно положить их обратно в чемодан, но тетя Ида наверняка захочет узнать, почему они все еще там, и к тому же разрезаны. Эта тайная деятельность, оказывается, такая сложная.

Франческа нашла под кроватью старый холст с незаконченным рисунком. Рамка на нем была достаточно широкой, чтобы спрятать костюм, если найдется, чем его придавить. Подойдет фанерка или картонка. Даже еще один кусок холста – наверняка на чердаке есть старые холсты.

Поднявшись по пыльным ступеням на чердак, она быстро нашла то, что ей нужно, – кусок картона, который засунула в рамку, потом водрузила картину на мольберт в комнате.

Хороший эффект. А рисунок ужасный.

Аббатиса... почему ей так знакомо это слово?

Где-то внизу прозвучал гонг. Звук из ее детства, приглашавший к столу. Он эхом отозвался в ее душе, усилив страх.

Но ведь это не дом ужасов, и она сама привезла с собой эти бумаги.

Ей нечего бояться только из-за того, что она что-то прячет. Просто она не хочет, чтобы тетя Ида вмешивалась в ее дела.

Аббатиса.

Что-то есть важное в этом слове. Но что?

Она спустилась в столовую, тетушки уже сидели за столом.

- Ты опоздала. - Тетя Ида не могла обойтись без замечаний.

- Прошу прощения.

Обед был такой, как когда-то в детстве: суп из чечевицы, пирог с курицей, картофель, салат, апельсиновый пирог.

Да, она наконец-то дома.

Ну, а дальше что? Когда-то она отправлялась в свою комнату, играла с Кольмом, читала или рисовала.

- Пойдем, дорогая, - сказала тетя Кларисса. - Посидим и гостиной, почитаем журналы.

Это было что-то новое. Франческа последовала за тетей, и Кларисса вытащила из ящика стопку журналов.

- Вот. Все свежие. Мы меняемся ими в нашем дамском кружке. Сейчас наша неделя.

Франческе совершенно не хотелось читать. Все публикации были на религиозные темы.

- Мне это неинтересно.

- А нам понравилось. Тогда почитай книгу.

- Вам вовсе не обязательно меня развлекать. - Кларисса задумчиво посмотрела на нее.

- Пожалуй, ты права. Но, может, партию в шахматы?

- Я так давно не играла в шахматы. - С тех пор, как уехал Кольм, подумала Франческа, вспоминая, как они неслись в библиотеку, чтобы провести час у камина за шахматами. «Мы - пешки, - вдруг прозвучал в ушах голос Алекса, - а Кольм - Главный Игрок». - Она тряхнула головой, чтобы прогнать наваждение. - Вы объявите мне мат за десять секунд.

Кларисса улыбнулась.

- Ну, я не настолько преуспела в игре. - Она задумалась на секунду. - Давай сыграем в карты. Помнишь, как мы играли? Весело было.

Весело в таком мрачном доме?

Только тетя Кларисса и скрашивала в нем жизнь. И Кольм.

- Мы можем сыграть прямо здесь. - Она достала из ящика колоду карт.

Они играли около часа, потом Кларисса приготовила чай и теплое молоко.

- Очень полезно для сна.

Было всего девять вечера, когда Франческа выпила чай, поцеловала тетушку и поднялась к себе.

Что дальше?

Наверное, приезд сюда был не самой удачной идеей. Тетя Ида по-прежнему все вынюхивает. Заняться совершенно нечем. Милая тетя Кларисса! Пытается развлечь ее, словно ей все еще десять лет.

Пожалуй, лучше всего почитать.

Она стала спускаться вниз, когда вдруг услышала тихие голоса.

- Сегодня мы начинаем программу.

Это она расслышала ясно. Второй голос прозвучал глуше. Потом все стихло.

Франческа сбежала вниз и вошла в библиотеку.

Эта комната, в которой одну стену целиком занимал алтарь, была полна воспоминаний. Тетя Кларисса сохранила все их детские книги, и Франческа с удовольствием вдохнула такой родной, знакомый запах.

Самые радостные минуты детства были связаны с этой комнатой. Они могли сидеть здесь часами, придумывая всевозможные истории, фантазируя, мечтая о какой-то совсем другой жизни.

Помнила Франческа и менее приятные вещи: как тетя Ида гонялась за ней, если она не слушалась ее и пряталась под стульями и столами, за шторами, в нише между стеной и алтарем и под кроватью.

Все эти воспоминания нахлынули на нее, когда она стояла в библиотеке.

Ну, хватит. Она прогнала мысли о прошлом, выбрала книгу и вернулась к себе в комнату.

- Фрэн-сис... Фрэн-сис...

Голос звучал рядом, ворвавшись в ее сны.

Вздрагнув, Франческа проснулась и обнаружила, что по-прежнему находится в своей маленькой комнатке и что почти сползла с постели.

Фрэн-сис...

Демон во сне...

Она снова улеглась, и голос немедленно вернулся.

Фрэн-сис...

Такая же, как и ее мать – наказать ее – отвести к Аббатисе. Передай все Аббатисе.

Фрэн-сис...

Обещай мне – Сара Тэва никогда не умрет...

Уходи со сцены, пока они еще помнят твое имя...

Она проснулась вся в холодном поту.

Сара! И во сне нет от нее покоя... Передай все Аббатисе, сказала Сара. Все. Одежду? Костюмы? Тайны...

Господи, она никак не может заснуть.

И что толку от всех этих воспоминаний?

Франческа встала, надела халат. Завтра надо выпить перед сном теплого молока вместо чая.

А может, и сегодня, учитывая ее состояние.

Она тихонько спустилась в кухню и подогрела себе молока.

Вокруг царило безмолвие, не было ни души. Тетушки привыкли рано вставать и сейчас наверняка крепко спят.

Франческа почти поднялась по лестнице, когда услышала слабый звук.

Должно быть, это скрипит дом. Брейдвуд так же стар, как и деревья вокруг него.

Еще один шаг – и она вновь услышала звук.

Глупо рисковать, но она должна посмотреть, в чем дело. Глотнув молока, она поставила чашку на ступеньку и стала спускаться.

Брейдвуд.

Алекс узнал о том, что она уже в Брейдвуде, расспросив жителей городка, и теперь, когда нашел, наконец, этот старый, обветшалый дом, у него пропала охота возвращаться назад.

Мрачное, странное место, подумал он, сидя верхом и натянув поводья. И оба они выросли здесь, среди этих башен и башенок.

Полная луна заливала своим прозрачным светом все вокруг, казалось, будто в тени притаились призраки, и даже сам воздух напоен злом.

Франческа Рэй вернулась в это Богом забытое место вовсе не для того, чтобы спрятаться от него. Каким-то образом Кольм связался с ней, и у них здесь назначена встреча.

Алекс готов жизнью поклясться, что именно так обстоит дело.

Все вокруг замерло, когда он, наконец, спешился среди небольших кустов, откуда дом был виден как на ладони. Глубокой ночью, при свете луны дом выглядел как-то странно, пожалуй, даже зловеще.

Может, потому, что здесь жила эта парочка?

Как долго они работают вместе? Возможно, с самого детства.

Но Франческа приехала сюда позже, после смерти родителей, когда была уже постарше. Алексу удалось узнать, что Кольт жил здесь с самого рождения, у своих теток, являвшихся его опекунами. Учился он сначала в Фенчерче, потом в медицинской школе в Шотландии и сделал неплохую карьеру.

Но кое-что в его жизни осталось скрытым от посторонних глаз. Непонятно, каким образом он стал профессиональным шпионом в мирное время и, возможно, автором дьявольского, безумного плана, о котором в верхах говорили шепотом.

Такие, как Кольт, по чьему-то приказу сверху выполняют грязную работу. А задача Алекса - их разоблачать и преследовать.

Вокруг ни души, лишь сова и луна. Алекс затаился в кустах в ожидании рассвета.

Франческа замерла на нижней ступеньке. Прислушалась. Откуда-то справа снова донесся протяжный резкий звук.

Библиотека...

Она бросилась к холлу и прижалась спиной к стене у самой двери.

В тишине раздался едва слышный писк...

Какое-то безумие. Скорее всего, это мыши.

Она направилась в сторону холла - остановилась, прислушалась, двинулась в сторону библиотеки, где все еще горела лампа.

Ей слышались какие-то звуки. Или это разыгралось воображение?

Запретная...

От этого слова, ворвавшегося в сознание, Франческа едва не подскочила.

Ей почудился голос тети Иды.

Запретная...

В этом доме тысячи запретных вещей...

Она направилась к алтарю - огромному резному сооружению из дерева.

Что-то связано с алтарем?

Франческа прикоснулась к дереву и отдернула руку, словно обожглась.

И тут она услышала скрип минутной стрелки часов, которая неумолимо приближалась к полуночи.

Ну конечно, часы. Двигающиеся гири. Скрипучий звук древней минутной стрелки.

Франческа подняла чашку с молоком со ступеньки и стала подниматься наверх как раз в тот момент, когда часы пробили полночь.

Следующий день оказался точной копией предыдущего. Завтрак с тетюшками, сбор цветов в саду с тетей Клариссой; немного времени в одиночестве.

Франческа прошла по деревне; делать совершенно нечего, и это ее уже тяготило.

Ничто не удерживает ее здесь. Тетюшки уверены, что Кольм в Берлине, и это главное.

Разумнее всего вернуться в Германию и выполнить заказ. По крайней мере, это пригодится для будущей карьеры, и деньги неплохие.

Но теперь ей долго не придется заботиться о деньгах, приятно сознавать, что она сможет пожить в свое удовольствие, ничего не делая.

В любой день она может уехать. И, если повезет, встретится с Кольмом в Германии.

Наконец-то она сможет забыть о Саре Тэва, как о дурном сне. Нет, ей никогда не забыть Сары и ее танцев. Никогда.

Или Алекса Девени, который злоупотребил ее доверием. Но об этом лучше не думать.

В целом такой вариант был наиболее приемлемым. Она погостит еще немного у тетюшек и уедет. И ей нет дела до того, что скажет тетя Ида.

Вернувшись из деревни, Франческа утвердилась в своем решении. Поживет здесь еще недолго и с чистой совестью уедет. Погостила и хватит.

Вторая половина дня и вечер прошли как обычно: ужин, карты. Чтение. Теплое молоко перед сном.

Сон сморил ее...

Фрэн-сис... Фрэн-сис...

Скажи Аббатисе, что ты должна уйти...

Она подскочила на постели.

Эта Аббатиса преследует ее; и Сара Тэва тоже. И поцелуй Алекса. Почему она не может все это забыть?

Она вскочила с постели и набросила халат.

Все звуки казались особенно громкими, когда она спускалась вниз подогреть себе еще молока.

Снова вздох. Писк. Стон. Опять разыгралось воображение?

Нет... подожди...

И снова к библиотеке... эта проклятая библиотека заколдована, думала она, снова входя в комнату, где тускло мерцал свет.

Зачем она пришла сюда?

Франческа прикоснулась к алтарю – и вскрикнула, словно обожглась. Как и в прошлый раз. Никогда еще она не была так близка к запретным вещам.

Она попятилась и уставилась на это огромное сооружение из резного дерева. Оно не может быть горячим. Но почему-то обжигает.

Она не могла заставить себя прикоснуться к нему снова и лишь стояла, не в силах оторвать от него глаз.

Алекс, скрытый полумраком, следил за ней. Он легко проник в дом через кухню и удивился, что дом Главного Игрока не охраняется и в него можно беспрепятственно войти. Что это, безопасность?

Но Кольм не беспечен. Он великолепный тактик, умеет логически мыслить; он смел и жесток. А здесь творится что-то странное. Быть может, он еще не приехал, а когда приедет, все будет по-другому?

Франческа здесь, но почему у нее такое странное выражение лица? Кажется, что она чем-то напугана. Но Алекс не мог понять, чем именно.

Она слышала те же звуки, что и он, чьи-то тихие стоны, словно призраки бродили по дому.

Сейчас эти звуки доносились из-за алтаря.

Франческа снова прикоснулась к нему. И снова отдернула руку, словно обожглась.

Но она была настроена решительно. Пробовала вновь и вновь, потом, наконец, взялась за медную ручку, толкнула дверь и смело шагнула внутрь.

Она вспоминала... Давным-давно жила маленькая девочка, вовсе не героиня сказки. Она спускалась вниз по узким каменным ступеням и входила в комнату с кроватью, на которой лежали запретные вещи.

Она вспомнила, как пряталась под ней от разгневанной тети Иды. Это место знали только она и тетя Ида.

Запретная комната...

Она ощутила резкую боль при этом воспоминании, которая едва не парализовала ее. Потому что теперь она выросла и поняла, что самое главное – не вспоминать слова. Думать об этом можно, но нельзя вспоминать слова.

Однажды тетя Ида нашла ее там.

И потом, о! потом – боль...

Она входит в хорошо знакомую ей комнату.

- Программа действует.

Слова, шепот звучат где-то глубоко в сознании.

Она идет дальше, подгоняемая этими загадочными воспоминаниями. Впереди еще одна дверь; она словно внезапно появилась в стене. Эту дверь Франческа никогда не открывала. Это она тоже хорошо помнит.

За этой дверью она может найти ответы на все свои вопросы.

Она решительно открывает дверь, и вот она у ворот нового города. Она поднимается на парапет и смотрит вниз.

Я сплю. Это ужасный сон. Настоящий кошмар.

Или это явь?

Франческа застыла, не в силах пошевелиться.

Двенадцать обнаженных женщин распластались на роскошных кроватях.

- Программа действует. - Это опекуны дают свое благословение.

Она сходит с парапета и начинает спускаться со ступенек. Ее подданные распластаны внизу на своих постелях, а ее Король переходит от одной к другой и делает свое мужское дело.

Она в ужасе смотрит на Короля, в то время как женщины с радостью его принимают. Он трудится, словно поршень в двигателе, не зная усталости.

- Программа действует.

- Король - это семя.

- Да здравствует семя! - хором подхватывают женщины.

Глава 18

Франческа не помнила, как оказалась в своей постели. Уже наступило утро, и она чувствовала себя бодрой и отдохнувшей. Наверняка ей что-то подмешали в молоко.

- Хорошо спала? - спросила тетя Кларисса.

- Хорошо, я думаю. Вы ничего не подмешали в молоко?

- Ах, ты разгадала мой маленький секрет, - сказала тетя Кларисса. - Я решила, что тебе нужно хорошенько отдохнуть.

Но что это было? Отдых или сон, прерываемый странными видениями?

Франческа подумала, что этого ей никогда не узнать, но, занимаясь домашними делами, вдруг почувствовала, что Кольм где-то рядом.

Какое странное ощущение!

Быть может, он привиделся ей в этом кошмаре, потому что она все время думает о нем?

Но почему вдруг ей в голову пришла такая мысль?

В этот день к тетушкам кто-то пришел с визитом, значит, они будут заняты не меньше часа.

За это время она успеет до конца распороть костюм Сары. Чем раньше она избавится от него, тем лучше. Этот костюм – последнее напоминание о том страшном времени, когда она выдавала себя за Сару. По крайней мере, бумаги будут в безопасности.

В безопасности для кого?

В безопасности от чего?

В безопасности, вот и все. Она отнесет на чердак картину, под которую спрятала костюм, и там распорет его. А потом спрячет под половицами или еще где-нибудь.

Когда она поднималась к себе, у нее вдруг возникло недоброе предчувствие. Лучше бы она не находила этих бумаг, не знала о них.

Франческу охватил страх. Теперь ей придется решать, что с ними делать.

Чепуха. Ничего ей не придется решать. Приедет Кольм и все объяснит.

Она наберется терпения, и будет ждать, не станет совершать необдуманных поступков.

Это было разумно. Всегда всему можно найти объяснение.

Оказалось, что не всему. Войдя в свою комнату, она обнаружила, что картина таинственным образом исчезла.

Тетя Кларисса тоже терялась в догадках.

- Кроме тебя, наверно никто не поднимался. Картина была на месте, когда ты проснулась?

- Не знаю.

- Вот видишь. Может, ты сама куда-то ее задевала?

У тети Клариссы все просто. Если вещи нет в одном месте, значит, она должна быть в другом. Если Франческа не помнит, видела ли утром картину, значит, сама куда-то ее задевала.

Франческе стало страшно. Исчезновение картины и привидевшийся ей кошмар, ощущение, что она обожгла об алтарь руку, иллюзия присутствия Кольма – было от чего запаниковать.

Хорошо, что хоть деньги на месте. Немного успокоившись, Франческа отправилась на прогулку.

Они, как и накануне, пообедали втроем, потом Франческа с тетей Клариссой играли в карты.

- Боюсь, такая жизнь не по тебе, – сказала тетя Кларисса.

- Я и сама об этом думала, – призналась Франческа. Как мило и разумно со стороны тети Клариссы заметить это. – Я подумываю о том, чтобы вернуться в Берлин и продолжать занятия живописью.

- Я не возражаю, – сказала тетя Кларисса, – хотя, ты знаешь, Ида наверняка будет против.

- А может, и нет, если поймет, что у меня достаточно денег и я не нуждаюсь в помощи.

- Ты права, дорогая.

- Итак, что делать женщине, если она одна? Могу я реально рассчитывать на Кольма или на другого мужчину?

- Нет, милая. Боюсь, что нет, ведь Кольм так занят...

- Вот именно, - сказала Франческа, сдавая карты. *Но почему я чувствую, что он рядом?*

Тетя Кларисса принесла ей стакан молока на подносе.

- Сегодня никаких снадобий, милая. Я знаю, ты и так будешь хорошо спать.

Спала ли она? Франческа знала, что поднялась наверх. Помнила, как раздевалась и готовилась ко сну. Чувствовала, как летит время, как темнеет небо, а потом вдруг проснулась, словно от толчка, и ее неудержимо потянуло в тот странный, ночной мир, в котором она уже побывала. Не то во сне, не то наяву.

Алекс расположился в библиотеке, откуда очень удобно было вести наблюдение за домом Кольма.

Было что-то странное в этом доме, с его потускневшей мебелью, темными комнатами с затхлым воздухом, с атмосферой суеты, создаваемой тетками Кольма и Франчески, этими двумя старыми девами, которые покидали Брейдвуд лишь в тех случаях, когда посещали церковь.

Алексу хватило одного дня, чтобы понять, что живут они по определенному распорядку и тетя Ида за этим строго следит.

Даже спать они отправлялись в одно и то же время.

Приезд Франчески, видимо, нарушил этот их распорядок. Ее не было дома год, и она привыкла жить одна до того, как он увез ее в Мизэршем.

Франческа проявляла поразительную сдержанность, и все они, должно быть, пытались как-то решить проблему их размеренной жизни, в которую вторглась Франческа.

Тетя Кларисса справлялась с этим изящно, а вот тетя Ида - с трудом.

И все они, похоже, ждали Кольма.

Прошлой ночью Алекс, заинтригованный, наблюдал, как Франческа проскользнула в комнату и с опаской подошла к алтарю. Склонилась перед ним, словно в молитве, с блуждающим взглядом.

Меньше всего Алекс ожидал увидеть Франческу, бродящую по дому, словно лунатик, и какую-то потерянную, но что-то с ней было не так.

Это он принес ее в ее комнату, уверенный в том, что она вернется в библиотеку - уже в полном сознании - утром.

Но нет, она опять пришла глубокой ночью, пытаясь преодолеть свой тайный страх.

Как и накануне, она долго смотрела на алтарь, словно пытаясь разгадать его загадку, хорошо

зная, что это принесет ей страдания. Наконец она толкнула дверь алтаря и с мучительным стоном исчезла за ней.

Она спускалась вниз по ступеням к *запретной комнате*. К дальней стене с потайной дверью.

Ей стоило огромных усилий открыть дверь и посмотреть вниз.

Все было так, как и в прошлый раз: двенадцать обнаженных женщин лежали на постелях, ожидая соития с одним-единственным мужчиной.

А он, словно почувствовав ее присутствие, посмотрел наверх.

Кольм!

- А, - воскликнул он, - вот моя королева. - Он протянул к ней руки. - Франческа, любовь моя, иди ко мне!

- Кольм! - прозвучал строгий голос. - Тебе нужно делать работу.

- Да, Аббатиса. Я этим и занимаюсь.

Франческа застыла, глядя, как Кольм поочередно оседлал трех женщин, вонзаясь в них и изливая в их лоно свое семя.

- Да здравствует новое семя! - произнесла Аббатиса.

- Церемония окончена! Неужели Ида?

Кольм снизу смотрел на Франческу.

- Взгляните на ее лицо. Она еще не готова.

- Мы не можем ждать, - сказала Аббатиса. - Если она не пойдет с нами, мы ее оставим.

- Так тому и быть, - подхватил хор голосов. В этот момент Франческа проснулась.

Она лежала в своей постели и дрожала от страха. В полной причудливых теней комнате был кто-то.

Это не Кольм. Она бы узнала его... Кто-то другой. Но он ей тоже знаком... ..Поцелуй... его запах, ощущение его тела, его пугающей ярости... Он выследил ее. Она так этого боялась.

- Кто здесь? - прошептала она, приподнявшись. Тело ее напряглось.

Если это Алекс, если он пришел осуществить свою угрозу, она легко не сдастся. Поднимет шум, будет кричать, прежде чем он шагнет за порог.

- Шшш... это Миэр.

- Я так и знала, - пробормотала Франческа. - Не подходи ко мне. Тебе не удастся меня увести...

- Я и не собираюсь, черт возьми. Я просто принес тебя в твою комнату, как и прошлой ночью.

- Что?! - О Боже, все перепуталось. Ее враг здесь? Он часть ее сна? Она не помнит, как покидала комнату, как снова очутилась в постели. Она ничего не помнит.

- Шшш...

- Я просто... - Она осеклась в замешательстве. Кажется, с ней действительно что-то случилось. Появилось ощущение, что она обожгла руки и что Кольм где-то рядом.

Алекса она почему-то не видела, только слышала его голос.

- Я хочу спать, - прошептала она. Господи, что он здесь делает? Как попал сюда? - Что ты здесь делаешь?

- Считаю до ста, - пробормотал он. - Подвинься. Я сяду рядом, поговорим.

- Не хочу. Ты достаточно наговорил, когда мы виделись в последний раз. Называл меня лгуньей, предательницей. Убирайся!

Она зарылась головой в подушку. Что же все-таки произошло этой ночью?

- Послушай меня, - продолжал Алекс. - Я принес тебя вчера наверх, когда ты потеряла сознание в библиотеке.

- Я не...

- И сегодня тоже.

Нет. Да. Какое-то мгновение, когда она стояла на парапете... но все казалось таким реальным...

Это не могло быть реальным... Она не может допустить, чтобы это было реальным.

- У меня галлюцинации, - прошептала она. Но Алекс реальный, в этом она совершенно уверена.

Но почему он здесь? Почему преследует ее? Его гнев, его поцелуи, его вражда к Кольму - она не может от них избавиться. Возможно, он тоже призрак в ночи, игра ее воображения.

Или это она существует только в его воображении? Франческа пытается сосредоточиться, но мысли путаются.

- Ты... мерзавец... ты ведь специально мне позволил бежать, да?

- Возможно.

И тут ее осенило. Словно камень лег на сердце.

- Тебе нужен Кольм.

- А я нужен ему, - пробормотал Алекс.

- Его здесь нет.

Странно! Ведь она видела его... в своих мечтах... и все время ощущала его присутствие.

- Он появится.

Она сжала кулаки; ей хотелось ударить его, прогнать и спасти Кольма.

И спасти себя. Прикидывается добрым, а сам оклеветал ее, собирался бросить в тюрьму за предательство, пожелал сгнить в аду.

А что, если сказать ему, что она нашла бумаги?

Ха! Он скажет, что они были у нее с самого начала, и сочтет это очередным обманом. Как и ее невинность.

О Боже, и это еще не самое плохое...

Она задрожала. Что происходит?

- Кларисса говорит, что он все еще в Германии.

- Возможно, был там, месяц назад. - Именно тогда Алекс вынудил ее угрозами вернуться с ним в Англию. - Но сейчас он здесь. Он чего-то ждет, Франческа.

- Я не позволю тебе близко подойти к нему! - горячо воскликнула она.

- Он не тебя ждет.

- А ты ждешь. Господи, если ты не уйдешь и не оставишь меня в покое...

- Последние три дня я жил в библиотеке, Франческа. - Она откинулась на подушки, близкая к истерике.

- Черт побери, кто угодно может поселиться в этом доме.

- Я скажу тете Иде, - пригрозила она. - Она... она...

- Она убьет меня. Она способна на это. Но ты этого не сделаешь, Франческа, потому что знаешь: я наблюдал за тобой эти две ночи. В том сооружении внизу есть нечто, что пугает тебя до безумия.

Дело не в алтаре, подумала она. Что бы он ни увидел, что бы ни приснилось ей, это не имеет отношения к алтарю.

- Это алтарь и исповедальня. Кто-то из предков, не имевший постоянного пристанища, нашел его на Востоке и привез сюда. И в нем нет ничего таинственного и злого. Его установили у стены, и никто не осмеливается сказать вслух, что нужно от него избавиться.

- А позади что?

- Просто стена... Запретная...

- Ты оба раза входила в дверь исповедальни и исчезала.

- За дверью ничего нет.

- Это только так, кажется, потому что спустя двадцать минут я находил тебя там, на полу, без сознания.

- О! - Сны? Крики? Наказания? - Это невозможно.

- Но днем...

- Это просто стена, Алекс. Все остальное ты придумал.

- Но тебя-то я не придумал. - Впрочем, иногда ему так и казалось, особенно в те дни после ее отъезда из Миэршема. Но он гнал от себя эти мысли, старался не думать о том, что чувствует сейчас, когда сидит рядом с ней на ее узкой девичьей постели.

- Мне не хочется говорить об этом.

- Хорошо, не будем.

- Ты должен уехать.

- Нет, - заявил Алекс. - Об этом не может быть и речи.

Франческу наконец сморил сон, а Алекс втиснулся в неудобное кресло, единственное в этой комнате, до того узкой и маленькой, что Франческа, с ее стремлением к свободе и увлечением живописью, чувствовала себя здесь, как в клетке. Недаром при первой же возможности она вопреки воле тетушек уехала в Берлин, где занялась своим любимым делом.

Златокудрый мальчик Кольм, кумир двух старых дев, поселил Франческу в пансионе, где жила Сара, и вряд ли это было совпадением. Именно там Франческа и ждала Кольма.

Кольму были подчинены все, поскольку он обладал выдающимися способностями и руководил всем процессом. У него была такая же тактика, как у знаменитой исполнительницы экзотических танцев, - заставлять всех ждать.

Алекс скрестил ноги, устраиваясь поудобнее. Такая безобидная комната. Увидев Брейдвуд, он почти готов был поверить в историю Франчески. Если бы не было Кольма.

Но Кольм вырос здесь, и это означало, что обыденность может породить не только убожество, но и зло.

А зло расползается повсюду.

И Алекс должен его остановить. Остановить Кольма. Это дело всей его жизни.

И никто не сможет ему помешать.

Он ей привиделся, решила Франческа, проснувшись на следующее утро и обнаружив, что в комнате никого нет. Все это было так страшно: ее ночные прогулки; ее сны, похожие на явь; появление Алекса, его ненависть к Кольму и совпадения...

Алекс появился здесь не случайно. Он, великолепный тактик и намеренно дал ей уйти, чтобы она привела его к Кольму.

Если бы только она увидела Кольма, предупредила бы его об опасности.

Но ты же видела его вчера - прошлой ночью... разве нет?

Нет - это ужасно, нет... Ее вновь охватила тревога. Это не был Кольм. Кто-то другой. Связанный с таинственной Аббатисой, о которой говорила Сара.

Верно. Речь шла об этом и о семенах.

Франческа немного успокоилась. *Посадка семян.* Она увлекалась этим в детстве, и в результате получился цветник, где они с Клариссой теперь собирали цветы.

Они и сегодня туда пойдут, как вчера и позавчера.

Некоторое однообразие, но оно успокаивает. А все остальное – результат ее снов.

Алекс осторожно спустился с чердака, где спрятался на рассвете, чтобы Франческа не обнаружила его, когда проснется, и сейчас рассматривал ее комнату, которая все еще хранила ее запах.

Комната выглядела достаточно мрачной и навевала тоску. Бедная маленькая Франческа не знала детства, тетки превратили ее жизнь в настоящий ад.

В углу, правда, все же стоял мольберт, значит, рисовать ей не запрещали. На полке он увидел ее рисунки и взял один с изображением юноши. Наверняка Кольм.

Она рисовала его с любовью. Светлые глаза полны оптимизма; лицо открытое, юное, чистое, без следов порока.

Что же повлияло на него в детстве, что превратило его в харизматического лидера, которому удалось повести за собой легионы мужчин и женщин, заставить их выполнять его волю?

Алекс не увидел этого в миниатюрном портрете. Он лишь почувствовал руку Франчески и понял, что она рассказала о себе правду. Быть может, не всю.

Теперь он ей почти верил.

Хотел верить, потому что по-прежнему желал ее и не мог смириться с тем, что она – неотъемлемая часть замыслов Кольма Хейнрикса.

И в этом была его слабость.

Алекс раздраженно подумал, что теряет драгоценное время. Но что-то в этом портрете врага завораживало его. Он понял, в чем притягательность Кольма.

Кольм излучал красоту и уверенность... безграничную веру в будущее. И был близок к достижению цели.

Были тысячи причин, благодаря которым Кольм возвысился над толпой. И всего одна, чтобы уничтожить его.

Алекс поставил портрет на полку, но тут же снова взял его.

Что-то было не так; подставка казалась толстой, словно ее чем-то набили.

В стане врага все вызывает подозрение.

Он вытащил картонку, и стопка тончайшей бумаги выпала из рамки.

Ему не нужно было даже раскладывать и расшифровывать листки; он знал совершенно точно, что это такое. И почувствовал себя преданным. Словно ему вонзили нож в горло.

Эти бумаги с самого начала были у Франчески.

Сара никогда не умрет, мрачно размышляла Франческа, сидя за завтраком. Пока Кольм жив, этого не случится. Значит нужно, чтобы он умер?

Мысль была настолько дикой, что Франческа едва не поперхнулась. Алекс будет вечно гоняться за ним, вечно преследовать ее, и, в конце концов, кто-нибудь погибнет.

Я должна защитить его...

Кого?

- О, моя дорогая, ты так рассеянна сегодня, - заметила тетя Кларисса, разливая чай. - Я знаю, как утомительна жизнь в деревне. Ты, вероятно, хочешь поговорить о своих планах?

Франческа удивилась:

- О моих планах?

- Ну, насчет возвращения в...

- А, ну да, насчет возвращения. Да. Я подумала... - Она проглотила кусок тоста, избегая взгляда тети Иды.

- Я смотрю, тут все в курсе, кроме меня, - раздраженно заявила тетя Ида, переводя неодобрительный взгляд с Франчески на Клариссу.

- Я собираюсь... - решительно заявила Франческа, чтобы тетя Ида не подумала, что она ждет ее одобрения. - Я собираюсь вернуться в Берлин, чтобы выполнить заказ на портрет, а потом заняться живописью.

- Неужели? - тут же кинулась в бой тетя Ида. - И во сколько мне обойдется эта ее кочевая жизнь, Кларисса?

- Ни во сколько, - торопливо вмешалась Кларисса. - Франческа скопила немного денег.

- Ха, - хмыкнула тетя Ида. - Так я и знала: это у нее в крови. В ее жилах течет цыганская кровь, и никакое образование не очистит ее.

- Ну, тогда все решено, - сказала тетя Кларисса. - У нас нет возражений, уезжай, если хочешь.

- Неблагодарная девчонка, - пробормотала тетя Ида. - Какой была, такой и осталась. Все делала мне назло. Это кровь отца играет в ней. Видишь, Кларисса. Если бы Лили вышла замуж за...

- Прошлого не изменить, - перебила ее тетя Кларисса. - Франческа уже взрослая и сама должна решать свою судьбу.

- Мне следовало выбить это из нее, - заявила Ида. - Не допустить, чтобы все зашло так далеко. Артистическая натура. Никто не женится на ней с этой ее цыганской кровью. Мне дурно становится от одной этой мысли. - Ида вскочила. - Я сделала все, что могла, Фрэнсис. Но ты не ценишь моих усилий. Я умываю руки. - И она, оттолкнув стул, решительно вышла из комнаты.

Франческа долго смотрела ей вслед.

- Она не меняется. Полагаю, теперь я могу ехать.

- Мы обе так думаем, - мягко заметила тетя Кларисса; правда, Франческа не поняла, кого она имеет в виду. - И скоро ты собираешься нас покинуть?

- Не знаю, - медленно ответила Франческа. У нее вдруг возникло ощущение, что ее гонят из Брейдвуда. - Не знаю. Возможно, я сначала уеду в Лондон, и там уже решу, что делать дальше.

- Отличная мысль. Но тебе надо подготовиться к отъезду, милая. Только, пожалуйста, не думай, что мы тебя гоним. Просто мне кажется, что ты не очень счастлива здесь.

Да, она не была здесь счастлива. Ничего не изменилось, ни отношение тети Иды, ни ее привычка везде совать свой нос, ни ее ненависть к отцу Франчески. А почему, собственно, что-то должно было измениться? Или она надеялась, что тетя Ида обрадуется ее возвращению?

Или что к этому времени они уже получают весточку от Кольма?

Франческа медленно шла по коридору в библиотеку.

Алекс прятался здесь два дня. А зачем? Чтобы шпионить? За кем?

Она остановилась, не в силах войти внутрь, хотя два дня назад совершенно спокойно приходила сюда за книгой. Но сейчас ее била дрожь.

Неужели она такая трусиха? Да и чего ей бояться?

Тетя Кларисса права. Ей надо уехать.

И тут ее пронзила страшная мысль: им с Кольмом вместе не быть. Ее детские мечты и надежды рухнули.

Нет, она не может так думать. Может. Если бы он хоть немного ее любил, дал бы о себе знать или приехал сюда...

Тогда зачем же ты едешь в Берлин?

Потому что он там?

А если нет?

Она резко повернулась и выбежала из дома.

...Если его там нет, тогда у нее вообще не останется дома...

Армия должна быть готова к любой стычке. Алекс исчезал из дома на рассвете и возвращался обратно под покровом темноты.

Это было так просто, что вызывало подозрение.

Он целыми днями не видел Франчески.

Но это нисколько его не огорчало, потому что ему хотелось ее убить. Так же, как Кольма.

Он устроился в тени книжных полок и ждал, когда Франческа снова начнет бродить во сне.

Еще одно утро, и на этот раз без тревожных снов.

Франческа просыпалась неторопливо, потягиваясь всем телом, чувствуя себя отдохнувшей и полной сил.

Ей это показалось странным, особенно после того, как она поняла, что ей не дожидаться Кольма. Ей следовало бы грустить, оплакивать свои несбывшиеся мечты.

Но вместо этого она испытала облегчение, словно ее любовь к Кольму была тяжким бременем, от которого она, наконец, освободилась.

Прошло целых одиннадцать лет с тех пор, как они виделись в последний раз. И только сейчас Франческа задумалась: зачем вообще он организовал ее поездку в Берлин?

Возможно, как говорит Алекс, она была нужна Кольму именно там?

Но зачем? Не за тем же, чтобы превратить ее в Сару Тэва. Он доставил бумаги и к тому времени уже уехал. Он не знал, что Сара умрет.

Но знала ли Сара, когда попросила Франческу помочь найти тело Уильяма? Неужели это Сара придумала, как передать костюм в Англию, в руки...

В руки...

Здесь недоставало какого-то звена, которое она никак не могла найти.

Зачем Кольму понадобился ее приезд в Берлин?

Возможно, он убил Уильяма, когда тот отказался вернуться в Англию. Сара послала за Алексом, но не было никакой гарантии, что Алекс откликнется.

К тому времени Франческа уже ухаживала за Сарой, и та, видимо, от Кольма узнала, кто она такая. К тому времени Сара уже спрятала секретные бумаги и отчаянно искала способ вывезти их из Германии.

...передай все...

Нет!

Зачем Кольм организовал приезд Франчески в Берлин?

Чтобы они были вместе, как он обещал...

Нет!

Кольму понадобился нарочный. Сам он был слишком известен, чтобы тайно вывозить бумаги из страны.

И когда Сара поняла, что умирает, она выбрала ее, Франческу, в качестве замены.

Почему?

Почему...

Нет, нет, нет.

Да.

Я не хочу, чтобы так было...

Сара знала, что она вернется в Брейдвуд... и...

Кто-то хлопнул в ладоши у нее за спиной, Франческа резко обернулась.

Кольм!

Глава 19

Он выглядел таким же, каким Франческа его запомнила, и в то же время совершенно другим. Та же холодная, бледная, юношеская красота и тот же огонь в глазах. Но теперь в этих глазах она увидела то, чего не было раньше, – жестокость. Лицо его было по-прежнему прекрасно, только морщинки стали резче, глубже, и в улыбке проскальзывало презрение.

Она словно приросла к полу. Настал тот единственный момент ее жизни, которого она так ждала, а она даже не могла заставить себя броситься к нему, чтобы почувствовать объятия его крепких и надежных рук.

- Ты стала настоящей красавицей, моя Франческа. - Кольм шагнул к ней. - Невероятно забавно было наблюдать, как ты изображала Сару Тэва...

...Наблюдать?.. Она оцепенела от ужаса.

Он стоял прямо перед ней, поглаживая рукой ее волосы. Франческа всегда любила его руки, но сейчас боялась их до смерти. Она вздрогнула и по выражению его глаз поняла, что он заметил это.

- Но история закончена, Франческа, - продолжил он вкрадчивым тоном. - Ее нет, а ты здесь. Она оказалась намного умнее, чем я предполагал, да и ты тоже. Вы стоили друг друга. - Его лицо внезапно изменилось, голос зазвучал резко: - Итак, моя дорогая Фрэнни, где бумаги?

- Бу... бумаги? - с трудом выдавила она.

- Бумаги. Они нужны мне сейчас. Знаешь, я честно пытался избавить тебя от необходимости вернуть их мне, чтобы сохранить нашу маленькую тайну. Но... - он схватил ее за волосы и оттянул назад ее голову, - но за той картиной нет ничего, кроме мусора, Фрэнни. Ничего в тех атласных колечках. Поэтому я и пришел к выводу, что ты нашла весь документ целиком. Я прав? - Он дернул ее за волосы. - Прав?

Значит, это Кольм взял картину, подумала Франческа, стараясь побороть страх. Выходит, он находится в доме уже много дней... Или недель... Загадочный Кольм... Она едва не поперхнулась словами, когда сказала:

- Не понимаю, о чем ты.

Его лицо ожесточилось и стало отталкивающим.

- Прекрасно. Можешь молчать, если хочешь. - Он изо всех сил толкнул ее на кровать. - А я перерою все в твоей комнате, от пола до потолка, и найду эти бумаги, Фрэнни. Я найду их...

- Ко-о-льм, - прозвенел голос тети Клариссы. - Ко-о-льм, где ты? - Она остановилась в дверях. - А, ты здесь. А я хотела, чтобы мы сделали Франческа сюрприз.

Лицо Кольма мгновенно разгладилось, и он с улыбкой повернулся к Клариссе:

- Дорогая тетушка, я сам преподнес ей этот сюрприз. Она немного удивлена моим неожиданным появлением, не правда ли, Фрэнни?

- Потрясена, - ответила Франческа.

- Мы все потрясены, - воскликнула тетя Кларисса. - Представляешь, он вошел в дом всего полчаса назад и, прежде всего, захотел повидать тебя.

- Ну конечно, - подтвердил Кольм. - Моя любимая Фрэнни. - Он протянул ей руку. - Пойдем, я пришел, чтобы проводить тебя к завтраку. Устроим праздник. Улыбнись, Фрэнни, - я, наконец, вернулся домой.

Значит, вот он какой, это исчадие ада, воплощение зла. И при этом выглядит совершенно нормально.

Он задумал сотворить мир себе подобных фанатиков, создать чистую расу, не имеющую кровных уз с высшей знатью Англии.

Это была мерзкая идея, заимствованная из философии расового превосходства, идея очищения крови путем отборочного спаривания. У этой идеи оказалось много последователей, но Кольм первый осознал, что главная задача - колонизация Англии путем распространения семени тех, кто отобран для этой цели, а он, Кольм, их возглавит.

Все это было известно о Кольме Хейнрикс еще одиннадцать лет назад, как и то, что он получил медицинскую степень скорее для того, чтобы достичь своей цели, а вовсе не ради помощи ближним.

Ходили слухи, что доктора Хейнрикса вызвали к больному кайзеру исключительно для того, чтобы ускорить его кончину, и Хейнрикс согласился в обмен на обещание санкционировать его новый мир.

Алекс искал зародыш этого нового мира по всей Англии, а он был здесь, совсем рядом.

- Итак, дорогие тетушки, - сказал Кольм, - наконец-то мы вместе.

Тетя Ида фыркнула:

- И что ты намерен делать?

- Ну, не знаю, - задумчиво произнес Кольм. - Я и предвидеть не мог, что все обернется таким образом. Франческа, тебе полагалось оставаться в Берлине. Я был уверен, что заказ фон Абрунгена задержит тебя там, по меньшей мере, на год.

Отважная Франческа. Она, наконец, обрела голос:

- А зачем, дорогой Кольм?

- Нет! - воскликнула Ида. - Хватит. Ты должен принять решение, Кольм, прямо сейчас.

Долгие, мучительные мгновения он разглядывал Франческу.

- Ну что же, мы не смогли заполучить Сару Тэва, будь она проклята; вместо нее у нас будет Франческа.

Франческа вскочила из-за стола.

- Что ты хочешь этим сказать? Что это значит?

- Но она не может стать матерью нации, - рявкнула Ида, хватая Франческу за руку и усаживая обратно. - У нее нечистая кровь.

- Нет, она не для этого мне нужна, - заявил Кольм. - Она столько всего узнала за последние шесть месяцев. Освоила экзотическое искусство, научилась танцевать голая, спать с мужчинами. Я полагал, ты сбережешь себя для меня, Фрэнни. Надеюсь, ты это знала.

- Знала, - прошептала она.

- И все же ты переспала с моим заклятым врагом, кошмаром всей моей жизни. Ну, так я поквитался с тобой, не правда ли? Уничтожил все твои бесстыдные костюмы и искромсал твою постель...

- Ты...

- И соблазнил жену его брата. Чопорную и добропорядочную жену викария. Так забавно было превратить ее в потаскуху, какой она и была в душе. Я стал для нее наркотиком, она жить не могла без меня, а потом безжалостно бросил...

- Кольм! - перебила его тетя Ида. - Нам нужно работать.

- Ты думаешь, что умна, Франческа. Но я перехитрил тебя и лорда Миэра. Он уже столько лет гоняется за мной. Но ему никогда меня не найти. Колония почти готова; моя работа вскоре развернется в полную силу. Нужно только, чтобы ты отдала бумаги.

- У меня их нет.

- Они у тебя. И доказательство тому разрезанный на кусочки костюм.

- Ну, тогда найди их, - с вызовом бросила ему Франческа. - Раз ты такой умный, найди.

Кольм бросился на нее.

- Прекрати! - Снова тетя Ида. Ида, удерживающая в своих руках власть и контроль. - Мы найдем этот проклятый документ, Кольм. Не сомневайся. А сейчас нужно что-то с ней делать.

- Ну, так делай, - заявил Кольм. - А я займусь ее комнатой.

Тетя Ида кивнула и сомкнула пальцы на запястье Франчески.

- А ты пойдешь со мной, девочка моя. - Франческа попыталась выдернуть руку.

- Не пойду!

Но хватка у тети Иды была железная. Она рывком подняла Франческу со стула; затем посмотрела на Клариссу, которая все время молчала. Кларисса кивнула, и тогда Ида потащила Франческу из комнаты.

Алекс быстро отпрянул в тень, выбрался в холл и бросился к библиотеке. Надо сказать очень вовремя.

Ида вошла в комнату, толкая перед собой Франческу, Кларисса шла следом.

Вдруг Франческа остановилась, и так резко, что Кларисса едва не налетела на нее.

- Куда вы меня ведете?

- А ты как думаешь? – спросила Ида, толкая ее к алтарю. Глаза Франчески округлились от страха...

- Нет, нет, не пойду...

Кларисса шагнула вперед, чтобы открыть дверь исповедальни, и Франческа закричала:

- НЕ НАДО... О, мой Бог, вы обожжетесь! – Ида повернулась к Клариссе:

- Глупо было давать ей сонный порошок. От него только хуже стало.

- Нам нужно было, чтобы она спала, – сказала тетя Кларисса в свое оправдание.

- Но она не спала, – язвительно заметила Ида, – и все помнит. Все наши труды могут пойти насмарку из-за одной нелепой ошибки.

- Мы не могли этого предвидеть.

- Но теперь она помнит.

- Будь что будет, – сказала Кларисса, – но мы должны продолжать. Веди ее вниз.

Франческа, словно зверь на привязи, брыкалась и пинала Иду. Но у Иды была хватка тюремной надзирательницы, и, в конце концов, она втокнула Франческу в дверь исповедальни. Кларисса оглянулась, потом шагнула за ними и исчезла.

Алекс выскользнул из-за книжных полок и последовал за ними, теперь уже вооруженный.

Кошмар повторился. Только теперь она не спала и понимала: все, что ей представлялось сном, оказалось реальностью.

Потайная комната... запретная... прекрасно обставленная. И дверь в дальней стене.

А тетя Ида толкала ее все дальше в этот кошмар.

Тетя Кларисса открыла дверь; ее глаза были полны печали и понимания.

Тетя Ида привела Франческу к парапету.

Внизу ей открылась картина, которую она видела во сне. Все эти постели с роскошным бельем из атласа и кружева. Но теперь она разглядела новые детали – огромный персидский ковер на

полу; пламя позолоченных свечей на высоких подставках создавало в комнате атмосферу чувственности; над каждой постелью висели зеркала, отражающие свет и все движения неутомимого мужчины; за занавесями скрывалась еще одна комната.

Франческа остолбенела. Когда-то она уже была здесь, в этой комнате, где, казалось, сам воздух пропитан пороком.

- Да, моя дорогая Фрэнсис. - Тетя Ида словно прочла мысли Франчески. - Да. Ты была назойливой, любопытной девчонкой и нашла это место.

Франческа задрожала. Леденящий холод проник ей в самую душу.

- Твой никчемный отец-бродяга убил себя и твою мать. Представь, как ты осложнила наши планы, глупая девчонка. Но ничего, мы решили твою проблему. - Ида глянула вниз. - Так что теперь ты знаешь.

- Что я знаю? - прошептала Франческа. - Что? Что вы сделали?

- Гипноз, - мягко пояснила тетя Кларисса. - Мы были вынуждены.

Франческа резко повернулась к своей любимой тетушке.

- За что? Что я сделала?

- Нашла запретную комнату и увидела, что мы... что Кольм там делал.

...программа действует... Да здравствует семя... Король - это семя. Ужас охватил Франческу.

- Кольм занимался этим еще тогда? - Тетя Кларисса слегка кивнула.

- В качестве практики на будущее. Мы сделали так, чтобы ты забыла об алтаре.

- Пока ты не дала ей снотворное, - саркастически заметила Ида.

- Да... Мы были уверены, что ты все еще в Германии, дорогая. Мы и не представляли, что ты появишься в тот момент, когда программа должна была развернуться в полную силу.

- Программа... - прошептала Франческа, повернувшись, чтобы взглянуть на роскошные постели. Ужас охватил ее при мысли о том, что она все эти годы жила здесь и ничего не знала.

- Новый порядок, новый день, - произнесла тетя Ида с благоговением. - Новое население, созданное путем отбора. Мы долго и напряженно работали ради этого дня, и теперь ничто нас не остановит. Механизм запущен. Кольм уже начал, и теперь ему больше не нужно покидать колонию.

Король - это семя.

Кольм - Король.

Да здравствует Король...

- Колония здесь? - с трудом спросила Франческа.

- Не будь наивной, Фрэнсис. Это только опытная ферма, прообраз нового мира.

Франческа знала, что ее ждет смерть. Потому что, сама того не желая, проникла в эту страшную тайну. И тетки ее не пощадят. Им нет до нее никакого дела. Даже лицо тети Клариссы, с ее добрыми и понимающими глазами, сейчас выражало восторг, как и лицо тети Иды, это был восторг фанатичек, поклоняющихся новому богу.

Ферма для размножения.

Она закрыла глаза, и ей представился Кольм, переходящий от женщины к женщине, изливающий в них свое семя. Франческа чуть не упала от охватившего ее ужаса.

Кольм был богом, Кольм был семенем.

А кто благословлял всю эту мерзость?

- Аббатиса - это я, - сказала Кларисса, ее любимая тетушка.

Тетя Кларисса облачилась в ритуальные одежды и стояла на краю парашюта, словно святая перед своими последователями.

- Бейте в гонг, - приказала тетя Кларисса.

При каждом ударе из-за занавеса появлялась прекрасная обнаженная молодая женщина. Одна, вторая, третья, четвертая - они входили в запретную комнату и ложились на постель. Пять, шесть, семь, восемь - все великолепно сложенные, с нетерпением ожидающие следующего этапа ритуала.

- Программа начинается, - оповестила Кларисса и подняла руку.

Ида толкнула Франческу вперед.

- Смотри, Фрэнсис, может быть, поймешь назначение идеальной, неиспорченной крови. Существует симметрия, синхронность. Каждый человек создается с единственной целью - властвовать над другими. А вот и он. Посмотри на него. Все эти годы он практиковался, чтобы довести до совершенства свою способность распространять семя. А ты ничего не знала. Смотри на него и помни - он никогда не будет твоим. Потому что в твоих жилах течет цыганская кровь.

Картина была настолько фантастичной, что Франческа не могла оторвать от нее глаза. Сама мысль о том, что Кольм никогда не был чистым мальчиком, что всю жизнь готовился стать отцом этой странной нации, была невыносима.

Казалось невероятным, что человек в здравом уме может верить в это, а женщины, которые ожидали его, раздвинув ноги и протянув к нему руки, могли хотеть этого.

Но они действительно хотели его, все эти прекрасные женщины с нежной, молочной кожей и восторженным выражением лица...

...рисунок... девочка...

Франческа смутно помнила девочку. Воспоминания обрушились на нее, бессвязные и отрывочные, и в какое-то мгновение она подумала, что сходит с ума.

Кольм работал, как машина, совершенно не заботясь о партнерше. Он вонзался в нее один раз, второй, изливал семя и переходил к следующей, словно натренировался выбрасывать определенную порцию семени, чтобы сберечь силы для очередного соития.

Это было хуже кошмара – это была реальность, это была ее семья, и это был мужчина, которого она столько лет боготворила.

А он оказался монстром и дьяволом, и никто не мог остановить его.

Он обслуживал женщин, одну за другой, изливая свое семя и оставляя каждую стонущей и неудовлетворенной.

Вновь прозвучал гонг, и Кольм излил семя в последнюю женщину.

- Программа действует, – вновь возвестила тетя Кларисса. – Король – это семя.

И женщины хором подхватили:

- Да здравствует семя!

Племенная ферма для нового мирового порядка...

Это больше, чем бесстыдство, думал Алекс, прижавшись спиной к стене за парашютом.

И такое существование было одобрено амбициозным молодым императором, которому не терпелось вцепиться своими щупальцами в девственную Англию.

Никогда. Он клянется своей жизнью, жизнью своей Королевы и страны – никогда.

Он клянется, что семя будет уничтожено, если даже это будет стоить ему жизни.

Франческа была близка к обмороку, задыхаясь в этой атмосфере похоти и греха.

Тетя Кларисса сняла свое одеяние и покинула запретную комнату, покинула Франческу, не сказав ни слова, оставив ее в руках тети Иды.

- Что вы собираетесь со мной сделать? – прошептала Франческа.

- Не то, что хотелось бы. Как ни смешно, твоя тетя Кларисса равнодушна к тебе. Она, Главная Сила, создающая новый мировой порядок, хочет подумать, что с тобой делать. А я не стала бы думать. Отдала бы тебя Кольму, чтобы он поразвлекся с тобой, пока не надоест, а потом выбросила бы в Темзу.

Франческа вздрогнула.

- А что собирается сделать со мной тетя Кларисса сейчас?

- Приковать тебя цепями к стене.

Франческа не могла тягаться с тетей Идой, сильной, как бык; Ида заставила ее спуститься вниз, туда, где происходило спаривание.

Кольм не спеша, подошел к ним, застегивая рубашку, когда Ида щелкнула вторым замком на цепях.

- Итак, вот она, настоящая мученица нашей идеи.

- Можешь использовать ее, если хочешь, – цинично предложила Ида.

- Я мог бы, - сказал Кольм, склонив голову набок и разглядывая Франческу. - Или придумал бы что-нибудь другое. Она не хочет сказать, где документ.

Зло. От Кольма исходит зло, он похож на грешного ангела - сияющего и растленного.

Франческа дернулась, безуспешно пытаясь освободиться от цепей.

- Хорошо бы заткнуть ей рот, - сказал Кольм. - Возможно, ночь, проведенная здесь, заставит ее заговорить. Знаешь, надо убедить Клариссу, что в нашей работе нет места сантиментам. Право же, Фрэнни, если бы ты не лезла в дела Сары и осталась в Берлине, ничего этого не произошло бы. Но с другой стороны, ты невероятно соблазнительна в цепях.

Ничего бы не произошло. Слишком тяжело было сейчас думать о том, насколько иной могла быть ее жизнь, скажи она Алексу правду.

Все это она сделала ради Кольма. Не зная, разумеется, о его империи зла.

И все усилия ее оказались тщетными. Его не от чего было защищать; это ей нужно было бежать от него как можно дальше.

Меня ждет смерть, потому что я слишком много знаю. Да и стоит ли жить после того, что я натворила?

Кольм тоже заслуживает смерти.

Семя должно быть уничтожено. Любым путем.

Франческа подняла нож и со всего размаха ударила Кольма в пах. Он взвыл, колени его подогнулись, и он рухнул на пол. И прежде чем Ида успела отреагировать, Франческа ударила его ногой в лицо.

Ида схватила ее за ноги, но в этот момент грянул выстрел.

На парапете стоял Алекс с винтовкой в руках. Ида с криком упала. Алекс прицелился в Кольма. Но промахнулся, потому что краем глаза заметил, как Ида, собрав последние силы, бросилась на Франческу. Мгновение - и Кольм, исчез.

Алекс снова поднял винтовку. Эта женщина была настоящим чудовищем - истекая кровью, она снова бросилась на Франческу, пытаясь ее задушить. Надо было ослабить ее хватку.

Он выстрелил Иде в ноги, и она рухнула на колени. И снова, словно восставший из пепла монстр, попыталась броситься на Франческу, но через мгновение упала на пол.

Тишина была оглушающей, запах дыма смешался с липким запахом похоти.

Алекс бросился за занавески, желая удостовериться, что Кольм ушел, потому что такой мерзавец, даже после удара Франчески, был способен на что угодно.

- Он бежал, - сказал Алекс Франческе. - Ты такая находчивая.

Он наклонился и перевернул тело Иды в поисках ключей от наручников. Франческа была в шоке. Она бесстрастно наблюдала за тем, как Алекс освобождает ее, прислушиваясь к топоту в коридоре, и думала о побеге. И о винтовке - ключе к свободе, лежащей на его колене.

- Ида! - Это Кларисса появилась на парапете. - Что происходит?

Алекс схватил винтовку и прицелился.

- У нас нет времени на объяснения, - тихо сказал он. Франческа кивнула. Она не имеет права вмешиваться.

Пусть Алекс делает то, что считает нужным.

- Я слышала выстрелы... - печально произнесла тетя Кларисса.

Такая маленькая, сухонькая старушка, подумала Франческа, и столько в ней зла.

Алекс прицелился в Клариссу.

- Ида?

Франческа очень любила тетю Клариссу. Нет, она не может позволить Алексу убить ее.

- Ида?.. - встревожилась Кларисса и сразу стала похожа на обычную суетливую и заботливую тетушку Клариссу.

Но она не была ни суетливой, ни заботливой. Никогда. Она была Творцом Зла, такого огромного, что даже представить себе невозможно.

Раздался выстрел.

Кларисса схватилась за грудь.

- Франческа, - простонала она тонким, высоким голосом и, перегнувшись через парапет, упала замертво.

Франческа сама была похожа на ходячего мертвеца. Бледная, с блуждающим взглядом, казалось, ее сразили порочность и зло этого мира.

Но Алексу сейчас было не до уговоров и утешений.

- Франческа? - Она не слышала его. Он слегка похлопал ее ладонью по щеке. - Франческа!

Она сосредоточилась.

- Я слышу тебя, Алекс.

- Твои тетушки мертвы. Мы должны найти Кольма. Он не мог далеко уйти. Он почти полз, когда я выстрелил в него.

Франческа судорожно сглотнула, с трудом преодолев охватившие ее страх, ужас и апатию.

- Я согласна.

- Мы должны уничтожить семя. - Значит, он все слышал.

- Да, - пробормотала она. - Мы должны... - Ее глаза округлились. - Я чувствую запах дыма.

Будь проклят этот мерзавец. Он решил уничтожить следы.

- Я тоже чувствую дым, - сказал Алекс, стараясь не выдать своего волнения. - Стой здесь. Я посмотрю наверху.

Но в этом не было необходимости; он и так знал, что сделал Кольм, - поджег алтарь, и тот вспыхнул, как факел, преграждая им выход.

- Туда пути нет, - сказал Алекс, но Франческа уже и сама это поняла. И при этом чувствовала себя удивительно спокойно. Или она уже мертва?

- Послушай. Он же выбрался как-то отсюда, не поднимаясь наверх. Надо выяснить как. Возьми свечу. - Алекс тоже взял свечу и раздвинул занавеси, пропуская вперед Франческу.

- Как сюда входили те женщины?

- Они появлялись из-за занавесок, - ответила Франческа, тут же сообразив, что женщины находились в маленькой потайной комнате, скрытой занавесками, в которой, похоже, не было выхода.

- Должен быть выход. Может, потайная стена или рычаг. - Алекс присел у противоположной стены и стал ощупывать ее, дюйм за дюймом.

Франческа проверяла занавеси. Ничего.

Но что-то должно быть, потому что-то дым становился все гуще и гуще. Выбрался же как-то Кольм из этой комнаты.

- Подожди-ка... - Алекс подошел к занавесям и стал разглядывать что-то. - Понятно. - Он изо всех сил дернул за карниз. Они услышали скрежет камня о камень и увидели дверь.

- Быстрее... - Алексу казалось, что еще секунда - и он задохнется; Франческа, наконец, протиснулась в дверь, Алекс бросился следом и упал прямо на нее, жадно вдыхая чистый ночной воздух.

Брейдвуд горел.

Они стояли на холме и смотрели, как полыхает на фоне ночного неба дом.

Все демоны зла, кроме одного, призваны в ад, подумала Франческа. И этот, последний, тоже окажется там.

Все исчезло. Все, что было у нее в жизни, ее надежды, ее мечты... ее семья... ее деньги... о, Боже... все деньги, которые могли как-то смягчить эти потери. Чуждость произошедшего у нее на глазах ошеломила Франческу.

И, казалось, заданный ею вопрос был излишним.

- Что нам теперь делать? - Но Алекс знал ответ:

- Найти и убить это исчадие ада.

Глава 20

Секреты, повсюду секреты.

Филиппа не знала, как выдержит все это. Она тосковала по Аполлону. Прекрасному, сильному, словно жеребец, Аполлону.

Она ждала ребенка, но об этом никто не должен был знать. Пока не станет заметно.

И, что хуже всего, никому до нее нет дела. Ни Маркусу, который все время занят, ни Джудит, все еще ликовавшей по поводу исчезновения «этой твари».

Только зачистивший к ним Аластэр заметил, что она бледна и апатична. Но он приезжал, надеясь увидеть «тварь», и не скрывал этого.

- Богиня, истинная богиня. Восхитительная, яркая. Тебе, Филиппа, с ней не сравниться. Признайся честно, Маркусу небось и смотреть на тебя неохота?

Филиппа от обиды расплакалась, а Аластэр терпеть не мог слезы.

- Не реви, - одернул он ее, с нетерпением ожидая, когда, наконец она доверится ему. - Может, поделишься со мной, расскажешь, что случилось.

Филиппа знала, что он сплетник, и это было ей сейчас на руку. Пусть все узнают, может, хоть обратят на нее внимание. Потому что она живет словно в аду.

- Я встретила мужчину, около месяца назад или двух...

- О... о!

- Он... гм... неожиданно уехал.

- О Боже. - Женщины обычно не признаются в таких вещах, но Филиппа, похоже, была в отчаянии. - Насколько далеко это зашло?

- Дальше некуда, - прошептала Филиппа. Аластэр покачал головой:

- О, ты пустилась в плавание по бурному морю и не успеешь оглянуться, как утонешь. Зачем ты это сделала? И посмотри, чем это для тебя закончилось.

Филиппа глубоко вздохнула.

- Это еще не все.

- Нет, - простонал Аластэр. Она кивнула.

- И никто не догадывается.

- Откуда им догадаться. Посмотри на себя. - Ее глаза наполнились слезами. - Скажи мне, что делать.

Ни один мужчина, даже гомосексуалист, не смог бы устоять перед такой мольбой.

- Доверься мне, моя милая. Я о тебе позабочусь.

На следующий день, в сумерках, они приехали в Миэршем-Клоуз. Алекс нанял карету с парой лошадей и сам правил ими. При сложившихся обстоятельствах это было самое разумное, хотя

он не сомневался, что Джудит опять будет близка к обмороку.

- Милорд... - Мальчики-грумы выбежали навстречу, когда карета въехала во двор. -
Позвольте...

Алексу показалось, что он не был дома, по меньшей мере, год.

- Франческа... - Он протянул ей руку как раз в тот момент, когда Маркус выбежал из арки под
лестницей.

- Что за пьяный правил каретой? - Маркус остановился как вкопанный. - О Бог мой... Алекс!
И... вы оба жутко выглядите...

- Мама дома? А Филиппа? Пойдем, мы многое должны рассказать.

Но Джудит, разумеется, слышать ничего не хотела, а Филиппе, похоже, было все равно.

- Значит, ты опять за старое: возьмешь ее в свою комнату...

- Она будет жить в комнате для гостей, - спокойно ответил Алекс. - Слишком долго объяснять,
почему она появилась здесь под чужим именем. Достаточно сказать, что сейчас я ей
полностью доверяю и надеюсь, что вы последуете моему примеру.

- Ты действительно сумела обвести его вокруг пальца, - вполголоса съязвила Филиппа. - Я бы
все отдала, чтобы узнать твой секрет.

- Парочка тетушек, одержимых манией величия. Это средство способно творить чудеса с
мужчиной.

Филиппа в недоумении уставилась на нее.

Франческа не отвела взгляда. Филиппа выглядела утомленной, глаза ее горели злобой и какой-
то скрытой мукой, словно она побывала в аду.

Это действительно так, подумала Франческа. Поглощенная ощущениями, вызванными
возвращением в Миэр, она совсем забыла о Филиппе, о том, что та тоже стала пешкой в руках
Кольма.

Кольм сам сказал, что соблазнил жену викария и вдоволь попользовался ею.

О Боже, о Боже... он следил за Сарой от самого Берлина до Миэршема, вторгся в их жизнь,
соблазнив родственницу Алекса. И все это время искал бумаги. И соблазнил Филиппу лишь
потому, что она была доступна, созрела - а кто, как не он, способен удовлетворить желание
женщины.

Бедная Филиппа. Сосуд для семени... а что, если это семя даст плоды? Что, если это уже
случилось? Однако поведение Филиппы не располагало к сочувствию или жалости.

Франческа осторожно протянула ей руку, но Филиппа, гордо выпрямившись, отмахнулась от ее
сочувствия.

- Значит, мы теперь одна большая счастливая семья, - с сарказмом заметила Филиппа. - Как
мило. - Ей хотелось плакать. Но жена священника должна стойко выносить испытания.

В конце концов, Сара, Франческа, или как ее там, получит то, что хочет. А Филиппе придется довольствоваться ублюдком, рожденным от сбежавшего возлюбленного. Какая несправедливость!

- Пойдемте, миледи. Его светлость хотят, чтобы вы отдохнули. - Уоттен появился рядом с Франческой. Она не сводила глаз с Филиппы, пока поднималась в комнату для гостей, и сильно встревожилась. Филиппа казалась маленькой, несчастной, измученной. И никто не мог ей помочь.

- Агнес позаботится о вас, миледи. Можете принять ванну, если пожелаете. Ужин подавать вам в комнату? Только скажите - все будет исполнено.

Она предпочла ванну - горячую, освежающую ванну, с пышной пеной, чтобы смыть все свои грехи. И еду. И чистую ночную рубашку, в которой она могла бы свернуться калачиком на постели и забыться сном без сновидений.

- Меня не было всего пять дней, а Филиппа за это время стала похожа на гулящую девку. Что происходит, Маркус?

- Будь я проклят, если что-нибудь понимаю, - ответил Маркус, проведя рукой по волосам. - И твой странный дружок Аластэр все время крутится возле нее. Говорю тебе, Алекс, такая жизнь слишком скучна для Филиппы. Господи, и зачем только она вышла за меня замуж?

- Не знаю. Спроси об этом ее.

- Я не в силах с ней разговаривать.

- И со мной тоже, - холодно заявил Алекс. - Но у меня есть дела поважнее.

- Эта женщина... - начал, было, Маркус.

- Она не Сара Тэва.

- Да, кажется, ты уже говорил об этом. После всего, что ей пришлось пережить по твоей милости, ты заявляешь, что она выдавала себя за ту женщину.

- Я запугал ее. У нее не было выбора. А когда она приехала сюда, было уже поздно. Ее зовут Франческа Рэй, и я был бы признателен, если бы ты относился к ней менее враждебно, чем к Саре Тэва.

- Да, разумеется, разумеется. Мы все осознали свою ошибку. Остается лишь надеяться...

- Человек живет надеждой, - сказал Алекс, перебив его. - Иди, найди свою жену.

Алекс хотел остаться один и поразмышлять, где искать Кольма.

Кольм почти был в его руках. Такая возможность выпадает раз в жизни - поймать человека, задумавшего создать новый мир. Кольм из тех, у кого никогда не иссякнет жажда власти. И его надо уничтожить. Другого не дано.

Но Алекс не хотел совершать еще одно убийство. Хватит и того, что он застрелил обеих тетушек Франчески. Это из-за него ей пришлось пройти все круги ада.

Но он никак не мог забыть танцующую Франческу. Ее изящество, ее грацию. Ее обнаженное

тело.

- Эта сучка должна нам семьдесят пять фунтов, - заявила Джудит, появившись на пороге.

- Они сгорели. Входи, мама, будь как дома.

- Неужели это правда, Алекс? Неужели она действительно не та экзотическая штучка?

- Да, мама, правда.

- А ты не пытаешься ввести меня в заблуждение?

- Нет.

- И, однако же, она танцевала.

- Я угрожал ей. Шантажировал ее. Я заставил ее, - без обиняков заявил Алекс.

- Нет, я совершенно не понимаю молодых. Не понимаю тебя. Почему ты никак не остепенишься? Не создашь семью?

- Возможно, я это сделаю, мама.

Джудит покачнулась.

- Не с этой?..

- Да поможет мне Бог, но она может и не согласиться. - Джудит простонала:

- С этим созданием.

- Подумай над этой идеей, мама, может, и привыкнешь к ней.

- Никогда.

- Спокойной ночи, мама.

- Никогда. - Голос Джудит затих в коридоре. Никогда - это непостижимо долго. Что, если они никогда не поймут Кольма?

Алекс откинулся в кресле и закрыл глаза. Внезапно он почувствовал страшную усталость. Он многие годы гонялся за Кольмом, расследуя каждый намек на его преступную деятельность, но ни разу не слышал о тетках в Брейдвуде и их племяннице.

Как умело Кольм держал все в секрете! Сбил всех со следа, прибегнув к отвлекающей тактике, играя одновременно роль шпиона.

Он использовал все, что мог, в своих целях. Распоряжался Франческой по своему усмотрению, чтобы не путалась под ногами.

Одержимый манией величия в своем стремлении к власти, он манипулировал всеми, кто попадался ему на пути. Какой же мощный заряд он должен был получить от двух самых безобидных на вид старых дев! Они, должно быть, с первого взгляда приняли Кольма за Бога. И, судя по книгам в библиотеке, их идеи зародились именно там.

Какой же ум и какая железная воля потребовались, чтобы осуществить подобное? Кто все планировал, кто подбирал женщин, кто убеждал их, что соитие с Кольмом станет для них земным раем?

Это было настолько непостижимо, что в голове не укладывалось.

И, тем не менее, это существовало.

А теперь закончилось – Брейдвуд сгорел, и от роскошной комнаты для спаривания остался лишь пепел.

Но это не означало, что Кольм не начнет все сначала.

Ферма для размножения, сказала Ида. Где женщины были готовы принять Кольма, зачать от него и что? Взять ребенка?

Это не колония, сказала Ида. Это ферма для размножения.

Что означало... что означало, что он был на верном пути.

И мог находиться где угодно.

Но задолго до всех событий Кольм уже знал, что Сара приедет в Сомерсет. Это была единственная возможность – отправить ее с помощью Алекса в Англию. Приехав в Берлин, Алекс понял, что именно на это Кольм и рассчитывал.

Следовательно, логично предположить, что новый мир Кольма может существовать... прямо у него под носом.

Эта мысль приводила в ужас. Не исключено, что где-то в Сомерсете живут пособники Кольма и что Алекс подобрался к ним совсем близко с помощью Сары. Он нутром чувствовал это.

И чувствовал, что Кольм сейчас где-то рядом и вместе со своими сообщниками скрывается у кого-то из друзей.

В развалинах Брейдвуда плакал ребенок, а его мать бродила среди руин в поисках отца малыша. Но никто ее не ждал, и через некоторое время она ушла. А потом следующая, и еще одна, пока все они не исчезли...

Франческа внезапно проснулась, стараясь освободиться от оков сна. Такие вещие сны; она всем сердцем сочувствовала этим печальным, одиноким женщинам, бродящим среди руин...

Призывая самца...

Ей казалось, что Кольм преследует ее, протягивает к ней руки, касается ее тела...

Даже думать об этом страшно. Она надела халат и комнатные туфли и спустилась вниз.

Везде горел свет, как будто он мог рассеять ночные страхи.

Франческа знала, что никто не следит за ней, но все равно не чувствовала себя свободной.

Она увидела свет в библиотеке и остановилась в дверях, рассматривая Алекса, который не

заметил ее.

Он сидел за столом, обхватив голову руками; без колебаний уничтожив раковую опухоль, он теперь испытывал угрызения совести. В то же время он готов был на все, только бы достичь своей цели.

Не так уж сильно он отличается от Кольма, подумала Франческа. Да и от нее тоже.

Он казался вконец измотанным. Плечи его поникли, все тело обмякло.

И Франческе вдруг стало жаль его. Впервые она не воспринимала его как врага, от которого надо спасать Кольма.

Как же нелепы оказались ее опасения!

Она в изнеможении прислонилась к двери. Ей тут спокойно, ее не подстерегает опасность. Можно, стоя одной ногой за порогом, второй шагнуть в комнату, словно балансируя между миром, который она покинула, и миром Алекса.

Это два совершенно разных мира. Она околдовала его, когда притворялась Сарой. Но как держать себя с ним после того, как он овладел ею? Она едва помнила сам этот момент; зато его поцелуи и ощущение власти, которую она обретала над ним, когда танцевала, были незабываемы.

Вот путь к укрощению мужчины. Она знает все секреты Сары, есть у нее и свои, но недостает смелости их применить.

Алекс вдруг поднял голову и увидел ее в дверях - ангела, спустившегося к нему с небес. Он остро почувствовал, как нужна она ему сейчас, чистая, невинная, вся сотканная из противоречий.

Он встал из-за стола в тот самый момент, когда Франческа шагнула ему навстречу, и заключил ее в объятия.

Они стояли так очень долго; потом он приник губами к ее губам, жадно, словно измученный жаждой путник к источнику.

На этот раз она дала волю чувствам, растворившись в обрушившемся на нее потоке поцелуев.

Желала его так, как могла желать только Сара. Жаждала его пыла и страсти, силы и слабости.

Жаждала испытать еще незнакомые ей ощущения, сосредоточившиеся сейчас где-то внизу живота, вовлекающие ее в омут удовольствий.

Охваченная страстью, она готова была сорвать с него одежду, чтобы ничто не мешало слиться их телам в единое целое.

Алекс же не мог насытиться поцелуями, осознав, наконец, что ее неуловимость, сводящая его с ума, была всего лишь страхом девственницы.

Это был самый тонкий момент - мостик между ее желанием и его жаждой. Усталость исчезла, сменившись неудержимым возбуждением.

Не нужно торопиться. Он должен быть медлителен, нежен. Но ее жадные поцелуи, ее

неискушенные руки... ее податливое тело под тонкой тканью ночной рубашки.

Как долго может продержаться мужчина? Или девушка, недавно ставшая женщиной?

Он взял себя в руки. Пусть это будет ее выбор, ее желание, а его единственная задача – исполнить это желание, удовлетворить ее, заставить ее девственное тело хотеть его до безумия, до самозабвения.

Алекс прижал ее к стене, жарко и настойчиво, в то время как ее руки, блуждая по его телу, раздевали его.

Потом ее руки скользнули вниз и сжали его возбужденную плоть с уверенностью, присущей опытной женщине.

Алекс почувствовал слабость в коленях.

Чего еще ему было желать? Одурманивающий вкус ее губ, ее руки, жаждущие познать его тело, которое он с радостью готов был отдать ей.

Но этого ему было мало.

- Франческа... - прошептали его губы у ее губ. - Тебе больше не будет больно.

- О... - выдохнула она. Так вот в чем секрет. Значит, когда преграда преодолена, женщина может любить так же свободно, как и мужчина.

Как Сара Тэва.

Она осознала свою власть над ним, потому что он хотел ее всю, жаждал проникнуть в гнездышко меж ее ног.

- Да, - прошептала она. - Да... - Она хотела испытать все.

Алекс задрал рубашку и ощутил ее тело. Теплое, шелковистое, полное желания.

- Ты, - прошептал он, прежде чем снова накрыть ее губы поцелуем. - Ты...

Да, он хотел, чтобы выбор был за ней, но не знал, сможет ли сдержаться. Ее руки творили чудеса, лаская его самым невинным и в то же время самым чувственным образом, а он ведь не каменный, хотя чувствовал себя сейчас несокрушимым, неутомимым, полным мужской силы.

Он не заметил, как вошел в нее. Это произошло помимо их сознания. Потому что оба стремились к этому.

Франческа застонала, когда он проник в ее лоно, это было ни с чем не сравнимое ощущение. Настолько сильное, что ей показалось, будто она сейчас потеряет сознание.

Алекс успокаивал ее поцелуями, осторожно двигаясь в ней, чтобы она ощутила это скольжение, влагу, жар, все нарастающее, раскручивающее, словно пружина, возбуждение. Он увлекал ее за собой все дальше и дальше, к той черте, которую она еще не переступала.

Да, она еще не познала главного, она, которая своим девственным телом, доводила мужчин до безумия. Да, вот это... это его неудержимое стремление излить в нее свое желание.

И она хотела переступить эту черту вместе с ним...

Она ощутила свою силу, свою власть, свою женственность, раскрывшись перед ним. И первую яркую вспышку наслаждения, которое изменило ее и навсегда покорило.

Она погрузилась в водоворот еще неведомых ей ощущений, совершенно невероятных. Они струились по телу, горячей волной устремляясь к пульсирующей плоти у нее между ног.

Алекс неудержимо увлекал ее за собой, к неведомой вершине, поцелуями, ласками, жаркими словами, возбужденной до предела плотью.

И потом, и потом...

Она словно взорвалась, ее тело конвульсивно вздрогнуло, подавшись вперед, навстречу его плоти, пока и он не достиг вершины... высвобождения...

Наступила кульминация!

Они не могли пошевелиться, не могли произнести ни слова. Не могли, не могли...

Теперь она стала женщиной, познала все тайны, и, пожалуй, это самое главное, что она вынесет из этой истории.

Алекс осторожно отстранился от нее; жар их тел был все еще осязаем, когда он усадил ее к себе на колени.

Для него это был определяющий момент; он излился в нее, и теперь она принадлежала ему – навсегда.

Прижимая ее к груди, Алекс надеялся, что они вместе преодолеют весь этот ужас, разгадают все загадки, покончат со злом.

Тишина обволакивала их, и Франческа старалась не думать о том, что будет дальше. Именно это не давало ей спать. И она пришла к Алексу.

Любое произнесенное сейчас слово может нарушить возникшую между ними связь, и реальность обрушится на них с новой силой.

Но если она этого не сделает, чудовище будет жить.

Это невероятно трудное решение должна принять она.

Франческа выскользнула из кольца его надежных рук.

- Я думаю, он здесь, - сказала Франческа. - Он мне сказал, что соблазнил Филиппу. И теперь, когда он не может получить других, он вернется, чтобы проверить, забеременела ли она.

Дитя семени. Она вздрогнула при мысли о невинном ребенке, точной копии Кольма во всех отношениях.

- Иисусе!

Ей ненавистна была эта мысль, но она должна была облечь ее в слова:

- Филиппа является ключом.

Филиппа чувствовала себя несчастной этим утром; ее мутило, и в голову лезли разные недобрые мысли. Так что меньше всего ей хотелось видеть Аластэра, появившегося у дверей.

- Новости разлетаются мгновенно, моя дорогая, - воскликнул он. - Я только что узнал, что приехал Алекс и с ним наша красавица.

- Разве? А я и не заметила. - У этой твари плоский живот, и она не выглядит, словно призрак. Ее не рвет по утрам после завтрака.

- Полно, Филиппа. Твоя апатия вредна для ребенка.

- Не желаю слышать об этом! - Филиппа отвернулась. - О Боже, я хочу умереть.

- Никогда так не говори! - Аластэр схватил ее за руку. - Это глупо, Филиппа, и нехорошо по отношению к ребенку. Послушай, что ты делаешь сегодня? Насколько я понимаю, Маркус, как всегда, занят. Так что он не будет возражать, если я вывезу тебя на прогулку и немного развлеку.

- Я не против. - Это лучше, чем ничего. По крайней мере, Аластэр забавен и знает о ребенке, так что ей ничего не нужно скрывать.

- Я приготовил тебе сюрприз, - сказал он, усадив ее в карету.

- Сюрприз - это мило, - сказала она бесстрастным тоном.

- Моя дорогая. Мы едем ко мне. - Он говорил без умолку.

Филиппе понравилось, что слуги бросились к карете с таким же рвением, как и в Миэршеме. Слава Богу, что они живут в Миэршеме, а не в домике викария.

- Сейчас будем пить чай. Ты зайди в последнюю комнату слева по коридору. Я через минуту приду.

Филиппа побрела по коридору, рассматривая семейные портреты. Дом Аластэра оказался поскромнее Миэршем-Клоуз, более уютным, более удобным.

Толкнув дверь, она увидела у окна мужчину. На лицо его падала тень.

Но она сразу узнала его. Эти плечи, это тело, эту позу.

- О Боже... о! - Она была близка к обмороку, но он мгновенно бросился к ней, обхватил своими сильными руками и повел к креслу.

- Моя дорогая, моя милая, - бормотал он, целуя ее руки.

- О, я не могу поверить, не могу. Я так хотела тебя, что чуть не умерла.

- Но теперь я здесь. - Он зарылся лицом в ее колени, и она погладила его волосы.

- И ты снова будешь со мной?

- Столько, сколько захочешь.

Будь благословен Аластэр – откуда он узнал? Впрочем, это не важно. Аполлон вернулся к ней, и только это имело значение.

- Увези меня отсюда.

- Мы поговорим об этом, дорогая.

- Я жду ребенка.

- О Боже! Правда? – Он стал покрывать поцелуями ее живот. – О, ну разве ты не умница?

- Как и ты, – пробормотала она, и ее глаза наполнились слезами. Она не вернется к Маркусу. Никогда.

Вечером того же дня Маркус появился за обедом в состоянии, близком к панике.

- Я не видел Филиппу весь день, – сказал он.

- Я тоже ее не видел, – сообщил Алекс. – Присаживайся, Маркус. Ты, я смотрю, совсем раскис.

- Она стала такой странной. Такой странной. И очень похудела. Я так волнуюсь за нее, а она ничего не говорит. Ты должен что-то сделать, Алекс.

- Сядь, Маркус. – Он налил брату немного бренди. – Выпей и возьми себя в руки. А потом мы все обсудим и решим.

- А где та женщина?

- Наверху, одевается к обеду.

- Да кому сейчас кусок в горло полезет? – простонал Маркус. – А вдруг с Филиппой что-нибудь случилось?

- Ну, это мы скоро узнаем, не так ли? Она не могла далеко уйти, кто-нибудь наверняка ее видел.

Маркус глотнул бренди.

- А если все-таки ушла?

- Вряд ли, – сказал практичный Алекс. Все друзья Филиппы живут в деревне, а общественные мероприятия, в которых она участвует, связаны с храмом. – Думаю, тебе стоит присоединиться к маме в столовой. Она замечательно умеет заламывать руки и делает проблемы сложнее, чем они есть на самом деле. А когда ты успокоишься, я пойду за Франческой.

Маркус раздраженно посмотрел на него.

- Филиппе несвойственно опаздывать. Она такая пунктуальная.

- Значит, что-то ее задержало. Скоро мы это выясним. – К несчастью, Алекс не сомневался, что Филиппа сейчас у своего любовника, этого безумца, и что она ждет от него ребенка, но не

хотел, чтобы брат узнал это от него.

Где именно скрывается Кольм, этого Алекс не знал. Может, далеко отсюда, а может, в соседнем доме. Он достаточно умен и хитер, чтобы выбрать подходящее место. Соблазнил же он Филиппу!

- Ну, иди. Мама ждет. Можешь ей все рассказать. - Алекс встретил Франческу на лестнице.

- Филиппа исчезла, так Маркус сказал, но, возможно, он просто паникует.

- А может, так и есть, - сдержанно заметила Франческа.

- Ты права. Он наверняка где-то поблизости. Дождется рождения ребенка и заберет его. Кто-то ему помогает. Надо выманить Кольма из его убежища. Ему нужен не только ребенок. Ему нужна ты... мы...

- Мы нужны ему мертвые, - уточнила Франческа. - Ты это имел в виду?

- Он не рассказал бы тебе о Филиппе, если бы знал, что ты останешься жива. Вдобавок мы уничтожили его гнездо, убили теток и слишком много знаем о его планах.

- Что ты собираешься предпринять?

Алекс посмотрел ей в глаза, ища согласия, понимания. Эти бездонные, прекрасные глаза, полные сострадания. Он знал, что она поймет.

- Надо все рассказать Маркусу, - произнес он. - Мы не сможем сделать это одни. А потом - потом Саре Тэва снова придется танцевать.

Я убью их. Убью всех до единого.

Это будет последнее, что он сделает, прежде чем исчезнуть вместе с Филиппой. Он покинет колонию, пусть даже она распадется. Ребенок - вот главное. И его семья. Тогда он сможет создать свержнацию в любом месте, где почва окажется для него благоприятной.

А она повсюду. Это он точно знает.

Единственным препятствием остаются Франческа и проклятые аристократы, с которыми эта шлюха снюхалась. Придется уничтожить их всех, но это ничто по сравнению с тем, что они сделали с его миром.

С каким удовольствием он избавится от Франчески! Глупая маленькая цыганка - вечно ныла и таскалась за ним по пятам. А теперь надо же - любимица пэра.

Но для осуществления своего плана Кольм должен собрать их всех в одном месте.

Проблему решил Аластэр. Именно Аластэр, с его злобой и склонностью к самым модным излишествам, какими бы гнусными они ни были. Он не испытывал никаких дружеских чувств к Кольму, просто жаждал быть первым везде и во всем. Будь то мода или философия.

Конечно же, его прельщала перспектива быть вторым после Кольма в его новом мире.

- Послушай, - сказал Аластэр Кольму, когда Филиппа в очередной раз задремала. - Он снова

привез эту шлюху в Миэршем. Можно пригласить ее потанцевать перед гостями. Я ведь так и не сумел заполучить ее первым. Такая досада! Господи, она – это нечто! И, конечно, явится в сопровождении Алекса. Если хочешь, придет и этот ханжа и зануда Маркус!

- Организуй это, - приказал Кольм. Да, именно приказал. Потому что его по-прежнему почитали как семя, как Короля. И Аластэр, как и все остальные его сообщники, немедленно бросился исполнять его волю.

Несколько десятков мужчин окружили установленные в парадном зале подмости и потягивали шампанское. Аластэр намеренно пригласил на этот раз такое количество гостей. Человек может затеряться в толпе, как крик, как стон. Все должно бы идеально. Он хотел, чтобы все было идеально – для Кольма.

Аластэр ни за что бы не признался, что немного влюблен в Кольма. Тот был так красив, так совершенен – почему бы не порадовать его, не увидеть его улыбку. Все остальное – чепуха. Если это свершится, что ж, прекрасно, если нет – Аластэр отбросит эту идею как ненужный галстук.

Поездка в Миэршем и приглашение Сары оказалось делом легким. Аластэр готов был сделать для Кольма гораздо больше, чтобы доказать ему свою любовь.

Но нет, Кольму нужны были только танцовщица и Девени.

Сцена была готова, музыканты настраивали инструменты. Сара Тэва уже готовилась к выходу.

А Алекс и Маркус прогуливались среди гостей.

Кольм наблюдал за ними с балкона для музыкантов. Он в качестве оружия выбрал нож. Нож так удобен – он действует исподволь, неслышно и сразу поражает цель. Один взмах – и человек мертв. Один поворот – и сердце врага у вас на ладони.

А для Франчески это будет самая приятная, самая чистая смерть, какую только она могла пожелать. И он обязательно позаботится, чтобы ее цыганская кровь не запачкала паркет в доме Аластэра.

Франческа двигалась под музыку, плавно вращая бедрами; золотые пластинки, украшавшие пояс и край прозрачной юбки вращались и отражали свет. Золотые цепочки спускались с шеи на обнаженную грудь; лицо было скрыто густой вуалью.

Шаг, выпад, шаг. Не забывай о руках. Потряси плечами, грудью, вращай бедрами, разбуди их воображение.

Мужчины были уже на пределе и буквально пожирали Франческу глазами.

Воздух был напоен жарким желанием. Они хотели ее и тешили себя иллюзией, что она не принадлежит никому и в то же время каждому из них.

Кольм ждет, но где?

Алекс и Маркус незаметно покинули зал, неторопливо прошли по коридору и поднялись на второй этаж; стоило Маркусу представить себе, что Филиппа где-то здесь, как его охватывала ярость.

«Все получится, если только ты будешь, спокоен», – сказал ему Алекс, и Маркус изо всех сил старался сохранить самообладание. Ему хотелось убить мерзавца собственными руками, избавив Алекса от этой необходимости. Он готов был растерзать его и бросить собакам.

В доме Аластэра сколько угодно потайных мест, где может спрятаться Кольм.

Скорее всего он наверху. Там безлюдно и тихо. Есть где притаиться, чтобы потом броситься на свою жертву. Алекс не стал этого дожидаться и решил рискнуть. Надо брать сейчас. Немедленно. Пока внимание собравшихся сосредоточено на Франческе.

– Шшш... – Прижимаясь спиной к перилам, Алекс крался по лестнице, Маркус за ним. В задачу Маркуса входило увести Филиппу, а с Кольмом разберется Алекс.

В коридоре царили тишина и полумрак; лишь издали доносились слабые звуки музыки.

Как только Аластэра угораздило связаться с таким мерзавцем, как Кольм?

Они уже почти достигли площадки.

Наконец появился Кольм. Он обрушил на голову Алекса рулон бархата, бросился на него, сбил с ног, и оба упали, покотившись вниз. Маркус застыл на месте. Алекс пытался вырваться, но Кольм мертвой хваткой вцепился в него.

Маркус не знал, что делать – то ли помочь Алексу, то ли искать Филиппу? Его нерешительность едва не стоила ему жизни. Наконец он взял себя в руки и побежал по коридору, заглядывая в каждую комнату.

Он нашел ее в пятой по счету и хотел увести, но услышал за спиной тяжелые шаги.

Слишком поздно, поздно. Кольм преградил путь к постели.

– Ты ее не получишь. Она тебя не хочет. Она носит мое семя. – Ярость вспыхнула в нем, словно огонь. Кольм стоял, дразня его, глядя Филиппу. – Уходи, Маркус. Ты здесь лишний. Филиппа станет матерью нации. А что можешь ей дать ты, жалкий священник?

Кровь бросилась Маркусу в голову, и он ринулся к Кольму. Ему было все равно, он хотел умереть мучительной смертью. Пусть любовник жены лишит его жизни. И пусть Филиппу до конца ее дней мучают угрызения совести. Маркус вцепился в Кольма, словно клещами. Они метались по комнате, как два разъяренных слона, а Филиппа, сжавшись в комок на постели, стонала:

– О Боже, что я наделала?

Но никто не слышал ее; Маркус, ослепленный яростью, хотел искалечить мерзавца, прежде чем тот его убьет.

Все завертелось у него перед глазами. Он стал терять сознание, когда Кольм принялся его душить. Наконец-то наступит конец его боли, его унижению...

В этот момент раздался грохот, и Маркус с жадностью глотнул воздух.

Рядом, на полу, стонал Кольм, а над ним стояла Филиппа, держа в руке разбитый графин.

Алекс ворвался в комнату.

- Уведи ее отсюда. - Маркус замотал головой.

- Но... Франческа...

- И ее увези. Немедленно.

Маркус посмотрел на Филиппу. Она кивнула, он взял ее за руку, и они покинули комнату, оставив Алекса один на один с Кольмом.

«Я мог бы убить его здесь, - подумал Алекс, пытаясь отдышаться. - Я мог бы забить его до смерти. Чудовище. Чудовища красивы. Они прячут свое зло под маской цивилизованности и растлевают массы». Кольм был даже слишком красив, чтобы умереть, но если Алекс оставит его в живых, он начнет распространять свои идеи и свое семя в других местах.

Алекс не мог допустить этого, как и того, чтобы Кольм снова охотился за Франческой.

Он пнул Кольма ногой. Даже Филиппа сделала свой выбор: не захотела, чтобы Маркус погиб.

А теперь и ему предстояло сделать свой выбор.

Пока Алекс медлил, Кольм обвил рукой его ногу и дернул так, что Алекс рухнул на живот, а Кольм сел на него и заломил назад руки.

- О, семя не так легко убить, друг мой. Будь это просто, новые нации никогда бы не рождались. А вот тебя и тебе подобных уколи, и вся ваша кровь вытечет, как вода, - прошептал он. - А теперь... - он поднял нож, - я сделаю самые чистенькие, самые аккуратные надрезы. Ты почувствуешь, как твоя кровь вытекает по капле. - Он провел кончиком лезвия по шее Алекса. - Я останусь с тобой до конца.

Кольму доставляло удовольствие мучить Алекса. Он делал надрезы один за другим, а Алекс под тяжестью его тела не мог даже пошевелиться.

- Я знаю, ты думаешь, что победишь, Алекс. Но обещаю тебе: и ты, и Маркус, и Франческа умрете...

Франческа вошла на цыпочках, босая, неслышно ступая по полу. В руке она держала кочергу с загнутыми острыми концами по краям. Напрасно Маркус пытался ее удержать.

Она приготовилась нанести удар Кольму, с увлечением орудуя ножом, и заняла для этого прекрасную позицию.

Сейчас все это прекратится. Семя будет уничтожено, и как хорошо, что именно она, столько всего натворившая ради спасения Кольма, приведет в исполнение смертный приговор.

Франческа ждала. Она умела ждать. Жизнь ее этому научила.

И вот, наконец, решительный момент настал. У Алекса на теле показались первые капли крови.

Теперь она позаботится, чтобы кровь Кольма текла рекой.

Она нацелилась, размахнулась и нанесла удар.

Крючок попал Кольму прямо в затылок. Он обернулся.

Она наносила удар за ударом, не давая опомниться, пока он не рухнул...

Сары Тэва не стало. Умерла самая знаменитая в мире исполнительница ритуальных танцев, развлекавшая королей и вельмож всей Европы и Средиземноморья и бросившая свое ремесло ради младшего сына влиятельного графа.

Франческа выполнила свою задачу; траур закончился, и Сара, наконец, может покоиться с миром.

Алекс из окна наблюдал за Франческой, бродившей по саду Миэршема. Он не знал, готова ли она встретиться с ним. Слишком свежи были раны.

Даже Маркус, с его всепрощением, тяжело переживал случившееся, но все же решил воспитать ребенка Филиппы как собственного.

Но Франческа – это совсем другое. Она не только уничтожила зло, она убила свою самую большую любовь. Как они смогут жить вместе после того, что произошло, думал Алекс.

Но он никогда не отпустит Франческу. Он сказал ей об этом, еще, когда он пытался понять противоречивость ее натуры.

Она загадка, и он не успокоится, пока не разгадает ее.

Время. Надо дать ей время прийти в себя.

А Франческа недоумевала. Чего он ждет? Почему не пришел к ней после того, что им пришлось вместе пережить, после того, что было между ними.

Она не могла ждать, теперь, когда испытала с ним такое невероятное наслаждение. Она хотела еще, еще и еще, и ничто не могло помешать этому.

Ей хотелось соблазнить его, пустить в ход все уловки, которым она научилась, изображая самую знаменитую куртизанку Европы. Хотелось покорить самого сурового графа Англии, чтобы он стоял перед ней на коленях, боготворил ее, нуждался в ней, обладал ею.

Хотелось танцевать для него.

Все остальное сейчас не имело значения.

Она вошла в его комнату. Там все было по-прежнему. Холостяцкое прибежище.

Но теперь все будет по-другому.

– Что ты здесь делаешь, Франческа? – спросил Алекс, появляясь на пороге.

– Я пришла танцевать для тебя, мой господин.

Все его тело вспыхнуло, и он, преисполненный благодарности, закрыл глаза.

– Как пожелаешь, Франческа.

– Я желаю доставить наслаждение моему господину, – пробормотала она и ускользнула в

гардеробную, где все уже было готово.

Франческа давно поняла, что ему нравятся костюмы Сары, цепочки, вуали и все прочее, что они делают его податливым, как воск.

Она обвила цепочки вокруг рук, шеи, бедер. Лицо до самых глаз скрывала вуаль. Она вошла в комнату и стала приближаться к нему.

Цепочки сверкали в отблеске свечей, обнаженная грудь колыхалась, кожа блестела и переливалась, словно шелк. Казалось, сам соблазн предстал перед Алексом в облике Франчески.

Она переплела руки, потом опустила, и они заскользили по телу, подчеркивая его наготу.

- Мой господин, - прошептала она.

- Моя госпожа, - прошептал он, поймав ее и обхватив коленями, заключая в объятия, осыпая поцелуями, медленными, неспешными. - Ты станешь моей госпожой, когда пройдет боль.

Она чувствовала, как пульсирует его возбужденная плоть, прижавшаяся к ее телу. Ощущала его руки, неторопливо, умело ласкающие ее. Она вся была во власти желания. И лишь он один мог его удовлетворить.

Она выгнулась навстречу ему, он подхватил ее на руки и понес к постели.

Она смотрела, как он сбрасывает с себя одежду, впервые наслаждаясь красотой его обнаженного тела.

Он возбуждал ее одним своим видом. Ей хотелось прикоснуться к нему, ласкать его, узнавать его.

Он лег рядом, заключив ее в объятия, весь раскрывшись навстречу ей, ожидая ее ласк.

- Я не знаю, как... - прошептала она.

- Знаешь, - прошептал он, все еще поражаясь ее невинности, ее щедрости. - Я научу тебя.

Он осторожно проник в ее нежное лоно, и начался танец соития, медленный, неторопливый, казалось, ему не будет конца.